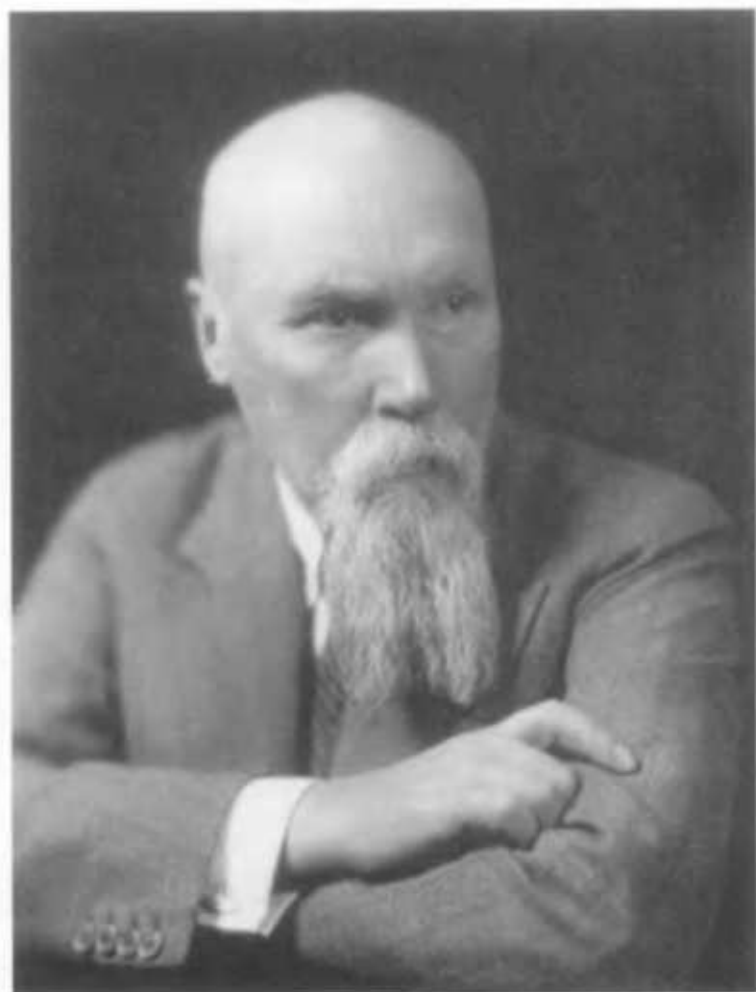

О.В. Лазаревич В.И. Молодин П.П. Лабецкий

Н.К. РЕРИХ - АРХЕОЛОГ

Н.К. Рерих

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

О.В. ЛАЗАРЕВИЧ, В.И. МОЛОДИН, П.П. ЛАБЕЦКИЙ

Н.К. РЕРИХ-АРХЕОЛОГ

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *В.Е. Ларичев*

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, 2002

ББК 63.4(2)
Л 171

Рецензенты:
кандидат искусствоведения *Е.П. Маточкин*
доктор исторических наук *Е.И. Деревянко*

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Л 171 Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.
Н.К. Рерих-археолог. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 116 с.

В монографии освещается малоизученная страница жизни Н.К. Рериха, связанная с его научной деятельностью в области археологии и изучения культуры народов Центральной Азии. В работе впервые систематизированы все доступные авторам на сегодняшний день сведения об исследовании ученых археологических памятников на территории европейской части России, стран Балтии, российского Алтая, Монголии, Индии, Китая. Книга знакомит читателей с разработанной Н.К. Рерихом методикой полевых археологических исследований. Рассматривается вопрос о влиянии занятий археологией на художественное творчество Н.К. Рериха и его общественную деятельность.

Работа представляет интерес как для специалистов указанных областей знания, так и для широкого круга читателей.

ISBN 5-7803-0091-7

ББК 63.4(2)

© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002

Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему)

Счастлив тот ученый, литератор, мыслитель или художник, чьи творения своим влиянием и действительностью выходят далеко за рамки времени, отведенные роком для его земного бытия. Это вневременное, одинаково мощное воздействие на людей разных эпох сильной творческой личности есть яркий показатель глубины постижения ею мира Природы и Человека.

Появление деятеля науки и культуры такого масштаба, властителя и выразителя дум, - всегда событие знаковое. Определяется оно факторами разнообразными, но в первую, пожалуй, очередь, здоровым духовным потенциалом нации, интеллектом и жизненным настроем семьи, а также ее окружения, творческим началом, пронизывающем существо самой этой личности и, наконец, Судьбой (удачным стечением обстоятельств) и загадочным Провидением, более всего, кажется, "озабоченным" тем, чтобы уникальная личность та, счастливо появившись на Свет Божий, исполнила всецело и до конца свое предназначение в этом загадочном Мире.

Никто не станет отрицать (и о том теперь стоит настойчиво напоминать соотечественникам, коим выпала горькая доля видеть страну свою беспредельно униженной), что Россия – держава, в которой эти "удачливые жизненные обстоятельства" складывались для ее сынов на удивление многократно. Они, ослепительно яркие "властители дум" нации и бескорыстные выразители ее интересов и надежд, не однажды изумляли человечество творениями своего ума, духа и чувств. Имена этих россиян – на устах, в душе и сердце каждого гражданина страны, озабоченного судьбой ее культуры.

В ряду высокого ранга "властителей дум" необъятного Отечества достойное место занимает Николай Константинович Рерих - великий русский художник, оригинальный мыслитель, организатор науки, неутомимый общественный деятель, страстный патриот России, увлеченный до самозабвения путешествиями писатель, историк и поэт, вдохновенный певец красот

Космоса, провозвестник эпохи космического мышления человечества, единения всех народов Земли под знаменем культуры, духовности, добра и сердечной душевности. Его колоссальное по объему художественное, литературное, научное и культурное наследие стало в нашей стране объектом пристального изучения профессионалов, а также особого внимания представителей широкой общественности: деятелей культуры, искусства, публицистов и политиков.

Н.К. Рерих потрясающе разнообразен и многогранен в своей деятельности. Результаты трудов его воистину неохватны. И потому едва ли найдется исследователь, который рискнет в одиночку представить во всей широте, многогранности и глубине сделанное им в искусстве, науке, культуре и на ниве общественного труда. "Человеческая глыба" такой невероятной интеллектуальной и духовной мощи может быть "поднята" лишь коллективом творчески вдохновенных исследователей профессионально высокого статуса, безукоризненно осведомленных во всех тонкостях тех конкретных отраслей знаний, которые привлекали Н.К. Рериха на протяжении всей его жизни.

Читателю предлагается первый опыт такого подхода к изучению и освоению творческого наследия Н.К. Рериха. Авторы попытались рассказать о его работе в области археологии. Это романтически (пожалуй, почти на равных с художественным творчеством!) и с юношеской страстью любимое Н.К. Рерихом отвлечение истории и культуры влекло остро волнующей непредсказуемостью поиска.

Парадоксально, но даже в этой, преднамеренно ограниченной авторами области знаний, Н.К. Рерих, с его обычным неутолимо жадным увлечением всем и вся, предстает перед любопытствующим фигурой, обладающей энциклопедическими познаниями и невероятной широты интересами. Его внимание привлекали не только отечественные, но и зарубежные древности. Информацию археологическую ученый стремился "подсветить" сведениями из этнографии - науки,

близко соседствующей с археологией, но вполне самостоятельной и потому требующей познаний специальных. Н.К. Рерих страстно увлекался изучением славянских памятников эпохи первобытности, а также средневековых замков, крепостей, соборов и монастырей, но более всего ум и душа его устремлялись к изначальным истокам истории человечества – векам каменному, бронзовому и железному, разнообразные культуры которых лежат в основании всех ранних цивилизаций Старого и Нового Света. Самым волнующим его сердце предметом было искусство каждой из этих эпох.

Энциклопедические познания Н.К. Рериха в области археологии сначала изумляют, а затем озадачивают, порождая порой щекотливые затруднения при попытках по достоинству оценить его достижения в практической работе (при проведении раскопок) и особенно сделанные им *заключения концептуального плана*. Поскольку при этом зачастую возникает желание узнать мнение специалистов узкого профиля о том, как ныне смотрятся взгляды Н.К. Рериха на ту или другую конкретную проблему археологии, первобытной или средневековой, в свете последних достижений профессионалов, то невольно возникает желание посоветовать *коллективу знатоков культур разных эпох* изучить его научные труды.

Такая мысль может показаться странной или, положим, предвзятой, обусловленной стремлением поставить Н.К. Рериха, героя этой книги, на высокую ступень классических по фундаментальности достижений археологии. Ведь деятельность Н.К. Рериха – очень далекое (теперь уже вековой поры!) прошлое науки о древностях, да еще того времени, когда отечественная археология проходила всего лишь первую стадию своего становления как академическая (признанная!) отрасль исторической науки. Могут ли очень уж высоко оцениваться достижения Н.К. Рериха в области изучения древностей с вершины этой величественной, ныне почти ушедшей за облака “горы знаний и фактов”, до размеров коей разрослась современная археология, которой удалось выявить множество новых культур и проследить тончайшие нюансы их взаимосвязей и взаимоотношений?

Подобного рода сомнение справедливо, но лишь для того, кто или необычайно высокого мнения о себе, или легкомысленно пренебрегает историографией археологии, той строго подводившей итоги науки, которая призвана демонстрировать наглядно, бесстрастно и непредвзято – на чьих могучих плечах выросла упомянутая “гора знаний и фактов” и чьи гениальные прозрения лежали в основе современных представлений об эволюции человечества в эпоху первобытности и становления цивилизаций. Каждый тут, обращаясь к Н.К. Рериху-археологу, может сказать свое. Мне же, для кого древнекаменный век и художественное твор-

чество ледниковой эпохи дороже всего в археологии, Н.К. Рерих гораздо ближе по своим представлениям любого из моих современников, занимающихся изучением каменного века и объектов его искусства. Несравненно ближе он мне по душевному настрою, по чувственным восприятиям, по мыслям, духу и устремлениям. Для меня Н.К. Рерих – не “навсегда отошедшее в прошлое” или “архивный раритет”, а истинный мой современник, в размышлениях коего я черпаю вдохновение. Для меня он – живой собеседник, у которого я мысленно нахожу понимание и сердечный отклик...

Н.К. Рерих особенно трепетно относился к эпохе “детства человечества”. Обращаясь к изделиям из камня и древнейшим образцам искусства, он стремился познать глубинные истоки общечеловеческой материальной и духовной культуры. Археология глубокой первобытности будоражила и без того сказочные по мощи и красочности воображение и фантазию художника, питала мудрые, часто вещие раздумья о человечестве, о тонкостях духовного мира первобытных людей, об удивительном единстве их творческих устремлений. “Живой”, нужной “для всех соображений” наукой назвал Н.К. Рерих археологию в статье “Каменный век” (1935 г.), изящном эссе с раздумьями о событиях, связанных с самыми ранними страницами истории человечества [1995а, с. 156]. Эта изначальная эпоха (как и славянские древности) – предмет его особых увлечений и пристального внимания. Неслучайно поэтому в одном ряду с наиболее близкими Н.К. Рериху известными деятелями мировой археологической науки А.А. Спицыным и С.Ф. Платоновым упоминаются имена Ф. Волкова, Эмиля Ривьера де Прекура, Г. де Мортилье, Э. Карталяка и Л. Капитана, известных знатоков древнекаменного века, которые стояли у колыбели палеолитоведения мира. Именно им он демонстрировал свои находки каменных изделий. Неудивительно поэтому, что куда бы ни забрасывала Н.К. Рериха судьба, всюду он стремился собрать каменные изделия – во Франции и Бельгии, в Италии и Соединенных Штатах, в Индии и Монголии, в Венгрии и Китае, в Швейцарии и Египте, а также в Сибири.

Живой интерес Н.К. Рериха к каменному веку Старого и Нового Света объясняется рядом причин, среди которых наиболее существенны две – удивление перед тем, что “радость искусству” открылась человечеству в далекую эпоху самых примитивных изделий из камня и пещерных жилищ, и, если можно так выразиться, “интернациональное” единство первобытных людей, выраженное в сходстве технических приемов обработки камня, типах изделий (“таинственная международность культуры камня”), а также, как писал Н.К. Рерих в статье “Истоки”, – в одинаковых “приемах орнаментации” (“общечеловечность творчества”,

“международность мысли и воли”). Н.К. Рерих не переставал подчеркивать, насколько чудовищно нелепо видеть в каменном веке лишь “дикую некультурность” и “звериный примитивизм” предков. Такой несправедливый и, увы, не искорененный доселе взгляд профессионалов Н.К. Рерих объяснял ничем иным, как невежеством (он писал деликатнее – “ошибками неосведомленности”) или печальными привычками мыслить о далеко отстоящей по времени культуре “избитой дорогой сравнения с дикарями”. И, поразмыслив, мудро резюмировал: “При всей кажущейся дикости, древний человек, с не меньшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение вековечного смысла жизни. Радость жизни разлита в свободном каменном веке. На каменных скрижалях написало человечество первые слова, слова общечеловеческие” [Там же, с. 281 - 283].

Н.К. Рерих, обращаясь к сюжетам, связанным с каменным веком, отмечал часто красоту и качество камня, который использовался для изготовления орудий, по-детски изумляясь тонкости отделки и изяществу пропорций орудий. В том и другом он усматривал “врожденное чувство красоты” у первобытных, яркое свидетельство “своеобразия культуры”, а вовсе не “дикости”: “Если хотите прикоснуться к душе камня, то найдите его сами на стоянке, на берегу озера, подымите его своей рукой. Камень сам вам расскажет о длинной жизни своей” [Там же]. Высокие чувства древних вызывали удивление Н.К. Рериха еще и потому, что, сопоставляя собственные находки из разных уголков мира, он пришел к выводу о единообразии творческого воображения у первобытных людей, что и нашло отражение в единстве типов изделий и технике их обработки.

В тождестве способов выражения “человеческих чувствований” древними охотниками, разделенными тысячами пространствами, Н.К. Рерих усмотрел сложные проблемы биологии и психологии. “Тождественность” справедливо объяснялась им тем, что она “порождалась сходными причинами”. Вместе с тем, Н.К. Рерих отнюдь не исключал “контактов и переключек” древних культур, их “переплетений и взаимовлияний”. “Единообразие творчества” и высокий уровень мастерства проявлялись, по мнению Н.К. Рериха, не только в каменном инструментариуме, но особо ярко в изобразительном искусстве древних, подтверждая тем самым “международность чувствований и мысли”. Наскальные изображения в горных районах Азии, пещерная живопись Европы с ее изумительными вариациями в стилистике были в особенности близки душе художника и нашли блестящее отражение в его художественном творчестве. Археология стала живительной почвой части особо волнующих сюжетов его полотен.

Н.К. Рерих, страстный собиратель древностей и участник раскопок со школьных лет, видел в том, что археологи называют ныне чужим (мертвым!) словом “артефакты”, не просто “производственной инвентарь” культур прошлого, а документы, в которых запечатлено бесценное интеллектуальное и духовное достояние предков – “красоты мышления”, “живые мысли и чувствования”, “великие мудрости”, “общественность жизненных заданий”, “творческие выражения, обусловленные чувством красоты”. Он усматривал все это и в изящной красоте каменных изделий, и в образах вдохновенного художественного творчества древних художников. Н.К. Рерих ставил перед археологами задачу “глубокого погружения в протекшую жизнь”, настойчиво призывал их “к расшифровке информации”, скрытой и в оббитом камне, и в предмете искусства, и в гравюре или живописном рисунке на стене пещеры.

Не стоит поэтому удивляться, что Н.К. Рерих оценивал часто находки каменного века проникновеннее, точнее и глубже, чем иной современный профессионал, уныло разлидавающий “артефакты” через призму процентных соотношений типов орудий. Он первым сумел увидеть среди оббитых кремней, найденных при раскопках на берегу оз. Пирос, “человекообразные фигурки”, подобия которых и теперь для иного зацикленного на типологиях “артефактиста” не более чем знак необузданного воображения субъекта, случайного в науке. Выявить столь экзотические скульптуры в груде “производственного мусора” и по достоинству их оценить мог лишь человек истинно творческого мышления, лишенный профессиональных предубеждений, щедро наделенный даром художественного воображения. А вот один из лидеров русской археологии начала XX в. Н.И. Веселовский сподобился оценить эти находки как подделки (их, видите ли, представил специалистам юноша, “склонный к художествам”) или “случайности”. Знакомая коллизия!

Н.К. Рериха вели к открытиям не загадочная интуиция или туманная “логика вещей”. Он был осведомлен о предметах искусства древнекаменного века, ибо, как можно догадываться, знал о них по публикациям, а во время посещения Парижа в 1890-е гг. наверняка знакомился с подлинниками в музее Сен-Жермен-ан-Лэ. Во всяком случае, точно известно, что во Франции он встречался с ведущими археологами этой страны и обсуждал с ними коллекции обработанных камней из России. Поэтому не слишком рискованно предположить, что Н.К. Рерих был в курсе чрезвычайно острых дискуссий, которые велись тогда в среде французских археологов относительно самого сенсационного открытия, сделанного Эмилем Ривьером де Прекуром, который обнаружил в пещере Ля Мут гравюры и живопись древнекаменного века. Специалисты в ту пору никак не могли прийти к согласию: найденное Эмилем

Ривьером де Прекуром – подлинник или фальсификация, подобная живописи пещеры Альтамиры, открытой М.С. де Саутуолой четверть века назад и заклеенной как подделка?

Если так оно и было, то при воспоминаниях о нравственном уроке, преподнесенном Н.К. Рериху в юношеские годы лидером отечественной археологии Н.И. Веселовским, едва ли можно полагать, что он безоглядно принял сторону мзтров-обвинителей, которые сначала заподозрили своих удачливых коллег в фальсификации, а потом, “прозрев” в начале XX в., провозгласили себя первооткрывателями пещерного искусства (так же, заметим, поступил и Н.И. Веселовский: обнаружив на открытой Н.К. Рерихом стоянке на оз. Пирос скульптурные фигуры, объявил это событие “выдающимся”). Увы, ученое закулисье Франции и России в этих постыдных проявлениях на удивление одинаково!). Теплые отношения Н.К. Рериха с Эмилем Ривьером де Прекуром, о чем можно судить по коротким репликам из писем, позволяют полагать, что ученые были единомышленниками.

Н.К. Рериха, с его неистовым стремлением увидеть в древностях интеллектуальность и духовность, едва ли удовлетворяли оценки и истолкования, которые давались западноевропейскими археологами произведениям искусства древнекаменного века: “искусство для искусства”, “магия охоты”, “культ плодородия”, “эстетическое осмысление действительности” и т.п. Такого рода интерпретации продолжают господствовать в искусствознании палеолита до сих пор, а давний призыв Н.К. Рериха распознавать в древностях “красоты мышления”, “сами по себе мысли”, “знания”, “великие мудрости”, “творческие выражения”, “жизненные задания”, а также глубинного порядка восприятия пред-

ками Природы, Бога и попытки поиска “векового смысла жизни” оставлены без внимания большинством представителей “вещеведческой” археологии.

Неординарные, в духе Н.К. Рериха, идеи в археологии доселе стоят дорого. Они, вообще-то, бесценны, как захватывающие сюжеты в художественной литературе высокого класса. Надо лишь терпеливо ждать, когда наступит их время и они будут полностью востребованы. Идеи “рериховского” стиля не просто “ждут”, когда пробьет час их торжества, а уточняются в деталях, обрастают подробностями. В этом смысле примечательно, что за прошедшие полвека в русле идей Н.К. Рериха о первобытности высказывались персоны высоко почитаемые – М. Ферворн и К. Абсолон (об умении древнего человека считать), М. Бодези и А. Маршак (о познаниях людей древнекаменного века в астрономии), К. Хентце, Ф. Бурдые, О. Менгин и Л.-Р. Нуже (о мотивах космоса в древнейшем искусстве).

Эти идеи оцениваются экспертами, представителями официальной науки, как “непопулярные”, за чем так и слышится – “однозвучные”. Мнение такое, однако, не прерывает традиции работать в археологии так, как работал Н.К. Рерих.

Археология – многолика. Иные из написанных адептами ее страницы привлекают интерес лишь очень узкого круга специалистов. Но есть и такие тексты, которые вызывают широкое общественное воодушевление. И так случается всегда, когда пишет не унылый в серости прагматик-вещевед, а романтик и оригинальный мыслитель. Н.К. Рерих был в археологии и трепетным романтиком и нетрадиционным мыслителем. Думаю, поэтому многое из написанного им по поводу отошедшего в прошлое останется навеки наполненным жизнью, а значит – востребованным...

В. Ларичев

Введение

Николай Константинович Рерих известен широкой общественности как выдающийся художник, чьей рукой написано около семи тысяч картин, рисунков и эскизов декораций, философ-мыслитель, автор более двух десятков книг, сотен статей и эссе, активный общественный деятель и гуманист. Однако о Рерихе как о самобытном ученом-исследователе, который на протяжении многих лет занимался археологией, изучением истории и культуры народов Европы, Азии и Северной Америки, известно немного.

Своеобразие исследовательского метода Рериха заключается в гармоничном сочетании художественного видения и научного подхода в процессе изучения предмета. Оценить должным образом научную деятельность этого человека можно только через призму его духовных устремлений. В мировоззрении Н.К. Рериха очень много общего со взглядами философов всеединства – В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, а также натурфилософов – А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского [Акулинин, 1990]. Представители философии всеединства были убеждены, что познавательные потенции науки ограничены – ей недоступна цельность мироздания [Акулинин, 1990, с. 51]. Стремясь достичь цельности знания о мире, они пропагандировали синтез теологии, философии и опытной науки, ибо вне его каждая из этих систем мировоззрения – всего лишь отдельная сторона, оторванный орган знания [Там же, с. 52]. Именно Н.К. Рерих стал мастером такого синтеза. Он был художником и в то же время обладал “умственными качествами и практическими достижениями испытанного ученого в сочетании с преданностью, благоговением и духовностью... Он был глубоко религиозным, но не в смысле вероисповедания, а в космическом значении. Его служение было безличным и универсальным” [Хеллин, 1993, с. 44]. Какой-то глубокий смысл заложен в том факте, “что ранние годы Рериха были посвящены, с одной стороны, искусству, а с другой – науке, и что специфическая отрасль науки, которую он выбрал для

изучения, была археология. Это имело очень важное значение для его жизненной миссии. Оно связано с тем, что наука, господствующая в нашем современном мире, исключила из своей сферы как искусство, так и религию. Материалистический мир, который она создала, оставил душу человека в духовной пустоте. Рерих пришел, чтобы исправить это положение” [Там же, с. 45].

Его научные и творческие интересы были неразрывно связаны с поисками единства и взаимовлияния культур. В символическом виде это понятие нашло воплощение в знаке, который Н.К. Рерих предложил изобразить на Знамени Культуры – три едва соприкасающихся круга внутри окружности, что означает: “Прошлое, Настоящее и Будущее в кольце Вечности”. В этом древнем символе, широко распространенном в искусстве разных народов со времен каменного века [Маточкин, 1997], отражена, по мнению Рериха, мудрость человечества. Не менее важна и другая семантическая трактовка знака, понимаемого как “единство науки, искусства и религии в культурном пространстве” и одновременно как “высший уровень спирали достижений” [Хеллин, 1993, с. 46]. Рерих был убежден, что путь прогресса возможен только через объединение этих трех компонентов культуры.

Именно культура стала основной темой художественного творчества и объектом научных исследований Рериха. Для него культура “... есть почитание Света, ... любовь к человеку, ... благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений... Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце” [Рерих, 1994б, с. 41]. Но, прежде всего, ученый определяет культуру как работу духа, явление вечное и неистребимое: “Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура как истинная духовная ценность бессмертна” [Там же]. Опыт ученого-исследователя подсказывал Рериху, что “могут быть различные степени и методы ее... выявления,

но в существе своем она незыблема, и, прежде всего, живет в сердце человеческом" [1992б, с. 11]. На фоне теоретических споров о понятиях "культура", "археологическая культура", "цивилизация" и т.п. осмысленные наследия Н.К. Рериха становятся все более актуальными.

Многогранность личности и широта кругозора Н.К. Рериха поистине удивительны, поэтому неслучайно его научные, философские труды и художественные произведения стали объектом пристального изучения искусствоведов, историков науки и востоковедов. К настоящему времени уже имеется значительный объем литературы, освещающей всевозможные стороны деятельности Н.К. Рериха. Эти работы различны по глубине исследования и характеру раскрываемых проблем.

Художественное и научное наследие Н.К. Рериха исследователи пытались осмыслить еще при его жизни. При этом основное внимание уделялось живописи [Бабенчиков, 1994; Балтрушайтис, 1994; Бенуа, 1994; Гидони, 1994; Голлербах, 1994; Маковский, 1994; Эрнст, 1994; Яремич, 1994]. Авторы отмечали, что все произведения Рериха пронизаны великой тайной истории. С. Яремич писал по этому поводу: "Из всех русских художников, стремившихся к разгадке древнего мифа, только у одного Рериха находим полное освещение предмета, только в его произведениях иллюзия достигает предельной силы и полна непрерываемой убедительности" [Яремич, 1994, с. 76]. Его искусство уводит зрителя в давно ушедшие эпохи: "Он рассказывает о первых днях пребывания человека на земле... Он описывает нам быт и нравы наших предков... Он говорит языком очевидца: о татарском полоне, о жестоких набегах викингов, о степи..." [Бабенчиков, 1994, с. 121].

Достоверность художественных произведений достигалась Рерихом не только за счет присущего ему таланта живописца, она была порождена и его научной деятельностью: богатой полевой практикой, опытом самостоятельных археологических и этнографических исследований, архивных изысканий.

Уже современники отмечали профессионализм Н.К. Рериха как ученого и нетрадиционность его методов исследования: "как археолог, он был вполне самостоятелен..., работал самоучкой, что выработало в нем ценное свойство: верить только самому себе, принять в свою работу только то, что найдено личным трудом, личным ощущением, своей догадкой, потому что важно не только то, что было найдено, но и то, как нашлось" [Гидони, 1994, с. 83].

Влияние научной деятельности Н.К. Рериха на художественное творчество рассматривается в трудах современных историков искусства, изучающих различные периоды и области его творчества [Монументальная живопись..., 1974; Цесюлевич, 1976; Алехин, 1978; Гутт, 1978; Сыркина, 1978; Короткина, 1985; Кальжаанова, 1996; Тхакур, 1996; Яковлева, 1996]. Все исследова-

тели сходятся в одном - "археология стала одним из важнейших источников рериховского реализма" [Кеменов, 1978, с. 7].

Большой вклад в изучение наследия Н.К. Рериха внес искусствовед Е.П. Маточкин. Идолы, пермский стиль, сюжеты каменного века - вот основные темы его работ, в которых исследователь дает Рериху оценку не только как живописцу, но и как ученому-археологу.

Другой пласт современной историографической литературы представлен исследованиями биографического характера. В трудах А.А. Ростиславова [1995], Вс.Н. Иванова [1990], П.Ф. Беликова и В.П. Князевой [1972], Е.И. Поляковой [1985], В.П. Князевой [Князева, 1963, 1968, Николай Рерих..., 1994] отражена деятельность Н.К. Рериха в различных областях. Особой полнотой и глубиной отличаются работы П.Ф. Беликова [1976; 1978; 1980а, б], чему, безусловно, способствовали его непосредственные контакты с семьей Рерихов.

Авторы биографий рассматривают этапы становления личности Рериха, первые самостоятельные научные исследования, художественное творчество, общественную деятельность по охране памятников старины, страницы жизни, связанные с экспедицией в Центральную Азию.

Глубокий интерес Н.К. Рериха к истории и тревога за судьбу старинных памятников заставляли его принимать самое активное участие в общественной деятельности по сохранению мирового историко-культурного наследия. Эта тема достаточно широко освещена в отечественной историографии [Александров, 1978; Беликов, 1978; Попов, 1993; Григорьев, 1995; Шапошникова, 1996; Моргачев, 1996; Курныкина, 1997; Лазаревич, 1997]. "Борьба за охрану памятников архитектуры, - отмечает Д.Н. Попов, - являлась для Рериха не самоцелью, а средством сохранения и развития в должном направлении той рукотворной среды, что создана творческим гением поколений" [1993, с. 5].

Особого внимания заслуживают работы М.М. Богуславского по этой теме. Будучи профессиональным юристом, он изучил правовые аспекты "Пакта Рериха". Исследователь показал ведущую роль Н.К. Рериха в мировом движении по защите исторического и культурного наследия, по праву считая его родоначальником этого движения [Богуславский, 1979; 1980; 1990].

До недавнего времени в литературе уделялось мало внимания культурологическим взглядам Н.К. Рериха, а также его научной деятельности в области археологии. Известны работы, в которых рассматриваются взгляды ученого на такие проблемы как соотношение истории и культуры, культуры и цивилизации, взаимодействие культур Востока и Запада [Комиссарова, 1985; Рудзитис, 1994; Сидоров, 1994; Шапошникова, 1994а, б].

В ряде книг и статей освещается тема изучения Н.К. Рерихом культуры различных народов [Беликов,

1972; Бондаренко В., Бондаренко Е., 1974; Дико, 1986; Зятуев, 1983; Рудзитэ, 1978; Соини, 1987].

Особый интерес представляют работы профессиональных археологов, посвященные научной деятельности Н.К. Рериха. А.П. Окладников [1974] одним из первых обратился к этой теме. В статье "Рерих и археология" он отмечал, что «в историю русской археологической науки прочно вошли полевые работы Н.К. Рериха по исследованию новгородских древностей, раскопки "жальников"... Его в равной мере интересовали древнерусские памятники и финно-угорские древности. На уровне археологической техники того времени его раскопки представляли *передовое достижение* и, как археолога, Н.К. Рериха по праву нужно числить в ряду крупных исследователей русской археологической науки» [Окладников, 1976, с. 8].

Высокую оценку научная деятельность Н.К. Рериха получила в работах В.Е. Ларичева [1976, 1985, 1993, 2000]: "успехи (ученого. – *Авт.*) в раскопках и разведывательных поисках оказались... значительными и профессионально безукоризненными" [1993, с. 27]. По его мнению, исследования каменного века России, произведенные Рерихом, не только обогатили археологическую науку новыми данными, но и позволили прикоснуться к внутреннему миру древнего человека.

Санкт-петербургский археолог Е.А. Рябинин [1998], продолживший раскопки на Ижорском плато, которые были начаты Н.К. Рерихом и его предшественниками, в статье "Н.К. Рерих и археология Ижорского плато (ретроспективные заметки)" так отозвался о его научном вкладе: "Активная и плодотворная деятельность выдающегося русского художника на археологическом поприще" позволила "заметно углубить существующие представления о далеком прошлом Северо-Запада России", она была неразрывно связана "с творческими исканиями... путей культурного синтеза исторической художественной тематики с материальными свидетельствами прошлого" [Там же, с. 80]. Е.А. Рябинин считает, что Н.К. Рериха "с полным основанием можно причислить к группе новаторов, разрабатывавших исследовательские приемы молодой археологической науки" [Там же, с. 84].

В статьях В.Л. Мельникова [1997а, б; 2000] раскрывается тема сотрудничества Н.К. Рериха с Императорским Русским Археологическим обществом (далее – ИРАО), на заседаниях которого ученый выступал с докладами о древностях северо-запада России, с отчетами о поездках по заданию общества, боролся с бездарными реставраторами древних памятников и т.д.

Ряд публикаций посвящен Центрально-Азиатской и Монгольской экспедициям, организованным Н.К. Рерихом с целью изучения истории и культуры Азиатского региона [Андреев, 1992; и др.]. Наибольший интерес среди них вызывают насыщенные различными све-

дениями статьи А.Н. Зелинского [1972; 1974]. В них анализируются полученные Н.К. и Ю.Н. Рерихами во время путешествий по просторам Азии археологические и этнографические материалы, а также проблема взаимодействия культур России и Востока.

Научная деятельность Н.К. Рериха привлекала внимание не только отечественных исследователей. М. Лихтман опубликовал очерк "Николай Рерих и наука" [Lichtmann, 1930], в котором дал высокую оценку изысканиям ученого в России и Азии, поставив его в один ряд с выдающимися археологами.

Помимо упомянутых работ анализу наследия Н.К. Рериха посвящены десятки статей и заметок археологов-профессионалов, а также материалы традиционных рериховских чтений [Седов, 1970, 1982; Окладников, Беликов, Маточкин, 1974; Кубарев, 1976; Рериховские чтения..., 1976, 1980, 1985; Ларичева, 1980; Окладников, 1980; Комиссаров, 1985; Финно-угры и балты..., 1987; Дубов, 1989; Алтай – Гималаи, 1992 и др.].

Объективной потребностью современной археологической науки стало осмысление наследия ученых XIX – начала XX в., одним из представителей которых был Н.К. Рерих, ибо многие идеи и методы исследования были введены в науку как раз в это время. Именно этим обстоятельством было вызвано появление обобщающих трудов по истории отечественной археологической науки [Генинг, 1982; Формозов, 1961, 1983, 1986, 1995; Прякин, 1986; Генинг, Левченко, 1992; Лебедев, 1992], и в частности сибирской археологии [Ларичев, 1969, 1972; Мартынов, 1983; Демин, 1989; Ковешникова, 1992; Матющенко, 1992; Жук, 1995]. Однако в них можно найти лишь краткие упоминания о научной деятельности Н.К. Рериха.

Анализ историографической литературы показал, что вклад Н.К. Рериха в изучение древних культур признан большинством исследователей. Вместе с тем его научное наследие (материалы экспедиций, методы исследования) осмыслено далеко не в полной мере. До сих пор не написана специальная обобщающая работа по этой теме.

В предлагаемой вниманию читателей монографии впервые делается попытка систематизации и анализа материалов, связанных с научной деятельностью Н.К. Рериха. В работе приводятся все доступные авторам на сегодняшний день сведения об археологических исследованиях Н.К. Рериха на территории России, Финляндии, стран Балтики, а также Азиатского континента – российского Алтая, Монголии, Китая, Индии и Тибета. Кроме того, в ней упоминаются данные этнографии, эпосоведения и фольклора, собранные Николаем Константиновичем во время раскопок, экспедиций и поездок, а также затрагивается тема живописного творчества великого художника, вдохновленного историческим прошлым человечества. Авто-

ры также не обошли вниманием и деятельность Рериха по охране культурных ценностей, в частности памятников археологии северо-запада России.

К сожалению, в монографию не вошли материалы научных исследований Н.К. Рериха на территории Северной Америки, упоминания о которых встречаются в литературе [Беликов, Князева, 1972, с. 153], поскольку архивы Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке оказались авторам недоступными. Однако эта тема может стать в дальнейшем предметом отдельного научного исследования.

Основными источниками для написания работы послужили археологические отчеты Н.К. Рериха о раскопках и исследованиях, представленные им в Археологическую Комиссию и ИРАО (РА ИИМК, ф. 1, л. 159/1899, 45/1905, 74/1894, 233/1899, 99/1902, 62/1910, 54/1897, 56/1896, 86/1903, 107/1899, 109/1899, 74/1894, 54/1897, ф. 3, л. 209, 230, 268, 274, 302, 409, 410, 413), архивные материалы по археологии фонда Н.К. Рериха из Отдела Рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ, ф. 44, л. 22, 48, 49, 53, 55, 85, 203), научные статьи Н.К. Рериха, посвященные различным археологическим памятникам на территории северо-западных областей России, являвшихся частью земель Древнего Новгорода, а позднее вошедших в состав Санкт-Петербургской, Новгородской и Тверской губерний. Кроме того, авторами были использованы публицистические и литературные произведения Н.К. Рериха, его личные и путевые дневники [Рерих, 1974а, 1995а, б, 1996; Рябинин, 1996], а также делопроизводственные документы (Открытые листы на право ведения раскопок, материалы, связанные с организацией археологических экспедиций и передачей коллекций в музеи (РА ИИМК, ф. 1, л. 93/1900, ф. 3, л. 268, 274, 284)), обращения к междуна-

родным организациям и личная переписка. Источником, характеризующим деятельность Н.К. Рериха по охране культурного наследия, является текст "Пакта Рериха". Тема влияния научной деятельности на художественное творчество Рериха раскрывается на примере анализа его художественных произведений [Н. Рерих, 1989; Николай Рерих, 1994; Н.К. Рерих 1958; Каталог..., 1974], в основу которых был положен археологический, этнографический или эпический материал, а также лекций "Искусство и археология" и "Художественная техника в применении к археологии", прочитанных слушателям Санкт-Петербургского археологического института. Помимо этого в круг источников были включены произведения его сына Юрия Николаевича и жены Елены Ивановны, которые были единомышленниками и ближайшими сподвижниками ученого в деле изучения культур древнего населения различных уголков земного шара. В книге используются фотографии и репродукции картин из архива Нью-Йоркского Музея Н.К. Рериха и Международного Центра Рериха (Москва).

Большую помощь в подготовке монографии оказали сотрудники Международного Центра Рериха (Москва), Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, Сибирского Рериховского общества. Особую благодарность авторы выражают В.Л. Мельникову - сотруднику Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге, руководителю группы "Петербургский архив семьи Рерихов" за ценные советы и исчерпывающие консультации, а также художнику Н.В. Холаковой за графическую редакцию и подготовку к публикации части иллюстраций.

Глава I

Археологические исследования Н.К. Рериха в России

Памятники древности - безмолвные свидетели расцвета и заката давно ушедших эпох - привлекали Н.К. Рериха с раннего возраста. "Первые... курганные находки не только совпали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии, и к гоголевской исторической фантастике" [Рерих, 1995а, с. 148]. Самостоятельное изучение археологических памятников, "непосредственное прикосновение к предметам большой древности" послужило для Рериха толчком к систематическим занятиям археологией. В 1935 г. Н.К. Рерих напишет в своем дневнике: "Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних... Увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей... Спасибо вам, изварские курганы. Ничто и никаким образом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосновение, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности..." [Там же, с. 148 - 149].

Еще будучи гимназистом, Рерих впервые принял участие в раскопках курганов в имении своих родителей - Изваре, в окрестностях которого с приездом известного археолога Л.К. Ивановского развернулось широкомасштабное изучение древних погребальных памятников Санкт-Петербургской губернии. "Около Извары, - вспоминал Н.К. Рерих позже, - почти при каждом селении были обширные курганные поля от X до XIV века. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятые металлические древние вещи. В то же время Ивановский производил исследование местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе" [Рерих, 1995б, с. 107]. Несмотря на то, что к раскопкам домашние относились недоброжелательно, тяга молодого Рериха к изучению истории родного края и увлечение археологией не ослабевали. В последних классах гимназии К. Мая Рерих,

стремившийся к самостоятельным археологическим изысканиям, обратился за поддержкой к известному археологу А.А. Спицыну, который одобрил инициативу юноши. В 1892 г. Н.К. Рерих производит самостоятельные раскопки курганного могильника между с. Грызовым и дер. Озертицы Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Описывая в отчете обнаруженное погребение, он отметил зависимость между формой надмогильных сооружений и положением погребенных: "Покойники засыпаны землей с камнями, иногда даже довольно большими. В головах и в ногах на поверхности земли положено почти во все по большому камню, что дает возможность приблизительно определить положение тел" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 22. Л. 39). Умершие были захоронены по обряду трупоположения, лицом на восток. Несмотря на плохую сохранность большинства обнаруженных костяков, вещи в курганах сохранились неплохо. Были найдены браслеты, нагрудная пряжка, кольцо, серьги. В своем первом отчете, отличающемся четкостью описаний и формулировок, молодой исследователь подробно описывает каждую деталь раскопок, каждый найденный им предмет, и пытается делать общие выводы. "Первые находки были отданы в гимназию, - напишет он позже, - и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное" [Там же].

Проникновение в раннем возрасте в тайны древних курганов, стремление понять мысли и чувства оставивших их людей и отыскать связи между различными племенами - вот основные, на наш взгляд, причины, побудившие Рериха профессионально заняться археологией. В то время главным координатором археологических работ на территории России было Императорское археологическое общество, основанное графом С.Г. Строгановым, графом А.С. Уваровым, министром уделов Л.А. Перовским и другими известными учеными первой половины XIX в. "Ко времени начала деятельности Н.К. Рериха в Обществе оно являлось одним из крупнейших и авторитетнейших сооб-

ществ ученых в Европе", осуществляя и контролируя научные исследования на огромной территории от Алтая и Китая до Крыма и Альп [Мельников, 1997б, с. 19]. Впервые Рерих посетил заседание Общества 29 октября 1896 г., на котором выступил с сообщением о проведенных им раскопках. Еще учась в университете, Николай Рерих, по рекомендациям А.А. Спицына и С.Ф. Платонова, к тому времени хорошо знакомым с результатами его почти десятилетней работы в области археологии, становится пожизненным членом Императорского Русского археологического общества. "Этим путем, - писал Рерих, - произошло сближение со всею археологическою семьею" [1995б, с. 107]. С тех пор исследование древностей становится делом всей жизни Н.К. Рериха. В течение многих лет, вплоть до 1907 г., он принимал самое активное участие в деятельности ИРАО: производил раскопки и разведочные работы по заданию общества, выступал с докладами о проведенных исследованиях, выносил на обсуждение разработанные им методы археологических раскопок и реконструкций, датирования и интерпретации памятников. В 1899 г. Н.К. Рерих по поручению ИРАО первым среди археологов обследовал современное состояние объектов археологии, расположенных на Великом торговом пути "из Варяг в Греки".

На протяжении почти двух десятков лет Н.К. Рерих плодотворно сотрудничал с Императорской Археологической комиссией (далее - ИАК), учрежденной в 1859 г. для осуществления государственного "надзора и управления за остающейся во многом неконтролируемой и часто имеющей случайный характер деятельностью археологических обществ и отдельных лиц" [Рябинин, 1999, с. 16]. Регламентация археологических исследований на территории России была утверждена указом от 11.03.1889 г., в соответствии с которым ИАК объявлялась единственным органом, имеющим право выдавать разрешения на проведение археологических раскопок на государственных и общественных землях. Однако первостепенными задачами ИАК в то время было обеспечение контроля над качеством исследовательских работ на памятниках археологии и "издание материалов массовых раскопок", в котором Н.К. Рерих принимал активное участие.

Сотрудничество молодого Н.К. Рериха с комиссией началось в 1894 г., когда он впервые обратился в ИАК с ходатайством о выдаче ему открытого листа на обследование археологических объектов в Царскосельском уезде в пределах Изварской казенной дачи: кургана Плитная Горка и сопки у речки Хмеленки (Серебряный ручей), а затем предоставил подробный отчет с рисунком местности, на которой были произведены изыскания [Рерих, 1999д, с. 39-42] (рис. 1). Дальнейшее взаимодействие Рериха с Археологической комиссией не ограничивалось только просьбами о выдаче разрешений на раскопки. Публикация материалов археологических исследований, выполнение большого количества иллюстраций, координация работы ученых и заинтересованных лиц над составлением первой археологической карты Петербургской губернии, ознакомление научной общественности с результатами раскопок, проведение научных дискуссий - вот лишь неполный перечень дел ИАК, в которых Н.К. Рерих не только принимал активное участие, но и сам был их организатором и вдохновителем. Как справедливо отметил Е.А. Рябинин в статье "Н.К. Рерих и Императорская Археологическая комиссия", тема сотрудничества Рериха с комиссией "объективно выходит за рамки сюжета об участии Николая Константиновича только в работе ИАК", так как "область гуманитарного знания оставалась еще неразделенной профессиональными перегородками" [Рябинин, 1999, с. 31].

Круг научных интересов Н.К. Рериха в области археологии был чрезвычайно широк: от каменного века до позднего средневековья. Он изучил практически все типы археологических памятников России - стоянки, сопки, курганные могильники, жальники, древние городища и города.

Любому исследованию на местности, которое собирался провести Н.К. Рерих, предшествовала огромная подготовительная работа. Прежде чем приступить к раскопкам, он изучал архивные материалы, летописи и писцовые книги, знакомился с составленным А.А. Спицыным "Обозрением некоторых губерний и областей России в археологическом отношении", опубликованном в "Записках Императорского Русского археологического общества". Однако довольно часто "сведения, найденные в Петербурге, оказывались слишком неточными, до упоминания несуществующих селений включительно" [Рерих, 1899а, с. 7]. Поэтому ученый считал необходимым проведение тщательной разведки на местности, "не полагаясь на сведения разных статистик" [Рерих, 1991б, с. 19]. "Прежде самой раскопки, - писал он, - надо съездить на разведки, удостовериться в действительном присутствии памятника... Перекопываете вы от деревни до деревни... Всматриваетесь буквально во всякий камешек, исследуете подозрительные бугорочки, забираетесь в убогие архивы местных церквей; подчас, делаетесь жертвой... какой-нибудь невинной мистификации" [Там же, с. 19]. Во время разведок Н.К. Рерих занимался попутно и сбором подъемного материала. Так в одном из писем к Е.И. Рерих он сообщает: "После 3-х ездил с Власьевыми (представители династии коллекционеров. - *Авт.*) на Рым-гору. Гора - бывший городок. Набрал там черепков, точно на раскопках" [Рерих, 1999д, с. 343].

Поиск археологических памятников Н.К. Рерих начинал с опроса местного населения. Будучи очень обаятельным и общительным человеком, он с одинаковым успехом умел расположить к себе и простого крестьянина, и потомственного дворянина. "Местами, -

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

26 Июля 1900 г.
№ 932

Открытый листъ.

На 14 *Февраль* 1900 года.

Выданъ этотъ листъ 2. Протоуръ-статманъ Велл-
ициссканъ Института Н. К. Рериху
Императорскаго Археологическаго Коммиссiю на право
производства археологическихъ раскопокъ въ теченiи 1900
года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ
разнымъ установленiямъ въ предѣлахъ *Губернiи
Видзiйсканъ и Врестейсканъ Губернiи,
Новгородскiи Губернiи*

съ обязательствомъ оставлять въ Коммиссiю отчеты
или дневники по произведеннымъ раскопкамъ а так-
же присособой описи всего находившагося наиболее цен-
ныя и интересныя изъ найденныхъ предметовъ
для представленiя ихъ на Высочайшее Госу-
даря Императора воззрѣнiе

Подписанъ:

За Председателя Императорской
Археологической Коммиссiи, *И. М. В. Брандт*

*Открытъ листъ
начальнику Н. К. Рериху
27 июля 1900 г.*

Рис. 1. Открытый лист на право ведения археологических работ, выданный Н.К. Рериху в 1900 г. Архив ИИМК (г. Санкт-Петербург).

вспоминал ученый, - вас встречают подозрительно: "Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи взять? Ни о каких древних вещах здесь и не слышано." Если же вы пришлось по нраву..., наслушаетесь любопытнейших соображений, поверий..., потечет свободный рассказ о старине, о кладках, о лихих разбойниках" [Рерих, 1991б, с. 19]. В ходе разведки он старался выяснить местные названия типов археологических памятников, так как не раз попадал в ситуацию, когда "несмотря на их обилие, расспросить о них у местных крестьян подчас не легко; если вы вместо "старой кучи" спросите о кургане или бугре, то вас ни за что не поймут. Однажды вместо городка, я спросил городище - и от присутствия его немедленно отказались" [Там же, с. 18 - 19]. Н.К. Рерих выявил несколько наиболее общепотребительных для северо-западных территорий России названий памятников: "Среди местных названий курганов особенно употребительны: сопка, каломи-

ще (финское *kaalm* - погребальный холм), старая куча, шведская могилка, бугор, гора, колонистское кладбище (если погребения без насыпи). Эсты укажут вам курганы, если спросите *vana aui*, старую могилу" [Там же, с. 19].

Стрепетом и радостью Н.К. Рерих описывает начало раскопок, когда "сбрасывается тесный городской костюм; извлекаются высокие сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка с острым концом - неперемногого спутника археолога" [Там же]. Каждый исследователь археологических древностей знает насколько "тремяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины" [Там же, с. 24].

§ 1. Изучение памятников каменного века

Исследование древнейшего периода в истории человечества - каменного века, в недрах которого зародилась не только материальная, но и духовная культура, Н.К. Рерих начал в 1902 г. с изучения так называемых курганов каменного века в Боровичском уезде Новгородской губернии, которые он выделил как отдельный тип погребальных памятников. Внимание археолога привлекла стоящая особняком небольшая курганная группа неподалеку от с. Кончанского на оз. Шерегордо. В южной части насыпей курганов были обнаружены кострища, перекрытые сверху слоем красноватого, сильно пережженного песка, в котором "в полном беспорядке были найдены 267 янтарных привесок разнообразной величины и формы и плоских блюшек с просверленными на обратной стороне дырочками для продевания шнура" (рис. 2). Здесь были встречены также кремневые изделия, которые автор раскопок определил как "нож, 2 скребка, пилка и предметы неясного назначения" [Рерих, 1903, с. 23]. Несмотря на то, что, на первый взгляд, все находки располагались в культурном слое в полном беспорядке, ученый предположил, что изначально янтарные блюшки были нашиты на одежду, либо служили ожерельем, что подтверждалось наличием в них отверстий. Остатки керамических сосудов, среди которых особенно выделялись "толстые черепки с глубоким ямочным орнаментом и отверстиями" (рис. 3), позволили Рериху на основании аналогий с находками в Бологовской стоянке, раскопанной князем П.А. Путятиным [Спицын, 1903а, таблицы], датировать курганы эпохой нео-

лита. Особое внимание исследователя привлекло наличие слоя красноватого песка поверх кострища, что не было характерно для курганов данной местности: "Красный слой резко отличался по цвету среди окружающего песка и золы и... был большей твердости, нежели песок неокрашенный" [Рерих, 1903, с. 22 - 23]. Н.К. Рерих одним из первых среди археологов привлекает для археологической интерпретации данные изучения археологического материала методами других наук, передав на исследование в химическую лабораторию морского ведомства пробы красного песка из курганов на оз. Шерегордо. Химики определили, что слой песка сильно пережжен. В историографической литературе Рерих находит сведения о том, что красная окраска некоторых слоев "встречается и в некоторых курганах Финляндии" [Там же, с. 22] и среди "находок местных" - в Бологовской стоянке" [Там же, с. 23].

Выступая на заседании Отдела русской и славянской археологии ИРАО 30 ноября 1902 г., Рерих, основываясь на данных С.О. Мюллера, Л. Нидерле, Р. Клебса и др., сделал вывод о том, что данные насыпи оставлены населением "неолитической эпохи каменного века, протекавшего здесь (на территории северо-запада России. - *Авт.*) приблизительно в I веке до Р.Х." [Рерих, 1999д, с. 403]. Доклад вызвал оживленную дискуссию, основной темой которой стал возраст стоянки, предложенный автором раскопок. Князь П.А. Путятин высказался за еще большую древность курганов, а А.А. Спицын указал на недостаточность оснований для точной датировки памятников. Но, не-

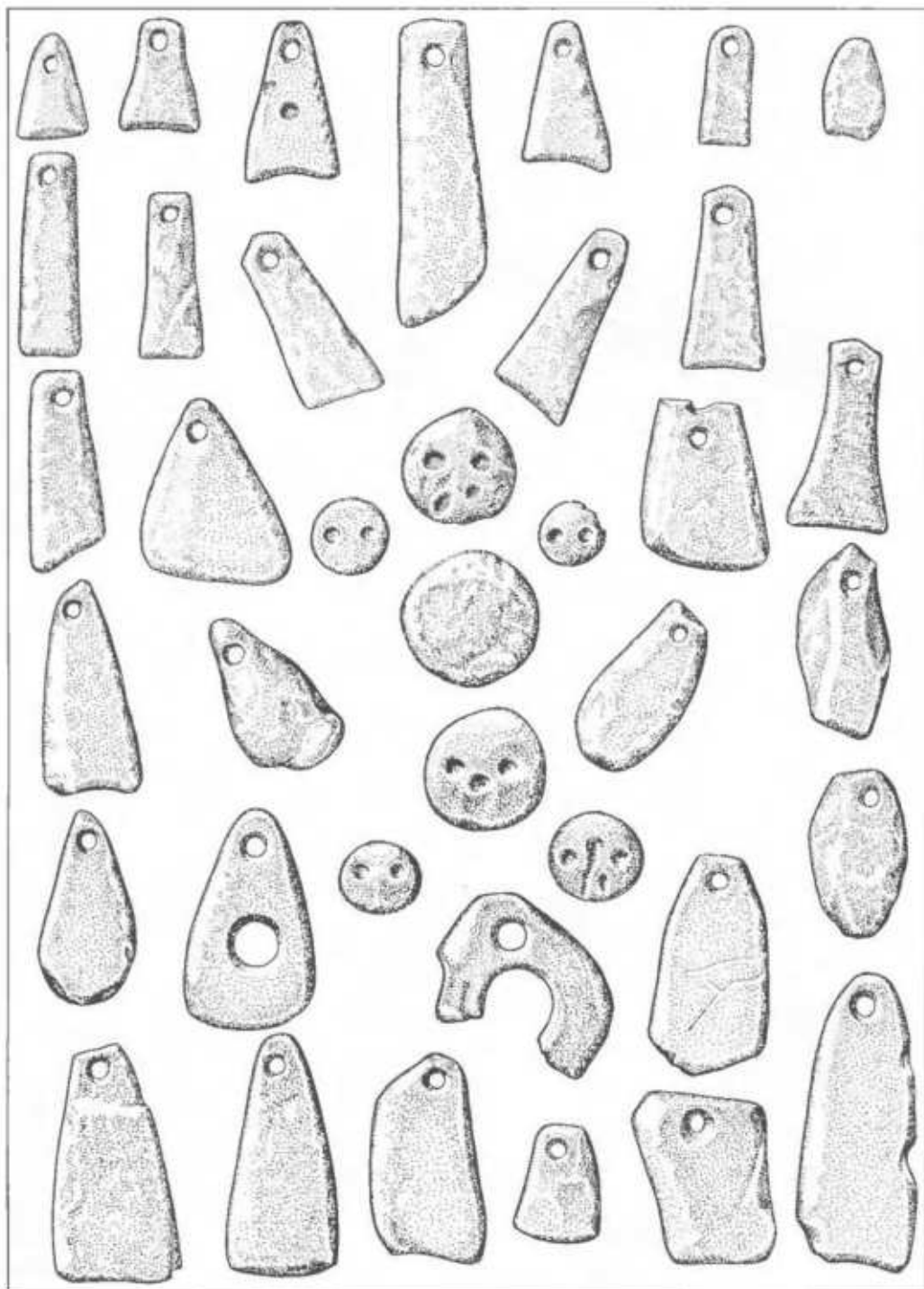

Рис. 2. Янтарные подвески, обнаруженные Н.К. Рерихом в курганах в окрестностях с. Кончанского.

смотря на разногласия, все коллеги Н.К. Рериха признали тот факт, что такого типа памятник впервые обнаружен на территории России.

Постоянное стремление найти корни современной культуры влечет Н.К. Рериха к поиску все новых памятников каменного века (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 409. Л. 176 об.). "Неожиданность находки (янтарей) (в курганах Боровичского уезда. — *Лит.*) заставляет не ограни-

чиваться произведенными исследованиями" [Рерих, 1903, с. 26]. Он обследует наиболее перспективные в этом отношении районы Санкт-Петербургской, Новгородской и Тверской губерний: "Красивые, высокие места, богатые лесами и озерами с разнообразною снедью, должны быть... обитаемы издавна", — справедливо полагает ученый [Там же]. Таким образом, он одним из первых среди археологов привязывает мес-

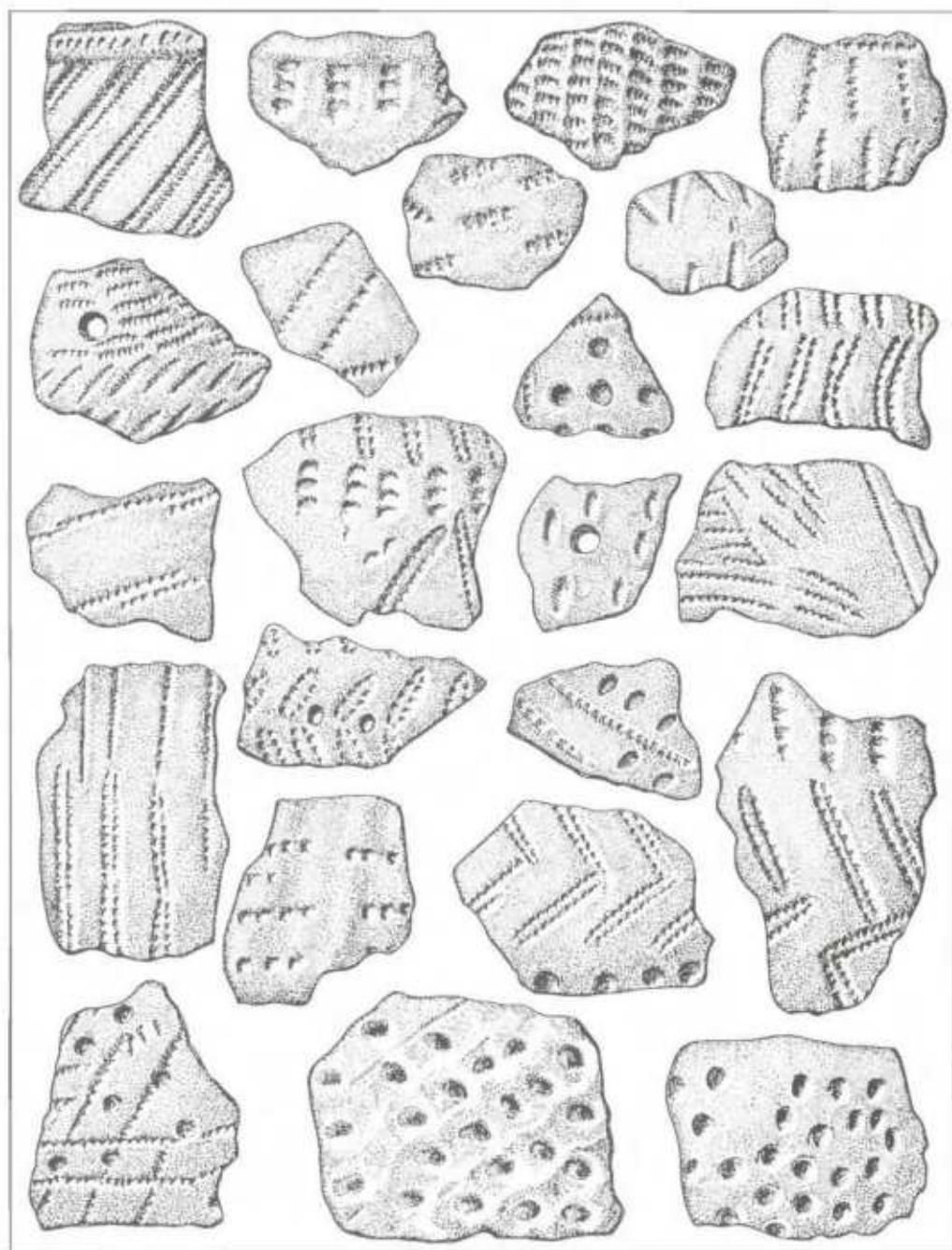

Рис. 3. Керамика из курганного могильника в окрестностях с. Кончанского.

тонахождение археологических объектов к геоморфологическим признакам территории. Разведки на оз. Пирос и в бассейне р. Мсты дали неожиданно обильный материал каменного века. Эти находки опровергли предположения некоторых ученых о том, что каменные орудия в курганах – чистая случайность. “Тем приятнее сейчас в той же местности на оз. Пирос, пограничном Валдайскому и Боровичскому у[ездам], отметить крупную находку таких же типов кремневых орудий, такого же гончарства и такой же янтарной привески” [Рерих, 1995а, с. 2]. На берегах озера (рис. 4)

Н.К. Рерих и князь М.П. Путятин обнаружили многочисленные артефакты: янтари, кремневые орудия и обломки керамических сосудов. Однако Н.К. Рерих считал, что “нельзя довольствоваться наносными предметами, хотя бы и многочисленными” [Там же, с. 6]. Поэтому основной задачей археологов было “найти самый очаг находок, чтобы найти их не случайно, а среди культурного слоя” [Там же]. С этой целью они произвели шурфовку наиболее перспективных в отношении содержащегося археологического материала участков берега. При впадении бывшей р. Валдайки в

Рис. 4. Окрестности оз. Пирос.
Рисунок Н.К. Рериха.

р. Березай был обнаружен культурный слой небольшой толщины - от 1/2 до 3 вершков, большая часть которого была, видимо, разрушена вследствие распашки. Чтобы не допустить потери даже небольшой доли информации, заложенной в наслоениях древних остатков, "поставили сита, и траншеями и ямами прошли главную поверхность мыса, пока слой не прекратился, постепенно делаясь едва заметным" [Там же]. На разной глубине были найдены в беспорядке "черепки горшков и осколки орудий (хороших предметов на глубине не найдено). В одной яме... попались осколки зуба большого животного (по определению кн. П.А. Пуяткина, лося)" [Там же, с. 7].

Установив идентичность основной части каменной индустрии и керамики каменного века с оз. Пирос находкам из Белоговской стоянки, ученый обнаружил, что в коллекции с озера встречается материал, имеющий свои отличительные черты: наконечники дротиков и копий; резак; орудия со вторичной оббивкой неопределенной формы; большие скребки разнообразной формы (из них интересны удлиненные и два полулунных); наветыши; ножи (есть и со вторичной оббивкой краев); наконечники стрел; изделия из шифера; миндалевидное крупное орудия для насадки на рукоять (Шельской формы); долота; пилки. Весь материал Н.К. Рерих объединил в несколько таблиц, содержание которых до нас дошло, к сожалению, лишь в виде описания. Кроме того, он составил таблицу распределения керамических изделий в зависимости от типа орнамента и техники его нанесения. Найденные фрагменты керамики были украшены ямочным, зигзагообразным, веревочным орнаментом, штампованным рисунком, а также узором, нанесенным палочкой или костью. Изделиям с крапчатым орнаментом Рерих нашел аналоги среди керамики фатьяновской культуры.

Следующим этапом в изучении Рерихом каменного века стали исследования на оз. Мстино в Новгородской губернии (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 302. Л. 40). Найденные там фигурки из кремня поразили художника антропоморфным обликом (рис. 5) (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 413. Л. 19 об.). Одна фигурка была "обработана из тон-

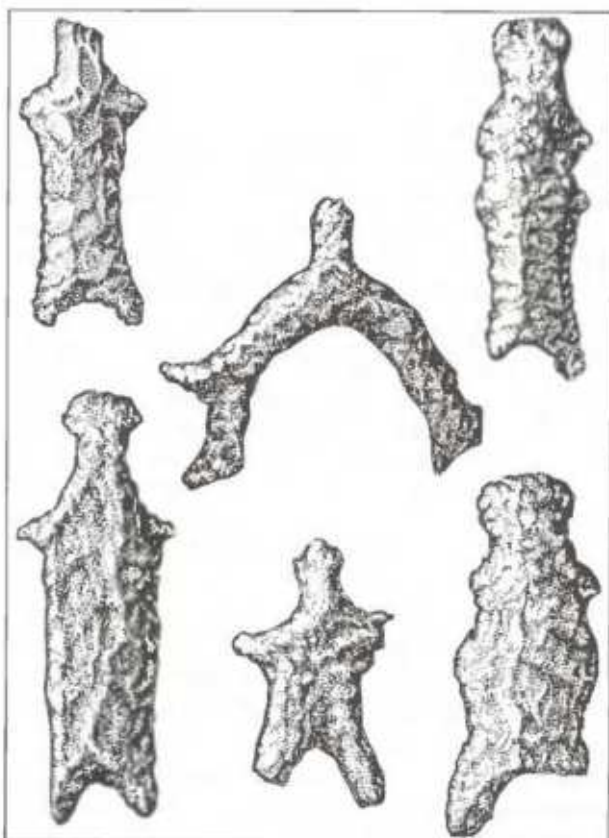

Рис. 5. Антропоморфные фигурки из кремня со стоянок каменного века на оз. Мстино.

кого ножица, и поэтому задняя часть совершенно плоская и слегка вогнутая; края ретушированы и здесь. Одна из граней лицевой стороны круче и уже, как и бывает нередко у ножей. Некоторая часть головки отломана; ясно, что она не выступала в виде отчетливого закругления" (рис. 5, 1) [Спицын, 1907, с. 8]. Другое изделие почти не обработано ретушью (рис. 5, 4). Среди найденных предметов особо выделялось женское изображение, с ярко выраженной областью бедер. Фигурка также имела гладкую, почти не ретушированную обратную сторону и очень выпуклую лицевую (рис. 5, 3). Исследователь отметил преднамеренное уменьшение мастером длины правой ноги скульптурки. На оз. Мстино было также обнаружено изделие из кремня, назначение которого археологи определить не смогли. Оно представляло собой полукруг с четырьмя остриями, вероятно, являвшимся рабочими элементами (рис. 5, 2). Посередине крепилась небольшая искусно изогнутая пластинчатая рукоятка. Сырье, использованное для изготовления фигурок, вероятно, было добыто из различных источников: кремень имел окраску от сероватого до желтовато-бурого оттенков. Стремление древних мастеров к воплощению в камне различных образов указывало на зарождение у человека эстетических представлений и возникновение искусства в эпоху каменного века. Открытие антропоморфных скульптур еще больше убедило ученого в том, что "понимать каменный век как дикуую некультурность – будет ошибкою неосведомленности" [Рерих, 1991б, с. 103]. По поводу данных изделий А.А. Спицын писал: "фигурки человека, конечно, могут иметь самостоятельное местное происхождение, но могут также представлять подражание подобным изделиям из янтаря, зашедшим с берегов Балтийского моря" [1907, с. 7]. Подобные изделия никогда ранее не встречались на территории России. Понимая, какое значение имело их открытие для археологической науки, Н.К. Рерих выступил на заседании Императорского Русского Археологического общества с докладом "Находка в Новгородской губернии каменных фигурок, изображающих людей" (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 413. Л. 19 об.). Однако, к удивлению Н.К. Рериха, сообщение вызвало в научном мире острую полемику о подлинности находок с оз. Мстино. Позже, вспоминая реакцию членов общества на прочитанный доклад, он напишет: "Большое огорчение доставил мне и Елене Ивановне Н.И. Веселовский, когда в собрании Археологического общества он объявил найденные нами... неолитические человекообразные фигурки подделками. Я его спросил, если это подделки, то кто мог их сделать. Веселовский со своим обычным невозмутимым видом отвечал: "Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили"" [Рерих, 1991д, с. 35]. По иронии судьбы подлинность находок была вскоре подтверждена самим Н.И. Веселовским,

завершившим начатые Рерихом раскопки памятника без ведома автора открытия.

Фигурные камни эпохи неолита, найденные Н.К. Рерихом, неоднократно привлекали внимание исследователей, в том числе и его современников - А.А. Спицына [1907] и А.М. Талыгина [Tallgren, 1911, p. 73]. А известный советский археолог С.Н. Замятнин включил в работу, обобщившую огромный материал по кремневой неолитической скульптуре, и коллекцию Н.К. Рериха, причем часть предметов была опубликована впервые [Замятнин, 1948, с. 92 - 94]. "Выявить столь экзотические скульптуры в груде "производственного инвентаря" и по достоинству их оценить мог лишь человек творческого поиска и мышления, лишенный профессиональных предубеждений, шедо наделенный даром художественного воображения" [Ларичев, 2000, с. 404].

Древние стоянки на озерах Пирос и Мстино явились тем самым недостающим связующим звеном между находками в курганах на оз. Шерегордо и индустрией Бологовской стоянки, поиски которого и были одной из главных задач экспедиции Рериха. Немаловажным для него был и тот факт, что эти "три пункта находок... приурочиваются к древнему пути на север" [Рерих, 1905, с. 3].

Сложнее обстояло дело с янтарными поделками, найденными при исследовании памятников каменного века северо-запада России. Открытие их в огромном количестве в курганах каменного века в Боровичском уезде, а затем и на оз. Пирос свидетельствовало о том, что эти находки оказались здесь неслучайно. Однако, как писал автор раскопок, - они "до сих пор стоят у нас одинокой находкой. Русские находки янтарей единичны и разбросаны; они мало приурочены к неолиту" [Рерих, 1907б, с. 241]. "Были находимы отдельные бусы и привески в позднейших курганах, были встречены следы янтаря в Коломцах при раскопках В.С. Переловского, но обширность настоящей находки заставляет искать подходящих аналогий на стороне. Рижский залив, северное Немецкое море - родина большей части янтаря - обратили поиски к древностям Померании и Дании, в которых и нашлись некоторые подходящие экземпляры" [Рерих, 1903, с. 23 - 24]. В литературе Рерих находит множество подтверждений сделанному им выводу о северном происхождении изделий из янтаря: например, встречает янтарную привеску и бляшку с насечками по краям - точную копию изделия из кургана на оз. Шерегордо (см. рис. 2, 31), среди ютландских древностей, описанных С.О. Мюллером, обнаруживает аналог длинным янтарным трубочкам-бусам. "Общий набор янтарей производит... приятное впечатление разнообразием пропорций и размеров привесок; несмотря на однородный материал, такие ожерелья лишены скуки и ремесленного штампа" [Там же, с. 24]. Сравнительный анализ янтарных находок

Новгородской губернии позволил Рериху говорить не только о существовании связей между племенами данной территории в каменном веке, но и появлении "в неолитическую эпоху... в первый раз янтаря, который... уже тогда доставлялся путем торговли с берегов Северного и Балтийского морей" [Там же].

В 1906 г. Н.К. Рерих совершает поездку в Европу, в те места, где были обнаружены вещи, подобные российским янтарным и кремневым изделиям [Рерих, 1907а, с. 242 - 243]. Кроме того, он знакомится с коллекцией находок каменного века в Прусском и Римском музеях. В поездку по Италии он берет образцы древних каменных орудий из России с тем, чтобы представить их зарубежным коллегам. В очерке "Каменный век" ученый писал: "...Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратьям" [Рерих, 1995а, с. 155 - 156]. Поездка оказалась для Н.К. Рериха чрезвычайно плодотворной. Ознакомившись с материалами европейских стоянок каменного века, он представил мировому научному сообществу неопровержимые доказательства того, что российские находки не только не являются подделками, в чем его обвинял Н.И. Веселовский, но и имеют абсолютное сходство с каменными и янтарными изделиями, найденными европейскими археологами. "Целый ряд находок каменного века из Luxhausen, German, Fischhausen, Wiskiauten, Neukuhren, Schwarzort, Schonklitten, Gross Waldek и других мест представляют поразительное сходство с нашими находками; материал, величина, точнейшая форма, характерная обделка (сверление и штриховка), так называемые пуговицы и двойные пуговицы - всё говорит не только об общем происхождении, но как бы об одних руках, обточивших эти вещи. Такое же сходство и в каменных орудиях, найденных вместе, - скребки, острия и стрелки с вогнутым насадом" [Рерих, 1907б, с. 241].

Археологический материал, открытый Н.К. Рерихом в ходе раскопок, стал подтверждением постоянно высказываемой им мысли "о сношениях на больших сравнительно расстояниях уже в каменном веке" [Там же].

Однако "мы знаем, - писал он, - что дошедшее до нас - не мерило протекшей жизни... Также и жизнь каменного века - не в тех случайных кремневых осколках, которые пока попадают нам в руки... Особенная тайна окружает следы каменного века" [Рерих, 1991б, с. 104]. Восхищаясь красотой вещей эпохи каменного века, Рерих высоко оценивает человека, их создавшего: "Цельны движения древнего, строго целесообразны его думы, остро чувство меры и стремления к украшению... В дошедших до нас страницах времени камня

нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далекую от нас культуру" [Там же, с. 103]. В каждом изделии ученый находит нечто индивидуальное. "В многотысячных собраниях предыдущих эпох, - писал он, - вы не найдете ни одного точного повторения вещи. Все разделено личным умением и потребностями (мастера. - *Авт.*)" [Там же, с. 107].

Одним из итогов многолетнего изучения Н.К. Рерихом памятников каменного века России стала собранная им уникальная археологическая коллекция, включившая около 100 тыс. предметов. "Коллекция профессора Рериха уникальна в том отношении, что позволяет сравнить формы различных периодов каменного века; она содержит предметы от самых грубых до самых изящных и демонстрирует тот факт, что на севере России в каменном веке создавались произведения столь же превосходные, как и на юге Франции или в Египте. Некоторые предметы совершенной формы украшены чрезвычайно сложными рисунками", - писал о ней М. Лихтман в статье "Николай Рерих и наука" [Lichtmann, 1930, p. 210 - 211].

Результаты исследования Рерихом памятников каменного века России имели широкий резонанс в научных кругах. И не только в России. Рецензии на его труды появились за рубежом почти сразу после их выхода. Среди первых была рецензия на работу "Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой (Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению Императорского Русского Археологического общества)", вышедшая в Париже в 1905 г. [Мельников, 2000, с. 326].

Высокую оценку предметам эпохи неолита, обнаруженным Н.К. Рерихом на озерах Мстино и Кафтино и представленных в 1905 г. на Французском историческом конгрессе в Перигё, дал известный археолог, специалист по каменному веку Е. Картальяк: "В ней (в коллекции. - *Авт.*) представлены кремневые орудия самых различных форм и редкостного совершенства; многие отмечают, что они напоминают образцы из долины Нила, некоторые предметы выполнены в форме силуэтов животных. Имеется также очень оригинальная подвеска и гончарные изделия эпохи неолита с любопытными орнаментами в виде отпечатков" [L'Anthropologie, 1905, p. 515.]. Выставка коллекции Н.К. Рериха стала первой демонстрацией предметов каменного века из России на всемирном научном форуме.

П.П. Ефименко отмечает, что Н.К. Рерих еще в 1905 г. совершенно правильно датировал свою и князя П.А. Путятин коллекцию неолитическим временем, хотя князь П.А. Путятин и другие европейские ученые относили ее к верхнему палеолиту [Ефименко, 1916, с. 66 - 82].

§ 2. Изучение памятников эпохи бронзового века – средневековья

2.1. Изучение курганных могильников

Пожалуй, одним из наиболее полно изученных Н.К. Рерихом типов древних погребальных памятников были курганные могильники. Начало систематического изучения им курганов А.А. Спидьян относит к 1895 - 1898 гг., когда ученый произвел раскопки в смежных волостях Петергофского, Ямбургского и Царскосельского уездов Петербургской губернии. Места для исследования были выбраны Н.К. Рерихом неслучайно. На основании анализа материалов раскопок своих предшественников, он пришел к выводу о том, что данный район "принадлежит к одному из самых населенных в старину регионов С[анкт]-П[етербургской] губ[ернии], которые, как известно, приурочивались к возвышенностям Лужского и Гдовского уездов и плоскогорью уездов Ямбургского и Петергофского" [Рерих, 1900, с. 2]. Несмотря на то что данную местность "надо считать уже более менее исследованною раскопками Л.К. Ивановского" [Там же, с. 2], и "в смысле находки новых древностей, при обилии предметов, найденных ранее, конечно, раскопки г. Рериха не могли дать неизвестных типов вещей; главный интерес его раскопок заключается в установлении подробностей погребального обряда" [Спидьян, 1899а, с. 324]. Основным объектом работы в те годы Рерих избрал "курганные древности, а затем могильные места, связанные с какими-либо преданиями, древние кресты, городища и пр." (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 85. Л. 30). Немаловажной деталью, отличавшей его методику раскопок в Петербургской губернии, была подробная фиксация всего про-

цесса раскопок в рисунках, "сообщающих работе наглядность и точность" [Там же]. Часть рисунков, которые затем прилагались к отчетам, Рерих выполнил в цвете, что, безусловно, было новым в практике ведения полевой документации в то время.

Все известные до тех пор в Петербургской губернии погребальные насыпи были отнесены исследователями к двум основным группам: в насыпях первой группы (XI - XII вв.) найденные человеческие останки свидетельствовали о том, что умерших хоронили по обряду трупосожжения, либо оставляли тело на материке на зольной подстилке в сидячем или лежащем положении; в насыпях, отнесенных к другой группе (XIII - XIV вв.), погребения обнаружены в могиле или на особо устроенном возвышении [Рерих, 1900, с. 2]. В результате исследования Рерихом 19 курганных групп в окрестностях деревень Рабетицы, Домапковицы, Калитино, Лисино, Роговицы, Рогатино, Введенская, Заполье, Волосово, Черная, Раково, Горы, Сумино, Ославье, Пежовицы, Будино, Губаницы, Глумицы и Сяглицы С.-Петербургской губернии (рис. 6 - 14) был накоплен огромный фактический материал, позволивший не только изучить устройство курганных насыпей, погребальный обряд и датировать памятники курганного типа, но и уточнить выводы, сделанные археологами ранее.

В 1895 г. в парке имения Калитино Сосницкой волости Царскосельского уезда Н.К. Рериха чрезвычайно заинтересовал курганный некрополь, состоявший из более чем 300 насыпей, большая часть которых была раскопана еще Л.К. Ивановским и разрыта местными кладовщиками. После тщательного изучения местности Н.К. Рерих заметил, что курганы расположены в определенном порядке. Наличие несомненных следов "некоторого правильного устройства" позволило ему утверждать, что "хоронили обыкновенно с разбором" (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 74/1894. Л. 13). На плане некрополя, который прилагался к отчету, Рерих выделил несколько групп курганов. Исследование показало, что "в середине сгруппированы наиболее высокие курганы, давшие, по словам очевидцев-крестьян, массу разнообразных вещей и особенно оружия (топоры, каменные и металлические, копья, мечи и монеты)" (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 74/1894. Л. 13). Среди периферийных курганов, Рерих выделяет два типа: с тщательно возведенной насыпью и большим количеством погребального инвентаря, и сооруженные менее аккуратно, в которых вещей почти не встречалось. Ученый особо отметил отдельно стоящие (по его мнению, такое расположение могло быть случайным) женские захоронения на холме. Все захоронения в могильнике были совершены по обряду трупоположения. При этом довольно часто

Рис. 6. Один из курганов могильника в окрестностях с. Рогатино Санкт-Петербургской губернии.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

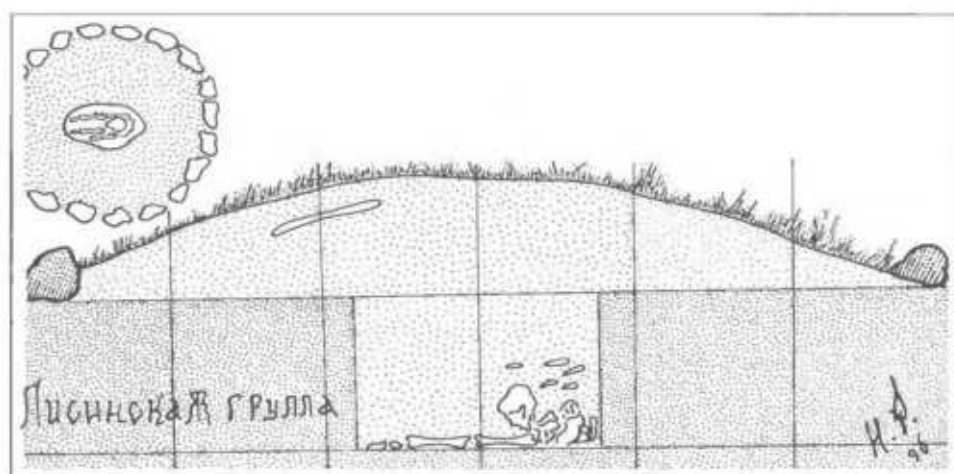

Рис. 7. Стратиграфический разрез кургана в окрестностях с. Лисино Санкт-Петербургской губернии. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

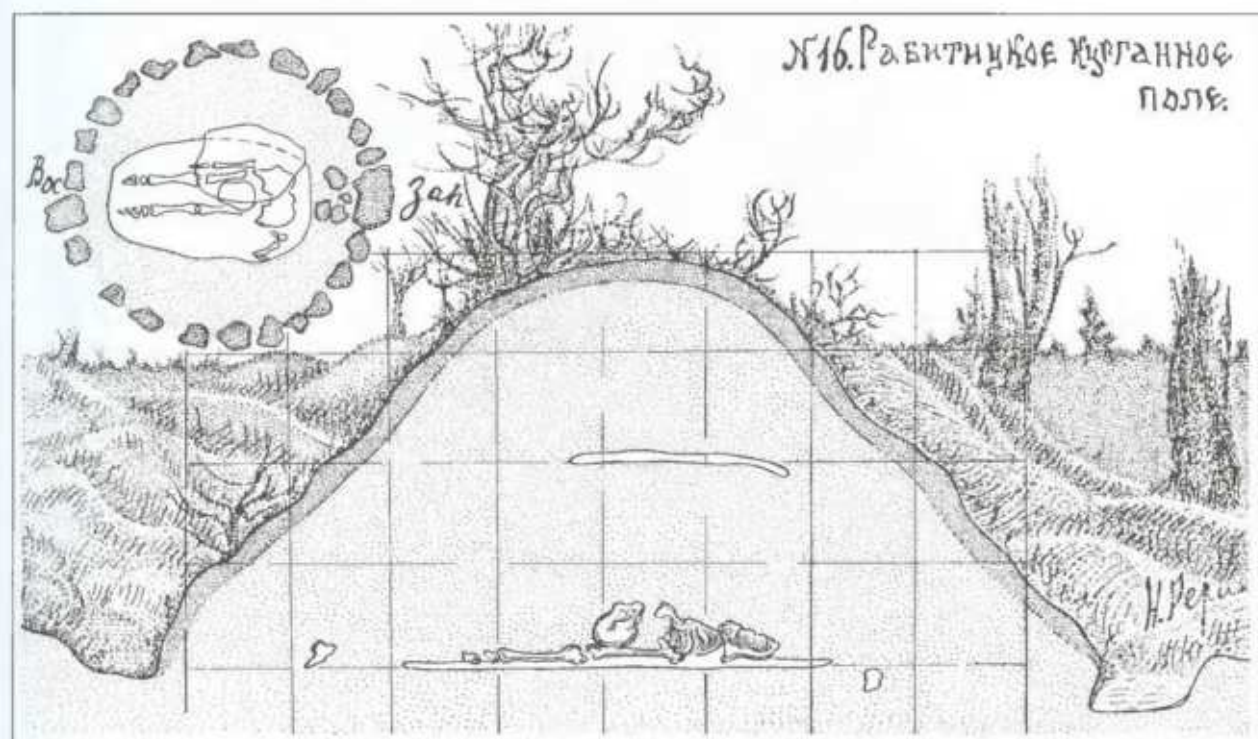

Рис. 8. Стратиграфический разрез кургана № 16 из курганной группы в окрестностях с. Рабитица Санкт-Петербургской губернии. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

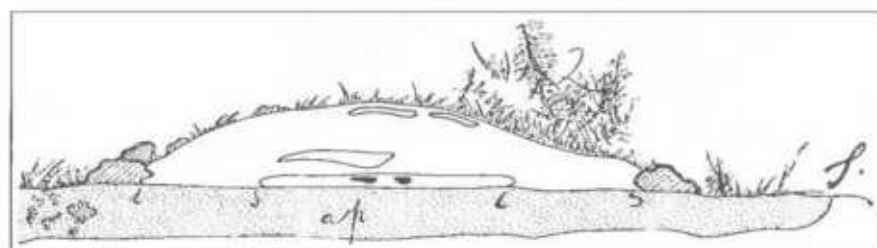

Рис. 9. Стратиграфический разрез кургана № 1 могильника в окрестностях дер. Лисино Петергофского уезда. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

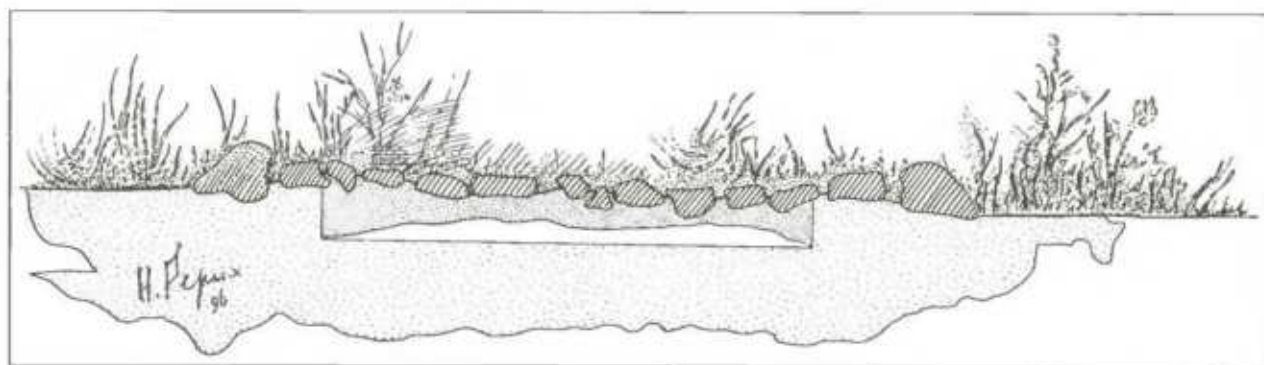

Рис. 10. Стратиграфия жальничного погребения.
 Рисунок Н.К. Кериха к Отчету о раскопках 1896 г. в Ямбургском и Петергофском уездах. Архив ИИМК.

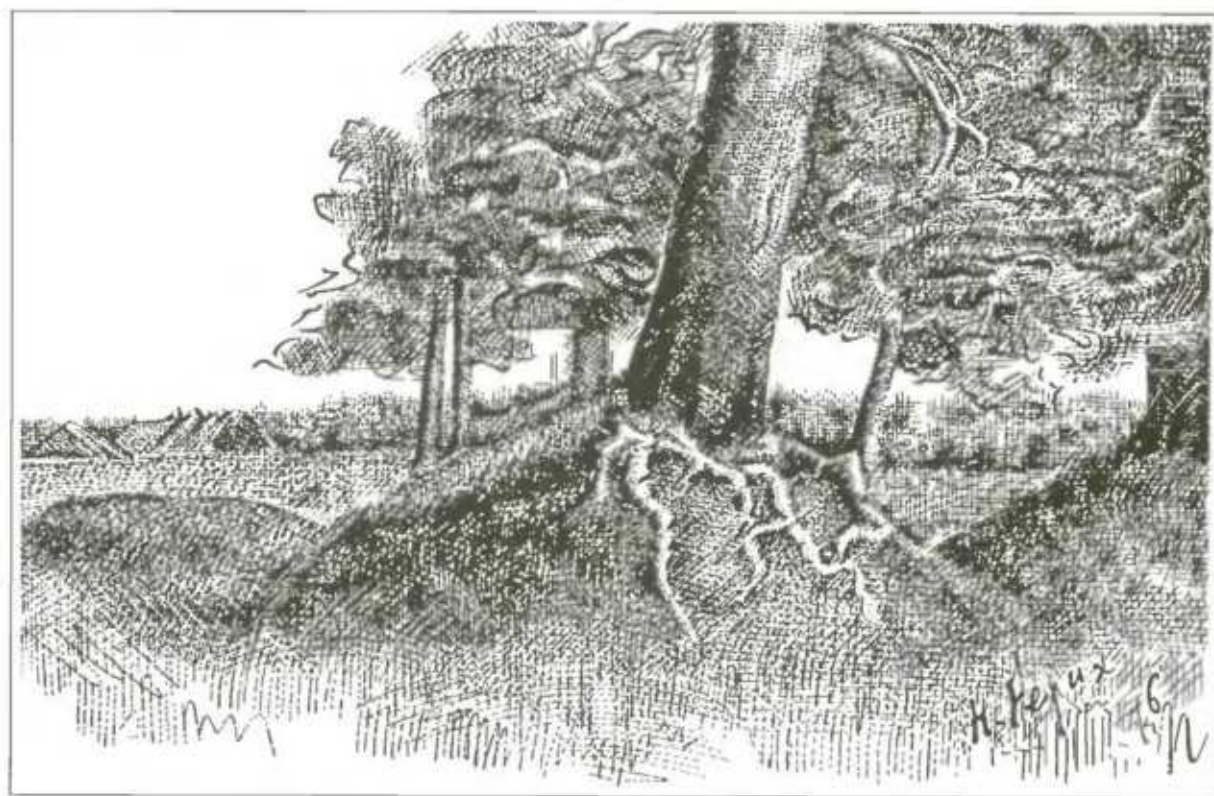

Рис. 11. Внешний вид кургана в окрестностях дер. Рогатицы Санкт-Петербургской губернии.
 Рисунок Н.К. Кериха. Архив ИИМК.

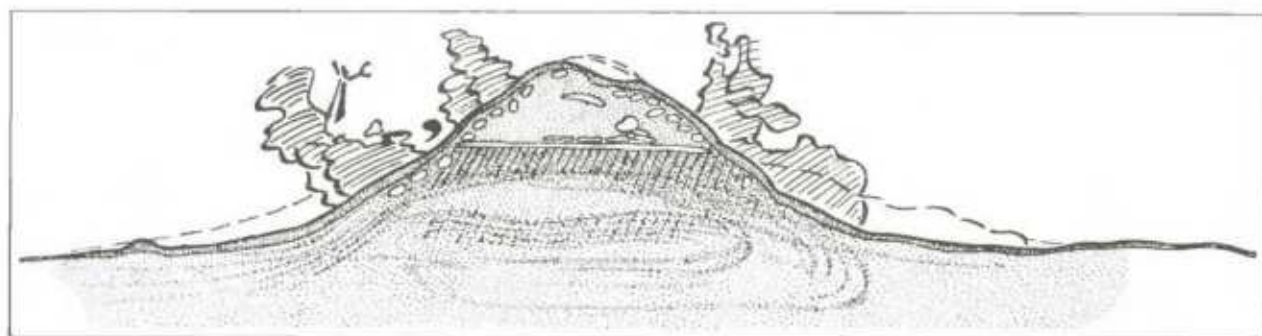

Рис. 12. Стратиграфический разрез кургана № 5 могильника в окрестностях дер. Лицено Петергофского уезда.
 Рисунок Н.К. Кериха. Архив ИИМК.

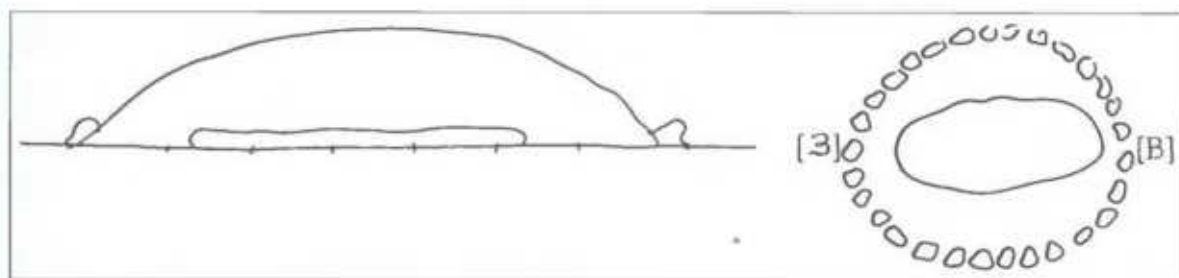

Рис. 13. Курган № 1 (лесная курганная группа в окрестностях дер. Горы, Санкт-Петербургская губерния).
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

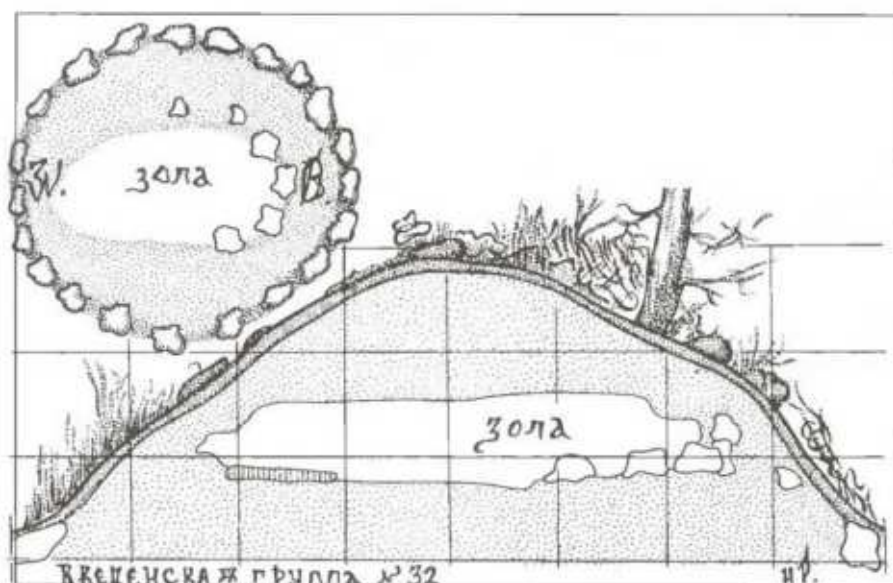

Рис. 14. План насыпи кургана с погребением в ней. Введенская курганная группа.
Санкт-Петербургская губерния. Рисунок Н.К. Рериха.

в курганах встречалось несколько слоев золы. Таким образом, дополнительное исследование курганного могильника в имении Калитино позволило Н.К. Рериху увидеть закономерности планиграфии некрополя и выявить зависимость между погребальным обрядом и морфологическими признаками насыпей.

Еще одним результатом этих широкомасштабных раскопок стало выявление разновидностей уже известных типов курганных могильников (разделенных Рерихом по обряду погребения). Курганы с трупосожжением были подразделены на три подтипа:

“1) Малые курганы расплывчатой формы, с погребением на поверхности материка. При диаметре до 7 арш., насыпи имеют в высоту до $1\frac{1}{2}$ арш. Слой золы и угля имеют... продолговатую форму, расположены с З. на В. и бывают толщиной до $2\frac{1}{2}$ верш. По окружности в основании насыпи кольцо из камней иногда есть, иногда же его нет.

2) Более высокие курганы с погребением в насыпи. Высота их $2\frac{1}{2}$ - 3 арш. В насыпи массивный слой золы до 4 верш... толщины; в золе иногда остатки пережженных косточек, черепки, пережженное железо, но

характерных вещей не найдено. Слой лежит обыкновенно на убитом и выглаженном возвышении...” [Спицын, 1899а, с. 324 - 325] (рис. 14). “У некоторых курганов данного типа на В. и З. сторонах венца из камней возвышаются камни большой величины.

3) Очень низкие насыпи, почти в виде жальничных погребений. Погребения на поверхности материка... Кругом основания венец из камней, иногда с двумя возвышающимися в головах и ногах... Слой золы расположен неравномерно; он то сходит на нет, то доходит до $2\frac{1}{2}$ верш. толщиной. Основание зольного слоя иногда выглажено...” [Там же].

Однако в большинстве курганных могильников умершие были захоронены по обряду труположения на поверхности материка. Положение костяка чаще всего было сидячим, редко – лежащим. Ориентация погребенного - на запад или юг. Устройство некоторых курганов было, по выражению Н.К. Рериха, очень “заботливым”: перед захоронением поверхность материка сглаживали, а в одном случае даже обмазали глиной. Зольные подстилки и разнообразные зольные включения в подобных курганах встречались реже и

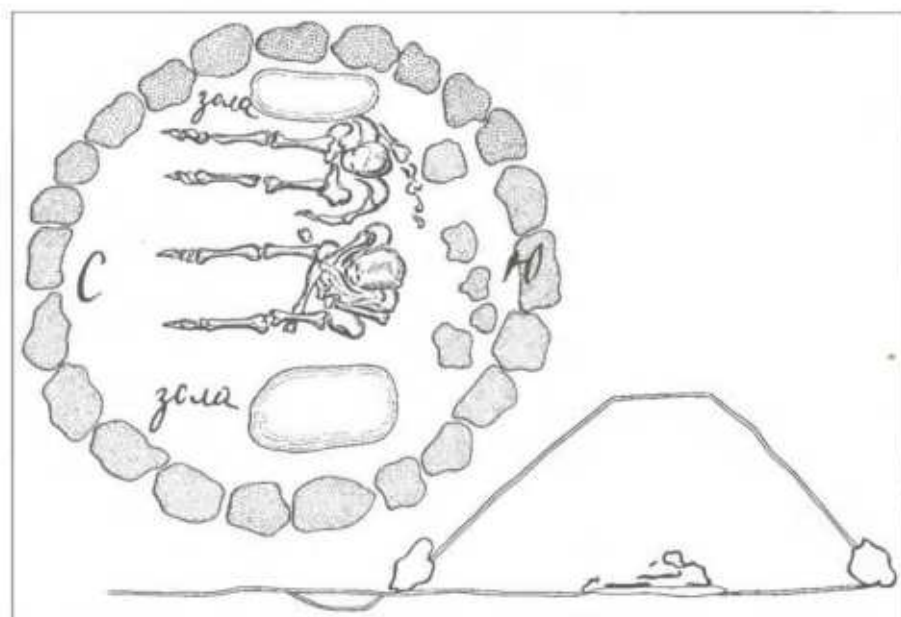

Рис. 15. План насыпи окруженного рвом кургана и находящегося в ней погребения. Санкт-Петербургская губерния. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

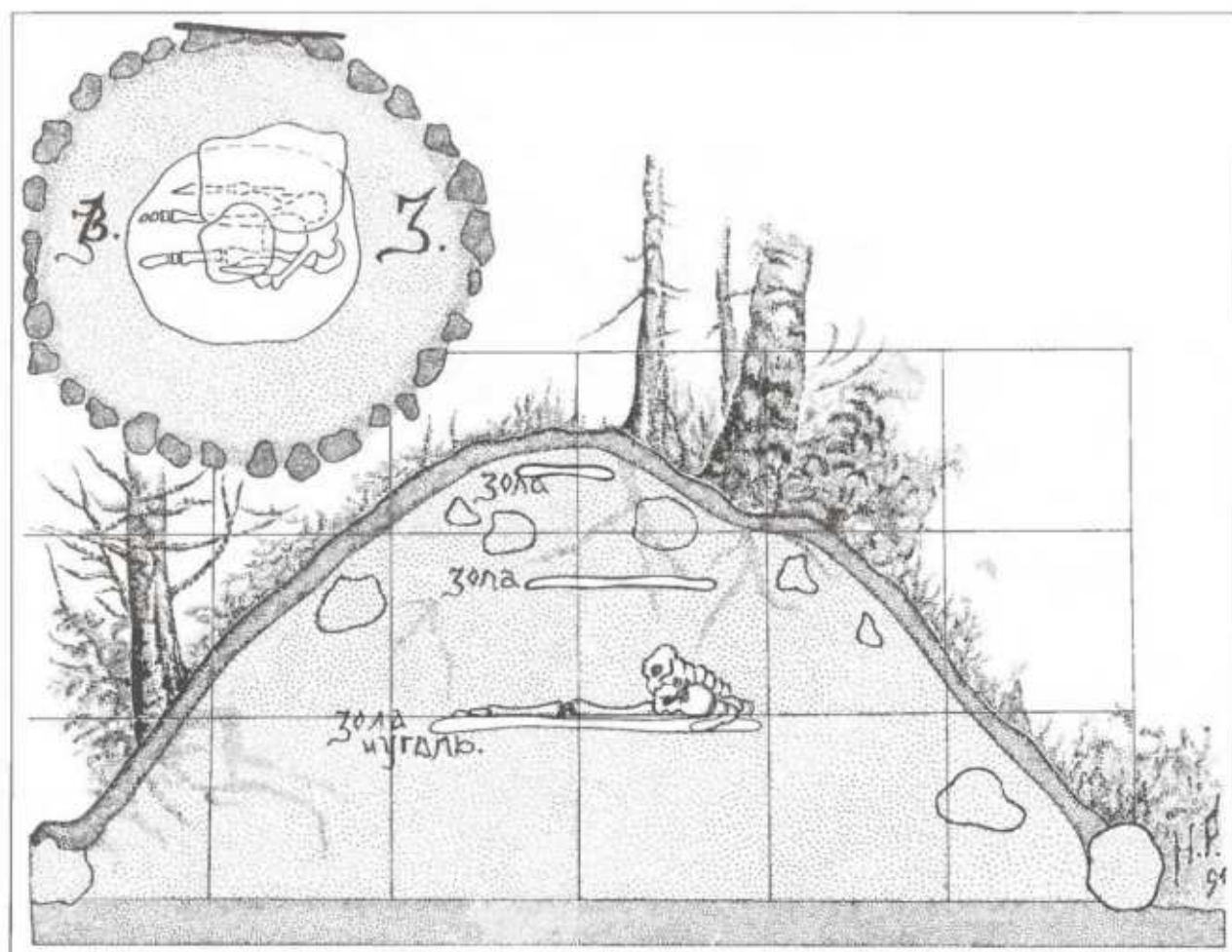

Рис. 16. План насыпи кургана и находящегося в ней погребения. Над косяком - зольные прослойки. Санкт-Петербургская губерния. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

были обнаружены в основном в насыпи, либо по обеим сторонам от костяка. В основании насыпи располагалась крепида из камней, причем в головах и ногах часто встречались валуны большей величины. Вокруг некоторых курганов сооружался ров (рис. 15). Иногда внутри насыпей или на их поверхности выкладывался слой валунов, которому придавалась форма купола.

Кланному типу Н.К. Рерих также относит курганы с погребениями в насыпи и кольцом из камней в основании. Умершие в таких курганах были захоронены в сидячем положении на слое золы. Такая же золная прослойка прослеживалась в насыпи над погребенными (рис. 16). Сопроводительный инвентарь был представлен витыми браслетами без петель на концах, тонкими пластинчатыми пряжками, маленькой пряжкой с широкими спиральями на концах, перстнем с заходящими друг на друга кольцами, серпом, ножом в медных ножнах, наконечником копья, браслетами других типов с гладкими концами и плетеным орнаментом, кольцами из белой бронзы.

Курганы с погребением в могиле встречались довольно редко. Для них характерны захоронения умерших в сидячем или "лежащем положении головою на Запад в неглубокой могиле (глубина до $\frac{1}{4}$ аршина) при малочисленном кольце основания" [Рерих, 1900, с. 3].

Н.К. Рериху удалось установить, что "исследованные... насыпи... происхождения непременно славянского" [Там же, с. 7]. Курганы с захоронениями по обряду трупосожжения и труположения он отнес к двум разным группам, датировав первую XI - XII вв., а вторую - XIII - XIV вв.

Исследование Н.К. Рерихом одного из курганов в окрестностях дер. Глумицы дало основание утверждать, что внешний вид курганных насыпей и даже тип погребения не являются определяющими признаками при датировке памятника. Курган при Глумицах имел высоту более 2 аршин и диаметр до 9 аршин. "Вместо целого венца камней в основании поставлены всего 2 валуна. Костяк погребен был в сидячем положении на слое золы, простирающемся по всему основанию насыпи, лицом на В[осток]" [Спицын, 1899а, с. 326]. то есть это был курган "по прочему устройству характерный для XII в." [Рерих, 1900, с. 2]. Однако, в руке погребенного была обнаружена "новгородская монета времен самостоятельности (XIV - XV вв.)" [Спицын, 1899а, с. 326]. Эта неожиданная находка указывала на то, что "при несомненном существовании указанных групп, граница их вовсе не настолько определена", и "старинный тип погребений, что вполне естественно, существовал наряду с новыми типами еще несколько веков" [Рерих, 1900, с. 2 - 3]. Соглашаясь с выводом Рериха, Е.А. Рябинин отмечает, что "сложный процесс начального освоения Ижорского плато разными по происхождению группами древнерусских переселен-

цев и их предполагаемое смешение с местными финским коллективами определяли нелинейность развития ритуала и возможность длительного переживания в глухих уголках региона архаических форм погребальных сооружений" [1998, с. 88].

Исследуя курганы, Н.К. Рерих обращал большое внимание на морфологические признаки насыпей. Прделанный им анализ огромного количества курганов, исследованных Л.К. Ивановским, показал существование несомненной зависимости между внешним обликом кургана, с одной стороны, и погребальным обрядом, их культурной и хронологической принадлежностью - с другой. "С полета, всматриваясь в общую массу курганов, изучая местоположение, сравнивая их внешность - видно, что они не могут относиться к одному периоду. То огромными полями сплошь унизывают они 10 - 20 десятин, то небольшими группами или же одиноко маячат по пахине; иной раз представляют они свежие, крепкие, точно вчера сложенные конусы с высокой вершиной и ясной правильной бульжной обкладкой в основании, иной же раз вершина оказывается глубоко осевшею или вся насыпь является заплывшим, полушаровидным, даже неправильным возвышением... Эта разница во внешнем виде обуславливает различие и в погребальных обычаях и в находках, разделяя... все курганы настоящей местности на две группы, относя первую к XI и XII вв., и вторую к XIII и XIV" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 85. Л. 29). Его выводы подтвердились результатами раскопок. "Внешний вид курганов при Пезовицах, был приблизительно одинаковый, но в одной группе вершины курганов представлялись лучше сохранными; - и в раскопке это объяснилось внутренним содержанием насыпей, с погребением в могиле; такое погребение, - считает автор, - менее влияет на внешнюю форму, нежели сожжение" [Рерих, 1900, с. 3].

Несмотря на то что территория Санкт-Петербургской губернии в течение многих лет исследовалась археологами, и, прежде всего, Л.К. Ивановским, раскопавшим около 7 тыс. памятников [Спицын, 1896], Н.К. Рерих считал что данные археологические объекты изучены недостаточно. Так весной 1900 г. Рерих совместно со слушателями и членами Археологического института произвел раскопки ранее изученных памятников в окрестности с. Гостилиц Петергофского уезда. Местность была выбрана таким образом, чтобы "придать экскурсии специально научный интерес" [Рерих, 1901, с. 66]. Изучение двух отдельно стоявших курганов дало интересные результаты. Н.К. Рерих не смог не заметить, что "при наличии всех старых погребальных элементов все же чувствуется какая-то их новая комбинация" [Там же]. В первом кургане было встречено погребение, расположенное на довольно большом возвышении на двух подстилках: одна из них - из белого песка (песок такого цвета обнаружен в трех

верстах от курганов), другая — зольная. “На зольной подстилке располагался костяк, лицом обращенный на Северо-Восток. При костяке найдены предметы: пряжка, кольцо, нож железный, кусочек ткани с приставшим осколком бронзы, серебряная бляшка (на правой руке) и сломанная серебряная монета г[орода] Наумбурга XI в[ека]. В верхней части насыпи находится небольшая зольная прослойка. Второй курган... содержал погребение также сидячее, в том же направлении, но не на возвышении, а на материке. Под костями — слой золы и белого песка. Кости (плохой сохранности) иногда носили слабую окраску бронзы, но сами предметы уже исчезли. Среди золы в области ступней найдена серебряная монета епископа Кельнского Пилигрима, XI в[ека]” [Там же, с. 66 - 67]. Как в первом, так и во втором случае камней в насыпях или в их основании не оказалось, что являлось редкостью для данной территории и объяснялось “не отсутствием камня, который на окрестных полях находится в обилии” [Там же, с. 67]. Выявленные Рерихом нетипичные для данной местности особенности погребального обряда (обособленное местоположение курганов, отсутствие каменного кольца в основании, сопровождавшие погребенного многочисленные монеты), которые не были обнаружены предыдущими раскопками, внесли коррективы в уже сложившуюся картину погребального ритуала местных племен.

В результате дополнительного исследования еще одного курганного могильника — у с. Дятлицы Петербургской губернии Н.К. Рерих обнаружил 11 новых типов погребений, не выявленных предыдущими раскопками:

I. Обложенное ровным кольцом валунов сидячее погребение, обращенное лицом на В[осток], с опорой позади костяка (большой валун). Около таза с левой стороны кучка золы.

II. Погребение на толстом кострище на возвышении высотой в $\frac{1}{4}$ арш[ина]. Костяк лежит головою на Ю[го]-З[апад]. Около левого бедра серп. Курган обложен крупными булыжниками; на глубине 6 - 7 вершков от поверхности насыпи обрызг сводик из мелких валунов.

III. Погребение без кострища в лежащем положении головою на Запад. У правой ноги железный топорик. В массе насыпи в различных местах встречаются маленькие прослойки и вкрапления золы и угля. На глубине $\frac{3}{4}$ арш[ина] от вершины много камней, не образующих правильного свода.

IV. Сидячее погребение, обращенное лицом на В[осток], на материке. Золы не встречено. Снаружи весь курган сплошь выложен булыжником. Находки: браслет, височное кольцо и бубенчики древнего типа.

V. Распльвчатый курган. По окружности 4 больших валуна, приблизительно по странам света. На материке костяк в сидячем положении. Находки: нож же-

лезный, два перстня древнего типа и широкий браслет финского характера.

VI. Весь курган сплошь выложен каменным сводом. На материке рядом 3 костяка, лежащих головами на Ю[го]-З[апад]. В области черепов значительная кучка золы. Находка: 2 браслета.

VII. Лежащее погребение на материке. Череп лежит на земляном возвышении, лицом на В[осток]. Золы и дерева вовсе не найдено. Основание кургана обложено ровными булыжниками. Находки: литой браслет, 2 бусины, одна черная стеклянная, вторая голубая смальтовая.

VIII. Лежащее погребение на материке головою на З[апад]. Костяк покрыт доскою. Под костяками подстилка из белого песка, толщиной в 3 вершка. Золы не найдено.

IX. Лежащее погребение на материке, обращенное лицом на В[осток]. Под костями несколько кучек угля. Правая рука костяка закинута за череп.

X. Лежащее погребение на материке. Вокруг насыпи каменное кольцо. В разных частях насыпи вкраплины золы и угля. Под костяком кострище. Находки: топор (у правого бедра) и пряжка.

XI. На материке лежащий костяк на зольной подстилке. Погребение в ясно выраженной колоде, но без покрытия. Находка: браслет (на правой руке)” [Там же, с. 67 - 68].

Причину такого разнообразия, свидетельствующего “как бы о неустановившемся, колеблющемся погребальном ритуале” [Там же, с. 68], исследователь видел не только в разновременности насыпей. Он допускал и возможность влияния традиций местного финского населения, в свою очередь, “перенимавшего курганные погребения от соседей славян” [Там же, с. 68].

В эпоху раннего средневековья на территории, прилегающей с юга к Финскому заливу, обитало племя воль. “От этнонима этого племени производно название одной из новгородских пятин — Водской, охватывающей обширную северо-западную часть Новгородской земли” [Селов, 1982, с. 34.]. Племя воль упоминалось в древнерусских и западно-европейских письменных источниках начиная с XI в. [Кеппен, 1851, с. 58 - 66].

Н.К. Рерих, изучая материалы нескольких сотен раскопанных им курганов и жальников Ижорского плато, предположил, что большинство из них принадлежало славянам [Рерих, 1901, с. 60 - 68]. Вместе с тем он допускал, что среди этого массива захоронений имеются погребения местного финского племени, перенявшего погребальную практику у славян [Там же].

Наличие в захоронениях воды первой половины II тыс. н.э. сидячих погребений [Спицын, 1895, с. 7 - 9] послужило Н.К. Рериху и Л.К. Ивановскому основани-

ем для выделения специфического погребального обряда воды [Седов, 1984, с. 155 - 161].

Тщательно изучив данные, полученных в ходе исследования курганов Санкт-Петербургской губернии, Н.К. Рерих одним из первых среди археологов поставил вопрос о зависимости ориентации погребенного от времени года: "Нельзя ли частые отклонения от обычного направления с Востока на Запад, - писал он по этому поводу, - объяснить временем погребения, то есть временем года, смотря по восходу и закату?" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 49. Л. 7). Различие в ориентации костяков указывало на то, что между различными племенами происходили тесные контакты, которые, должны были найти отражение, в первую очередь, в погребальном ритуале.

Летом 1899 г. Н.К. Рерих по заданию Императорского Русского археологического общества производит раскопки на территории Новгородской и Псковской губерний. Цели и задачи этой экспедиции были определены в записке профессора Н.И. Веселовского и А.А. Спицына [Протокол..., 1901] (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 402), оглашенной на заседании Отделения Русской и Славянской археологии 30 марта 1899 г. В ней говорилось: "Целью раскопок 1899 года можно было бы положить определение погребальных обрядов и типа вещей у Новгородских славян между временем сопков и жальников, т.е. приблизительно за время от IX по XIII в. Для достижения этой цели надлежит выбрать для раскопок местность: 1) несомненно принадлежавшую Новгородским славянам, 2) такую, которая представляла бы совершенно достаточное количество изучаемых памятников древности. Такою местностью, по нашему мнению, прежде всего является часть Старорусского уезда, расположенная между нижним течением Шелони и Ловати... Раскопки следует направлять на курганы средней величины и на древнейшие жальники, представляющие небольшие возвышения, обставленные кругом крупных камней и иногда обложенные по поверхности мелким булыжником. На основании имеющихся фактов можно теоретически предполагать, что в указанном районе встретятся следующие обряды погребения: 1) погребение урн с сожженными костяками в круглых или длинных насыпях (IX-X в.); 2) сожжение трупа на месте (X, отчасти XI в.); 3) погребение несожженного трупа в сидячем или лежащем положении (XI - XII в.); 4) погребение в грунтовых ямах, может быть, с каменными крестами на верху насыпи (XII - XIV в.)..." [Рерих, 1899а, с. 4]. Помимо этого Н.К. Рерих интересовал вопрос о связях местных насельников с племенами соседних областей, так как "в близ лежащих губерниях являются вопросы, при решении которых древности исконных уголков Руси - Новгорода и Пскова - должны служить отправным основанием" [Там же, с. 3]. Экспедиция Рериха тщательно обследовала Порховский, Валдайский и Старорус-

ский уезды. На территории последнего, вопреки ожиданиям, искомым тип погребальных памятников обнаружен не был.

В результате раскопок исследователи выявили пять основных, наиболее часто встречающихся типов курганных погребений:

1. Курганный погребение с трупосожжением на уровне материка... (деревня Каменка Порховского уезда);

2. Курганный погребение несожженного костяка на уровне материка на кострище, в лежащем положении (деревни Каменка, Боркино, Поддубье Порховского уезда) и в сидячем (Глубочица Валдайского уезда). Направление костяков лицом на Восток и Юг;

3. Погребение в сидячем положении лицом на Восток и Юг, на особо устроенном возвышении, доходящем до аршина высотой. Под костяком кострище, иногда во всю площадь возвышения;

4. Погребение в лежащем положении, лицом на Восток, в могиле... (Вязка). Такое погребение, найденное при жальнике, составляет прямой переход к жальничному типу, и судя по цвету и сохранности кости, довольно позднего происхождения" [Там же, с. 29 - 30].

Курганные насыпи Новгородской и Псковской губерний, по наблюдению Н.К. Рериха, несколько отличались по морфологическим признакам от курганных насыпей Петербургской губернии. Некоторые из них не имели в основании кольца из камней, столь характерного для курганов, изученных им ранее. Ученый отметил, что "устройство" курганов Санкт-Петербургской губернии "несомненно заботливее и обстоятельнее, нежели курганов Порховских; среди последних не замечается насыпей из дерновой земли (требовавших особо прилежной работы); не видно тщательного утаптывания и обмазывания глиной площади основания насыпи; не встречено булыжных прослоек, сводиков, выкладывания камнем всей поверхности насыпи и прочих признаков изысканности устройства" [Там же, с. 30].

В окрестностях дер. Любитово Порховского уезда Н.К. Рерих впервые в своей практике обследовал кенотаф. "Непонятен случай, - писал он в своем отчете о раскопках, - где, при неповрежденном внешнем устройстве могилы, погребений не было найдено; могила представляла овал с большими валунами на Восток и Запад; под дерном оказался второй слой камня, как бы сводом покрывавший могилу. Погребение не могло быть разрушено, а между тем, несмотря на тщательные поиски и глубокие ямы, никаких признаков костяка не оказалось" [Там же, с. 21].

Сопроводительный инвентарь погребений на кострище из раскопанных Рерихом курганов состоял из височных колец с привесками и без них, бляшек, бус (с золотой фольгой, хрустальных, серебряных, терра-

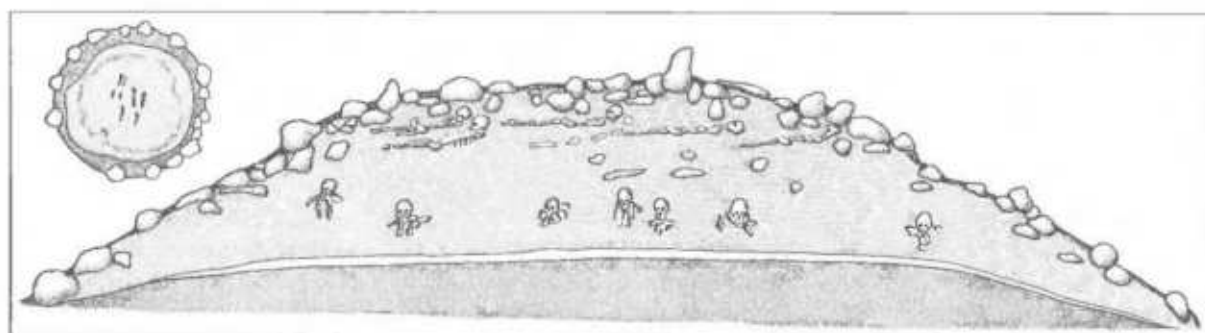

Рис. 17. План насыпи кургана и погребения. Воскресенский могильник. Новгородская губерния.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

котовых), гривен, колец, бубенчиков. Возле костяков были также найдены монеты: две монеты (Цимисхия и западная XI в.) - в могильнике у дер. Подлубье и "монета времени 1047 - 1060 годов Трира" - в одном из курганов в окрестности дер. Каменки [Там же, с. 18]. Курганы с захоронениями по обряду трупосожжения отличались малочисленностью и незатейливостью погребальных вещей, представленных в основном фрагментами глиняной посуды.

Сходство типов местного погребального обряда и могильного инвентаря с исследованными ранее типами в смежных областях позволило Н.К. Рериху установить возраст курганов Шелонской пятинны и Бежецкого конца. Памятники с захоронением по обряду трупосожжения он отнес к "раннему периоду местных древностей - к XI и не позже XII века" [Там же, с. 29]. Погребениями третьего типа "вполне воспроизводится картина следующих за трупосожжением погребений С[анкт]-П[етербургской] губ[ернии] (XII - XIII века)" [Там же, с. 29], а четвертый тип Рерих относит к рубежу XII - XIII вв.

Сообразуясь с задачами, указанными Н.И. Веселовским и А.А. Спицыным в упомянутой выше "записке", Н.К. Рерих сопоставляет находки в курганах и жальниках и обнаруживает несоккиданный результат: все они "свидетельствуют об одновременном происхождении курганных насыпей и многих жальничных погребений" [Там же, с. 6]. Эта "несомненная одновременность невысоких курганов и жальничных погребений" [Там же] свидетельствовала о распространении и влиянии христианства [Там же]. Н.К. Рерих выяснил, что в Старорусском уезде, ранее других подвергшемся христианизации, произошел переход от практики захоронения в курганах к погребению в жальниках, в в отдаленных районах Новгородской земли - Порховском, Лужском и особенно в Ямбургском и Петергофском уездах - четко прослеживалось постепенное увеличение числа курганных погребений, что могло быть объяснено тесными контактами местных славянских племен с финскими, "так как известно, что воль (по писцовым книгам чудь) клала мертвых по курганам еще в XVI веке" [Там же].

Исследования Н.К. Рерихом курганных могильников Новгородской и Псковской земель в 1899 г. имели большое значение для археологической науки того времени. В результате их проведения удалось установить более точный возраст погребений Санкт-Петербургской губернии и сделать вывод о культурном единстве славянских племен северо-западных областей России.

По предложению Императорской Археологической комиссии в 1900 г. Н.К. Рерих продолжил изучение курганных могильников Новгородской губернии. Он исследовал Воскресенский могильник (рис. 17) и несколько курганов территории имения Котово в Валдайском уезде. Воскресенский могильник был расположен в десяти верстах от станции Окуловки в урочище Воскресенский Нос на берегу озера и представлял собой расплывчатый холм, сплошь усеянный камнями различной величины и формы. Надмогильное сооружение имело сложную каменную конструкцию, не типичную для данной местности. "Камни, занимающие поверхность холма, - писал Н.К. Рерих в своем докладе, - лежат в полном беспорядке, не образуя никаких очевидных фигур, и некоторую симметрию можно видеть лишь в основании холма, обложенном местами прерывающимся, но все же правильным рядом крупных валунов... Часто плоские валуны и плиты поставлены стоймя... Камни на поверхности лежат не в один ряд, а местами в два и даже в три слоя" [Рерих, 1901, с. 62]. Под валунами были обнаружены костяки, залегавшие в два слоя. Умершие, останки которых археологи обнаружили в верхнем слое, были захоронены в лежачем положении с вытянутыми вдоль туловища руками головой на восток. Погребальный инвентарь составляли лишь "черепки горшков, помещенных преимущественно около черепа" [Там же, с. 62 - 63]. Н.К. Рерих определил, что "песок под костями не материковый, а имеет характер насыпной" [Там же, с. 63]. Дальнейшие исследования могильника выявили еще один тип погребений: умершие захоронены в сидячем положении головой на юг. Сохранность костяков была очень плохой. Однако удалось установить, что "черепка с ясным долихокефализмом" [Там же]. Под вторым

слоем костяков ученые зафиксировали следы мощного кострища, простирившегося на значительной площади в основании насыпи. В кострище сохранились остатки "дубовых обгорелых плах, лежавших в направлении от В[остока] к З[ападу], осколок обгорелой берцовой кости какого-то крупного животного и несколько массивных шлаков и сплавов железных, в одном случае как будто со следом меди" [Там же]. Ниже слоя с кострищем прослеживался слой чистого белого песка толщиной от двух до трех вершков, простирившийся практически по всей площади основания холма.

На основании анализа стратиграфии разреза Н.К. Рерих реконструировал структуру Воскресенского могильника. "Небольшое естественное возвышение, - писал он, - приготовлено для какого-то огромного сожжения. Возвышение усыпано ровным слоем белого песка. Само сожжение, совершенное на возвышении... должно было быть весьма значительно, ибо оставить от 3 до 5 $\frac{1}{2}$ верш[ков] золы на широком пространстве мог только большой огонь, истребивший огромную массу материала. Над этим сожжением возводятся насыпь из желтого песка почти в сажень высоту; в насыпи идут какие-то зольные и угольные прослойки. Верх и основание насыпи устанавливаются крупными валунами... Эта насыпь над сожжением впоследствии служит местом разновременных впускных погребений, сперва сидячих на глубине 2 $\frac{1}{2}$ арш[ина], а затем многочисленных погребений лежащих на глубине 1 арш[ина]" [Там же, с. 63 - 64].

Ученый высказал предположение о возрасте погребений, обнаруженных в кургане: погребение с трупосождением - X в.; погребения с костяками в сидячем положении - XII, XIII вв.; и, наконец, самые верхние погребения с костяками в лежащем положении - XV - начало XVI в. Аналогичные захоронения Н.К. Рерих встречал в исследованном им ранее на территории Порховского уезда Любитовском курганном могильнике, в котором костяки были расположены один над другим взаимно-перпендикулярно, а прослойки белого песка содержались также в курганах Петербургской губернии.

Исследование Воскресенского могильника имело важное значение для науки не только из-за информации, которую получили археологи в результате раскопок. Оно поставило перед исследователями задачу тщательного изучения рельефа местности и, прежде всего, "бугров и возвышенностей", ибо "эти бугры могут быть и не природного происхождения" [Там же, с. 64]. Н.К. Рерих призывает коллег исследовать памятники максимально полно и совершенствовать методику раскопок с тем, чтобы избежать потери информации: вести четкие записи, выполнять зарисовки и фотофиксацию [1900, с. 6].

В ходе исследования четырех курганов в окрестностях имения Котова Н.К. Рерих выяснил, что погребения

в них было совершено по обряду трупосождения на возвышении. Насыпь курганов имела конусообразную форму, камни в ней отсутствовали, что, как было отмечено выше, являлось характерной чертой курганов данной местности. Изучение Рерихом погребений в курганах Валдайского и смежных с ним уездов показало, что "курганы с сидячим или лежащим на материке погребением встречаются особенно редко, оставляя основной тип различным сожжениям" [1901, с. 65].

Изучение курганных могильников, оставленных славянскими племенами в районе, который ранее относился к пятинам Деревской и Бежецкой Великого Новгорода, было продолжено в 1902 г. Работы охватывали смежные волости Крестецкого, Валдайского и в основном Боровичского уездов. Н.К. Рерих писал о местности, которую ему предстояло исследовать: "красивое, озерное место, наполненное валдайскими отрогами, удобное во всех отношениях для жилья" [1903, с. 14]. Именно в таких местах, как подсказывала ему интуиция археолога, "можно ожидать многочисленных древности" [Там же].

Предварительные разведки в окрестностях 92 селений выявили, что памятники в изучаемой местности не столь многочисленны, как ожидалось. Н.К. Рерих находит несколько возможных причин, объясняющих данный факт: уничтожение наиболее мелких из них при обработке земли; частые коллективные погребения; практика захоронения умерших в одном месте на протяжении длительного времени, результатом чего, возможно, стали погребальные наслоения, как это было обнаружено в памятниках Старорусского уезда в 1899 г. В ходе разведок Н.К. Рерих определил основные принципы поиска курганов в данной местности. "Все осмотренные курганные группы, - писал он, - приурочены к какому-либо водному бассейну реки или озера и большей частью расположены на высоких доминирующих местах; исключение составляют низкие песчаные насыпи с трупосождением, находящиеся в так называемых "сопочных борах", в мелких хвойных порослях, граничащих с моховыми болотами" [Там же, с. 15 - 16]. Описывая насыпи местных курганов, Рерих отмечает, что почти все они не имеют первоначальной формы. Ученый называет ряд причин этого: песчаный состав самих насыпей, сельскохозяйственная деятельность местного населения и грабительские раскопки кладоискателями.

Все исследованные курганные могильники по обряду захоронения Н.К. Рерих разделил на пять основных типов, перечислив их "в порядке приближительной постепенной древности, начиная с самых новейших" [Там же, с. 16]:

I. Курганы с погребением в лежащем положении без трупосождения.

II. Курганы с погребениями на материке и выше его несожженного костяка в сидячем положении.

III. Курганы с трупосожжением на материке” [Там же].

Следующие два типа погребений представляли для Н.К. Рериха особый интерес, так как не были характерны для данной местности:

“IV. Курганы с трупосожжением на вершине насыпи. В середине кострища помещались остатки сожжённого костяка. Скуденность осколков кости и слабое продолжение в одну (западную) сторону даёт предположение о сидячем положении трупа. При костях были найдены железный нож, трубочка и осколки бронзовых предметов: браслета и гривны, обычных типов для насыпей X века. Вся масса насыпи была из чистого жёлтого песка.

V. Курганы с погребением остатков отдельно сожжённого костяка на вершине насыпи. Насыпи окружены ровиками. На вершине их найдены сожжённые костяки, сложенные кучкой” [Там же, с. 17-21]. Рерих обращает внимание на наличие среди костяков фрагментов грубо сделанных горшков без орнамента с остатками погребальной пищи. Такая керамика, по мнению Н.К. Рериха, относится к специальной погребальной посуде, которую также можно встретить в курганах, относящихся к различным археологическим культурам [Там же]. Данный тип захоронения не имел аналогов и вызвал живейший интерес ученого. Он предположил, что умершие были сожжены в определенном месте, а затем принесены на вершину кургана. Рерих вспоминает позже, что эту гипотезу он выдвинул не без колебаний, поскольку достаточных оснований для нее на тот момент не было. Однако неожиданно она нашла подтверждение: в ходе раскопок нескольких уплощенных насыпей, окруженных ровиком, под дерном археологи обнаружили толстый слой золы – огромное кострище. Зольный слой в центре насыпи был совсем тонким и имел выемку в середине. Н.К. Рерих увидел связь “между этими низкими, плоскими возвышениями и кучками сожженных костей на вершинах прежде описанных курганов” [Там же, с. 21].

На новгородской земле Н.К. Рериха заинтересовали и так называемые “длинные курганы”, изучение которых было начато А.А. Спицыным. На берегу оз. Люто в Боровичском уезде Н.К. Рерих вскрыл одну такую насыпь, расположенную вдоль берега озера, шириной 61 аршин и длиной 5 аршин. Местные жители дали ей название Великанова Могила. Однако находок в ней не оказалось, из-за чего ученому не удалось сделать вывод о культурной и хронологической принадлежности кургана.

По замечанию Н.К. Рериха, описания раскопок представляют собой всего лишь грубую схему. “На деле же встречается разнообразие удивительное” [Рерих, 1991б, с. 31]. “Летят комки земли. Мужские костяки чередуются с женскими. Долихокефальные черепа сменяются брахицефальными. Вместо копий, топоров, мечей,

ножей, умбонов, шитов являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцветные бусы, остатки кос. Полное трупосожжение уступает место погребению в сидячем положении” [Там же, с. 24]. Эта “мозаика” всегда вдохновляла ученого на реконструкцию самого погребального ритуала. “Живо представляешь себе заботливые попечения родичей об умерших. Одни стараются отметить прах его особо великими валунами; другие выкладывают всю поверхность насыпи мелким булыжником, тросты, устраивая курган, сажают покойного на чурбан и подпирают его досками” [Там же, с. 30]. Сходство обрядов погребения, предметов, найденных в курганах на территории Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской губерний и в Прибалтике, Н.К. Рерих обнаружил с радостью, ибо в нем он видел прямое свидетельство существования связей, “живого обмена” между древними племенами [Там же, с. 31].

После детального анализа материалов славянских погребальных памятников курганного типа Санкт-Петербургской губернии Н.К. Рерих ставит своей задачей изучение погребального ритуала финно-угорского населения, населявшего эту территорию. Из летописей было известно, что в этом районе проживало четыре финских племени – удь, емь, ижора и воль. При сравнительно достаточной изученности древностей чуди и еми памятники двух других племен оставались практически не исследованными. В раскопанных курганах возле деревень Рудицы (Петергофского уезда), Мануйлово и Войносолово (Ямбургского уезда), приписываемых археологами племенам ижора и воль, действительно содержали предметы несколько иного, по сравнению с распространенным в округе, типа, однако отсутствие дневников раскопок не позволяло с точностью определить “представляют ли они (находки. – *Авт.*) несомненно Волдские погребения или только славянские при случайности финского элемента в находках” [Рерих, 1900, с. 7]. В поисках ответа на этот вопрос Рерих решает ознакомиться с результатами археологических исследований в тех районах Прибалтики, в которых обитали многочисленные финские племена, и живут до сих пор их потомки, тем более что “балтийская археология разрабатывается уже давно, пришла к более или менее систематическим результатам и дает картину местных погребальных типов” [Там же, с. 8]. Ученого интересовало, прежде всего, какому типу принадлежат погребения (без насыпи или курганные); имеются ли между славянскими и финскими курганами различия и существенны ли они. С этой целью он знакомится с историографией проблемы: изучает работы археологов Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, разработавших ряд классификаций местных погребальных памятников. Наиболее приемлемой для решения поставленной задачи Рериху показалась классификация, согласно которой погребальные памятники Прибалти-

ки подразделялись на семь основных категорий: "1) На ровной площади выкопана яма, в которую положен покойник с предметами вооружения и украшения; на грудь его навалено несколько камней; надземных признаков такие могилы не имеют вовсе. 2) Курганы разной величины; похоронный обряд либо сожжение, либо погребение: последнее преимущественно в низких курганах. В них входят монеты Этельреда и Канута, а также немецкие от XI века. 3) Курганы, окруженные в своем основании камнями; умершие были сожжены, а над кострищем был насыпан курган. 4) На ровной площади заметны образованные поставленными камнями квадраты; внутри их при раскопках были обнаружены сложенные из камня круги и овалы; в них находятся костяки с различными предметами; направление костяков на Север и Юг. 5) Образованные из сложенных камней квадраты, наполненные набросанными в них мелкими камнями; непосредственно под ними находится смешанная с угольями почва, остатки костей, куски глиняной посуды и расплавленные под действием огня металлические предметы. 6) Представляют высокие песчаные курганы, в которых помещалось несколько могил с сожжением, покойники сожигались подле места погребения, кости и предметы складывались в сосуды и погребались в холме. Были находимы греческие и римские монеты. 7) К последней категории Крузе (автор классификации. – *Авт.*) относит все могилы, исследование которых невозможно" [Там же, с. 9 – 10]. Н.К. Рерих делает вывод о том, что курганы областей Прибалтики и по своему устройству, и по составу инвентаря, в них найденного, аналогичны памятникам Санкт-Петербургской губернии. Кроме того, курганные могильники на островах Балтийского моря, несомненно финского происхождения, отличаясь лишь немногочисленными деталями, "в общем дают картину, почти аналогичную нашим [Санкт-Петербургской] губернии" [курганам] [Там же, с. 13]. Результаты изучения материалов раскопок в Прибалтике, сравнения погребального обряда местных финских племен и славян указывало на то, что "коренными финскими погребениями являются погребения без насыпи, насыпь же есть соседское влияние" [Там же, с. 14], то есть славянское. Однако влияние древних носителей славянской культуры отнюдь не было односторонним, о чем свидетельствовали финские и скандинавские элементы в погребальном обряде славян. Н.К. Рерих делает вывод о мирном сосуществовании данных племен, что подтверждалось и летописными источниками. Полученные им данные потребовали пересмотра сложившихся в науке представлений о культурной принадлежности погребений. "Жалко всего того, – писал по этому поводу Рерих, – что давно мы полюбили приписывать милым сердцу ближайшим славянам. Их значение колеблется. Финские данные сокращают круг действия северных славянских племен. Очень важно

одно из последних заключений А. Спицына о дивинных курганах озерного и верхнеднепровского района. В них видели памятники славянские, теперь же он отодвигает их к финнам" [Рерих, 1991б, с. 116]. Этот эпизод очень ярко характеризует нравственную позицию Рериха как ученого, для которого "только факты, факты, неоспоримо добытые из земли, являются убедительными в курганной археологии, всевозможные же гипотезы на какой бы основательной литературе они не строились и какими бы занимательными не представлялись, являются убедительными в сравнении с раскопкой, единственно дорогой для современного археолога" [Рерих, 1900, с. 9].

Исследования Рериха дали ответы на многие вопросы, стоявшие перед археологической наукой того времени. Разнообразие культурных традиций в северо-западных областях России, выражавшееся в "обильном присутствии древностей эстов, ливов, куров, чуди приладожской и финляндской", наличие в славянских могилах элементов восточного и скандинавского погребальных обрядов ученый объяснял тем, что "с Поморья вдоль берегов Балтийских губерний, по Волхону и Ильмену" проходил великий торговый водный путь "из Варяг в Греки" [Рерих, 1991б, с. 31].

По поводу погребальных памятников водн Н.К. Рерих писал, что "отличия водских курганов от новгородских либо вовсе не будет заметно, либо выразится в таких незначительных деталях, обнаружить которые может только самая тщательная и осмотрительная раскопка, отнюдь не количественная, но качественная..." [1900, с. 119].

Н.К. Рерих открыл и исследовал значительную долю известных науке разнообразных погребальных памятников VI – XIII вв., принадлежавших восточным славянам. Им раскопаны пока единичные каменные могильники Солоницко и Подгощи в Юго-Западном Приильменье [Рерих, 1899а], так называемые "сопки с кругами из камня внутри" [Спицын, 1899а, с. 324], а также курганы, расположенные в различных районах Петербургской и Новгородской губерний [Рерих, 1899а, 1901; Спицын, 1899а].

2.2. Изучение жальников

Об этом типе погребений Н.К. Рерих писал: "Жальники это места плача, места сострадания... Они также называются Дивинец-диво-город. Дивинец... звучит с восхищением. Но "жальник" – место сострадания – ближе к сердцу" [1994г, с. 89]. Жальники представляли собой могилы без насыпи, сверху едва обозначенные камнями.

В отличие от планиграфии курганных могильников, на жальничных полях каменные выкладки многочисленных могил, причудливо переплетаясь, образовывали сложные фигуры. Ученому порой было слож-

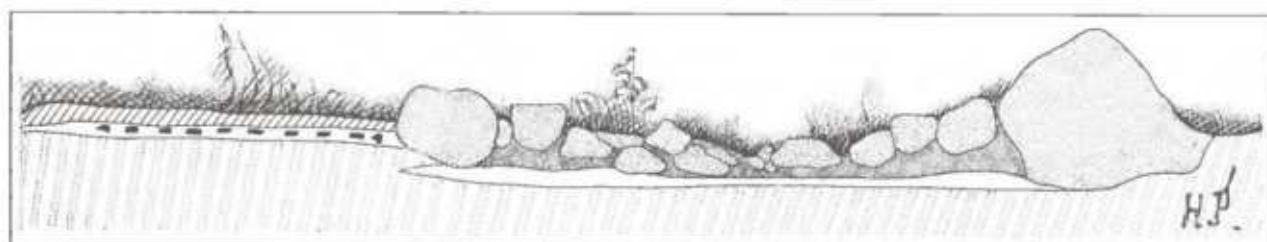

Рис. 18. Стратиграфический разрез жальничного погребения в окрестностях имени Извара.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

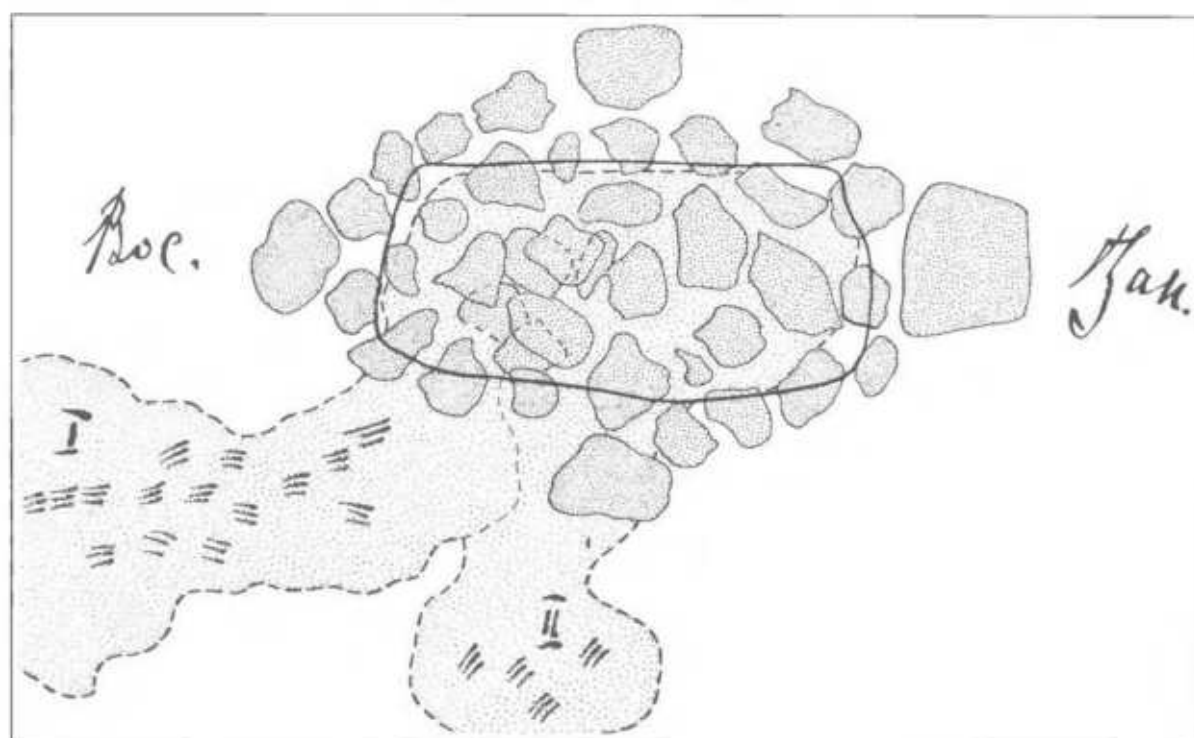

Рис. 19. План раскопа жальничного погребения в окрестностях имени Извара.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

но определить, где заканчивалась одна могила и начиналась другая. Впервые жальники были исследованы Рерихом в 1897 г. в имени Извара Царскосельского уезда Петербургской губернии. Под одиночной каменной фигурой оказался слой мелкого булыжника со следами обжига. Стороны света были отмечены наиболее крупными валунами (рис. 18, 19). Под камнями располагался слой золы. По наличию в нем горелых косточек Рерих определил, что умерший был захоронен по обряду трупосожжения. Как отмечал А.А. Спицын, такой тип захоронения, встреченный впервые в данной местности, для жальничных памятников был совершенно нехарактерен. Доисследование памятника в 1898 г. показало, что в 16 раскопанных могилах камни, образующие ограждение могилы, и некоторые мелкие булыжники подверглись воздействию огня вне погребения, о чем с уверенностью можно было судить по характеру материкового песка, не имевшего следов действия сильного огня. "Предметов, кроме

бесформенных остатков железа, в этих могилах находимо не было, так что при определении раскопки, приходилось руководствоваться лишь обрядом погребения" [Рерих, 1900, с. 7 - 8]. Рерих проследил аналогию между изучаемым ритуалом захоронения и обрядом погребения у древних эстов - финской еми, который состоял в трупосожжении и совершался возле каменной обкладки могил. Ученый предположил, что жальники могли быть оставлены представителями племени воль, "еще не утерявшими оригинальных особенностей своего национального погребального ритуала, весьма вероятно исчезнувшего впоследствии под влиянием соседей Новгородцев" [Там же, с. 8]. Отсутствие в могилах бронзовых и серебряных предметов Рерих объяснял бедностью племени.

Среди жальничных погребений особое внимание Н.К. Рериха привлекали самые древние, относящиеся к XI - XIV вв. Наибольшим типовым разнообразием отличались жальники, расположенные на бывшей тер-

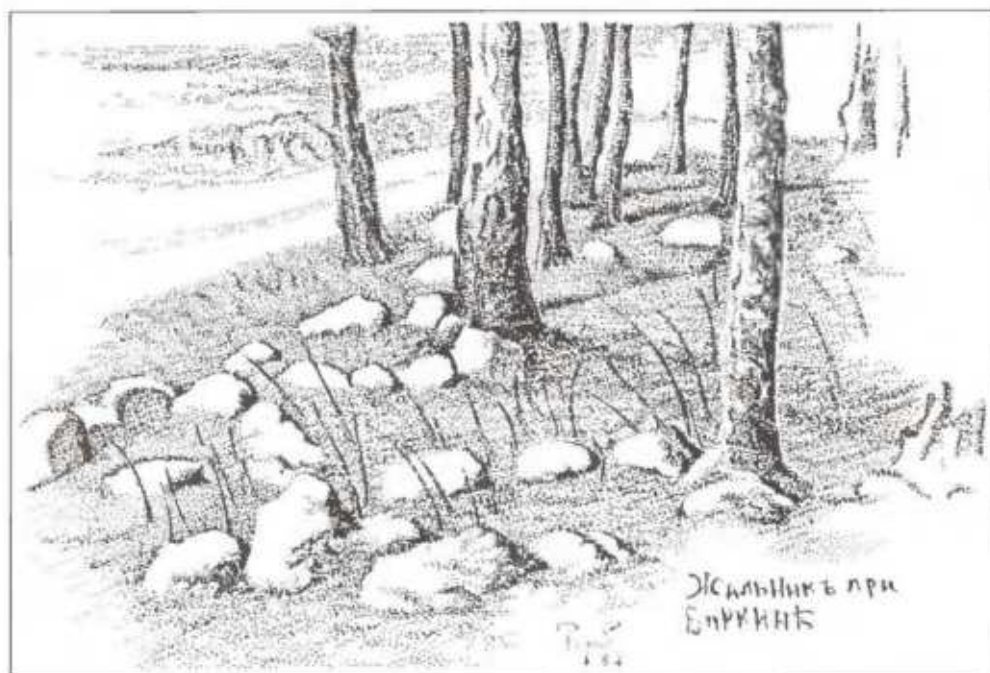

Рис. 20. Внешний вид жальничного погребения в окрестностях с. Боркино Порховского уезда Новгородской губернии. Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

ритории Шелонской пятины и Бежецкого конца. Согласно классификации Рериха, они были разделены на несколько типов:

“1. Жальники, имеющие внешнюю форму большого круга (до 10 аршин диаметром); лежащее погребение в могиле (до $1\frac{1}{2}$ аршин глубины). Направление костяков лицом на Восток.

2. Жальники, окаймлённые каменным продолговатым карре, направлением с Севера на Юг. Костяки в лежащем положении, помещаются в четырёхугольной продолговатой или овальной могиле, лицом на Юг. Руки или скрещены на груди или (чаще) вытянуты вдоль тела. На дне могилы кучки откуда-то перенесённой золы (Булавино Порховского уезда). Впоследствии направление карре перемещается с Юга на Восток. Находки в подобных погребениях очень малочисленны и не позднее XII века.

3. Жальники, окружённые кольцом более мелких камней. На Восток и Запад часто лежат валуны особо больших размеров, характеризующая положение трупа (Дубровна, Батино, Боркино Порховского уезда). Костяк, со скрещенными на груди руками... лицом на Восток, в продолговатой (овальной и чаще четырёхугольной) могиле, глубиной в $1\frac{1}{4}$ - $1\frac{1}{2}$ аршин. На дне могилы нередко находима зола, но не кострищем, а опять как бы перенесённая откуда-то. Находки в этих жальниках многочисленнее (XII - XIII веков)” [1899а, с. 30-31] (рис. 20).

“4. Жальничное погребение, обставленное овалом из больших валунов; на Восток и Запад помещены валуны особой величины. Костяки помещены в оваль-

ной могиле глубиной в $1\frac{1}{4}$ аршин, в сидячем положении, лицом на Восток. В верхних слоях могилы найдены (2) небольшие зольные прослойки, но около костей ни золы, ни дерева не замечено (Солоницко Старорусского уезда). Подчёркиваю отсутствие около костей дерева, потому что в схожих погребениях СПб. губ. подле костяка, погребённого в сидячем положении, нередко были находимы остатки дерева, присутствие которого объяснялось назначением подпорок, для сохранения желательного положения трупа.

5. Смешанные фигуры, состоящие из кругов, карре и овалов, соединённых между собою” [Там же]. Наиболее выразительным памятником данного типа был, по мнению Н.К. Рериха, жальник, расположенный в окрестностях деревень Вышково и Любигово Порховского уезда. “Погребения в могилах, направлением на Восток. Костяки в лежащем положении, со скрещенными на груди руками, лицом на Восток... Около костяков иногда следы гробовиш (обёрнутых берестою). За исключением одного случая с очень бедными находками, в таких могилах ничего не найдено” [Там же]. По наблюдению Рериха, особо маленькие круги были оставлены на детских погребениях.

“6. Погребения, отмеченные лишь четырьмя валунами (ромбическая фигура) или двумя и постепенно переходящие в могильные бугорки без камня - сравнительно позднего происхождения (Междуречье, Шилова гора Старорусского уезда, Передки Боровичского уезда и Горы Валдайского уезда, жальник у Воскресенского могильника Валдайского уезда). Кость в таких погребениях жёлтая, хорошей сохранности. Костяки

Рис. 21. Каменный крест новгородского типа. Санкт-Петербургская губерния.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

находятся в лежачем положении, лицом на Восток, со скрещенными на груди руками. Около костяков часто доски гробовищ. Следов золы не найдено" [Там же].

Самые поздние жальничные погребения Рерих отнесил на основании сведений, почерпнутых из местных легенд, к захоронениям староверов или "забыдущих родителей". Разработанная им типология отразила определенную тенденцию, характерную для состава предметов, которые были обнаружены в жальничных погребениях: если в ранних памятниках (XI - XII вв.) встречается полный набор погребальных вещей, то в захоронениях XIV - XVI вв. (Любитовский жальник Порховского уезда) сопроводительный инвентарь практически отсутствует. На наш взгляд, этот факт свидетельствовал о широком распространении христианства на данной территории.

Несомненно, христианам принадлежали обследованные Рерихом на многих курганных полях каменные кресты так называемого "новгородского типа" с надписями и без, которые устанавливались на могилах (рис. 21, 22) (наиболее полно данный вид захоронений был исследован А.А. Спицыным [1903б]). Такие кладбища встречались возле небольших часовен. Остатки одной из них Рерих обнаружил на поле в окрестности дер. Шилова Гора Старорусского уезда. По обломкам фундамента было установлено, что квадратное в плане сооружение имело вход с западной стороны. Возле церкви располагалось кладбище, на котором совершались погребения по христианскому обряду: умершие были захоронены в довольно глубокой могиле в вытянутом положении, на спине, головой ориентированы на восток, со скрещенными на груди руками. Под костяками сохранились остатки досок гроба.

В 1899 г. в окрестностях сел Подгощи, Луки и дер. Сушево Старорусского уезда Н.К. Рерих первым из археологов открыл неизвестный отечественной науке вид археологических древностей, который он назвал "каменными кругами". Эти памятники представляли собой круги диаметром от 1,5 до 1,8 м, выложенные очень крупными валунами без каких-либо следов обжига. Однако под камнями был обнаружен уголь и пережженные мелкие булыжники. Под одной из таких выкладок залежали "осколки черного горшка, очень грубого обжига" [Рерих, 1899а, с. 25]. Следов захоронений не было обнаружено ни под одним таким кругом. "Эти каменные круги неизвестного назначения интересны. - отмечал Рерих в докладе, представленном членам Императорского Русского археологического общества. - Близость сопок и отсутствие подходящих древностей заставляет искать связи этих памятников с сопочным погребением... круги... скорее просятся на сравнение с какими-нибудь жальничными погребениями" [Там же, с. 26]. В качестве ближайшего аналога каменным кругам ученый рассматривает описанный выше жальник в имении Извара Санкт-Петербургской губернии (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 54/1897).

Признавая перспективность районов Севера России для археологов, занимающихся поиском и изучением жертвенников и памятных мест, Н.К. Рерих очень требовательно и осторожно относился к критериям их определения. Он не соглашался с Л.К. Ивановским, который считал "ясными следами жертвоприношений" жевые кости домашних животных (коров, овец, свиней). "Если бы это были жертвенники, - писал Н.К. Рерих, - то, как важная часть обряда жертвоприношения, они попадались бы в курганах несравненно чаще, чем

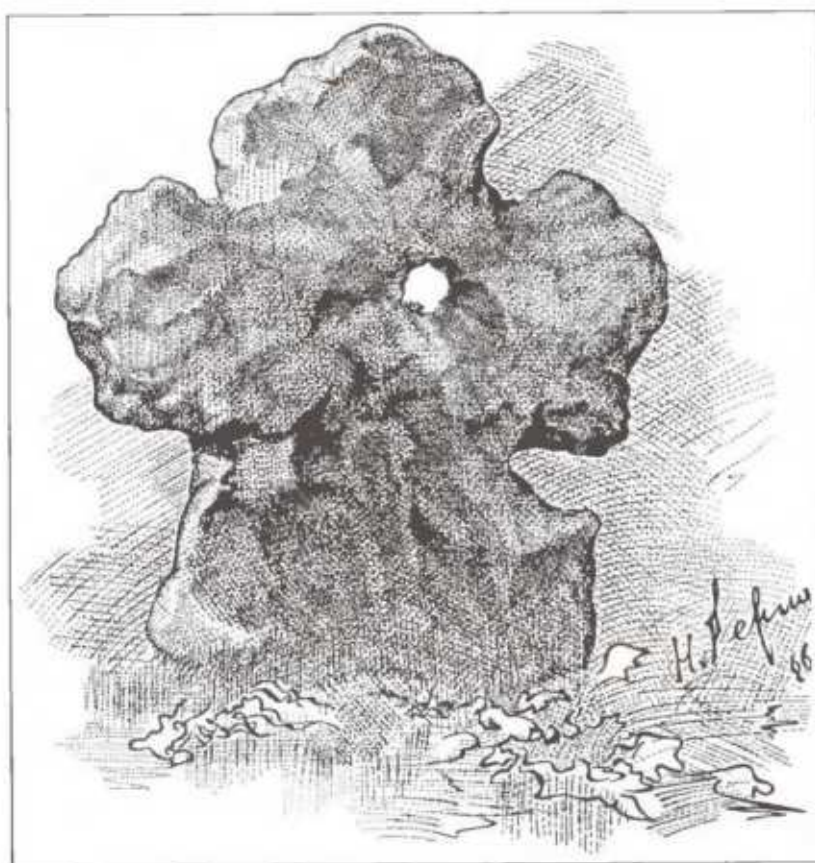

Рис. 22. Каменный крест новгородского типа. Санкт-Петербургская губерния.
Рисунок Н.К. Рериха. Архив ИИМК.

встречаются на самом деле, и к тому же незначительный размер их мог быть пригоден разве для сожжения птицы или зайца" (ОР ГТГ. Ф. 44. Л. 35).

В районе имения Извара "Рериху были известны 5 холмов, покрытых золой и массою камня, где кучами, где одиночно", которые были связаны с каким-то неясным преданием о том, что "тут собирались молиться" [Спицын, 1899а, с. 329]. Подобные "молельные холмы" были обследованы им около деревень Калигино, Сосницы и Кикерино (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 54. Л. 15, 15 об.; Ф. 3. Д. 409. Л. 176 об.) В "Прибавлении к отчету о раскопках 1896 г., произведенных Н.К. Рерихом" описывается место под названием Куделова гора, расположенное в 1 версте к югу от дер. Сосницы Царско-сельского уезда. "Весь холм усеян плитою, лежащею то еле видными, вросшими кучами, местами обугленными, то одиночно. В различных частях горки, как показано на чертеже, были сделаны пробные колодцы, причем среди чрезвычайно твердого грунта и плиты... на глубине от $\frac{1}{4}$ до 1 арш. был обнаружен уголь и обожженные камни в беспорядке... В яме... находящейся на наиболее возвышенном месте холма, встречено особенно много угля и также зола, прерывающимся слоем на глубине 10 вершков" (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 56/1896. Л. 37). Из-за большой мощности вскрытого при

раскопках культурного слоя и большой величины холма исследовать памятник полностью Рериху не удалось. Подобного рода холмы, издавна почитавшиеся в этих местах как священные, свидетельствовали о сосуществовании на протяжении длительного времени язычества и христианства. "Уже и кресты были на шеях, а все посещались давние излюбленные места" [Рерих, 1991б, с. 28].

В имении Извара и в окрестностях дер. Лисино Н.К. Рерих обратил внимание на каменные "фигуры", образованные из расположенных рядом крупных камней, или представляющие собой сооружения из валунов. При раскопках под каменными сооружениями был зафиксирован слой золы, фрагменты костей и остатки металлических предметов. Рерих интерпретировал эти памятники как погребения воды, типологически сходные с погребениями эстов [Спицын, 1899а, с. 328 - 329; Рерих, 1900, с. 60 - 68]. Эта точка зрения широко утвердилась в специальной литературе [Рябинин, 1997, с. 23]. Ее разделяют такие известные ученые как В.В. Седов [1952, с. 202 - 204], П.Н. Третьяков [1970, с. 146 - 147], Е.А. Рябинин [1977, с. 114 - 115], Г.С. Лебедев [Лебедев, 1977, с. 152 - 153]. В 1980-е гг. появилось и другое мнение на этот счет, согласно которому описанные памятники интерпретируются как природные объек-

ты [Кольчатов, 1982, с. 62 - 63; Хвоцинская, 1983, с. 43 - 48]. Однако такая трактовка не нашла поддержки у специалистов [Седов, 1984, с. 40].

Типовое однообразие исследованных погребений в могиле без насыпи, как и в курганных могильниках, по мнению Н.К. Рериха свидетельствовало о том, что на протяжении многих веков обряд погребения оставался неизменным. Разведки, произведенные им на территории Петербургской, Псковской, Новгородской губерний и в других местах, показали, что практически повсеместно жальники становились основой для кладбищ более позднего времени, многие из которых относятся еще к XV в.

В процессе раскопок археологических объектов Н.К. Рерих фиксировал каждый его этап в иллюстрациях. Исследование всей площади памятника, а не только самой могилы, изучение надмогильной конструкции позволяли сохранить максимальный объем информации, заложенный в нем. Единственный раз Рерих упоминает о том, что "раскопка была введена центральным колодезем", вследствие "попорченной поверхности насыпи" [1903, с. 34]. Применявшаяся Н.К. Рерихом методика полевых исследований, нацеленная на изучение памятников во всей их целостности, безусловно, была передовой для науки того времени, ибо по замечанию А.А. Спицына, "старая археологическая русская школа, гонимая в раскопках за одними предметами ради них самих... оставила нам плохое наследство" [1899б, с. 155].

Данные, полученные в результате детального изучения славянских памятников, Н.К. Рерих стремился использовать для реконструкции жизни людей, их оставивших. Археологический материал он называл частью "бывшей, подлинной прелести" [1991б, с. 99]. Стремясь "ощутить" далекую эпоху через постижение чувств и образа мыслей людей, ученый воссоздает яркую картину погребального ритуала, совершаемого жителями небольшой славянской деревушки: "На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей... На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подшерто тесинами... Вслед за телом везут и плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность" [Там же, с. 24 - 25]. На соплеменниках надеты праздничные наряды: "У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным... Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство - гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой - заводной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рыттым узором... На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит. На предплечье изредка блестит

витой медный браслет. У женщины на головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, - таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее... и витые, и пластинные: медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов, янтарные, хрустальные... На груди и в поясе много всяких привесок, вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого..." [Там же]. Место для погребения "убито, углажено, выложено сухими плахами. Посередине его посажен покойник. Сбоку копы и горшок с кашей" [Там же]. Пока горит костер, сородичи сидят вокруг него, нанеся "протяжную, тосливую погребальную песню" [Там же]. Когда же костер обратится в кучу углей, "заработают заступы, понесут землю пригоршнями... покатыят к кострищу немалые валуны гранитные" [Там же]. И вновь завьется дым: "идет тризна, заколот козленок, над огнем медные котлы подвешены" [Там же]. Долго будут помнить умершего, ибо "велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна; не забудут досыпать осевшую насыпь!" [Там же].

В ходе археологических исследований средневековых памятников Н.К. Рерих увидел особую роль, которую сыграла в культурогенезе России, такая, на первый взгляд, суровая, но по-своему прекрасная северная скандинавская культура. "Пусть наш Север кажется беднее других земель. - Писал он. - Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди о нем знают мало истинного. Сказка Севера глубока и пленительна" [1991б, с. 147]. Природу Севера Рериха описывает с любовью и восхищением: "Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны" [Там же]. Скандинавы и славяне, будучи близкими соседями, испытывали взаимное влияние. Их соседство Рерих называет "счастливым" [Там же, с. 98], ибо, как показывают материалы раскопок, оно было мирным и развивалось по пути установления глубоких связей и культурного взаимопроникновения. Одним из самых "красивых среди задач историко-художественных" Н.К. Рерих называет "скандинавский вопрос" [1991б, с. 114]. Посвятив половину жизни изучению археологических памятников северо-запада России, ученый неизбежно должен был обратиться к этой теме. Материалы его исследований показали, что для "русских территорий значение скандинавов особенно значительно. Усада доставила нам человекообразные божества. Фюрды дали судоходство. Варяги - боевой строй" [Там же, с. 115]. В основу дискуссии о "норманнском вопросе" был положен отрывок из летописи Нестора о призвании и последующем изгнании варягов славянскими

племенами. Н.К. Рерих, придерживаясь мнения о том, что неопределенность суждений может возникать даже на основе письменных источников, склонялся к версии скандинавских историков, которые вкладывали "пресловутые сообщения Нестора о приглашении иноземцев самими славянами... в уста колонистов-скандинавов, уже мирно осевших по берегам Волхова и Днепра" [Там же]. Процесс проникновения скандинавских племен на восток Рерих называл колонизацией, которая началась довольно рано, около X в., и завершилась полной оседлостью скандинавских племен в западной части Финляндии: "могильники приморские и островные говорят о нахождении скандинавов особенно в западной Финляндии" [Там же, с. 99]. "Культура северных побережий, богатые находки Гнездова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские, - все говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной ее оседлости... Чувствуется... что внесена культура не случайными прохожими, она укрепилась среди местной жизни, она сроднилась с общим бытом, принята населением не поверхностно" [Там же]. Ученый утверждал, что "скандинавский век" оставил, несомненно, прекрасный след во многих сферах жизни славянских племен, и нет оснований для того, чтобы считать древних северных колонизаторов порабощателями родоначальников Новгорода. Всегда стараясь следовать фактам, Рерих вопреки стремлению многих ученых "выдвинуть только новгородские влияния среди финнов" [Там же, с. 116], указывал на то, что следов позднейших ответных "новгородских движений" в северные земли осталось в Финляндии очень мало: несколько могильников и крестов новгородского типа.

Во время своей поездки в Финляндию Н.К. Рерих детально изучает финскую монументальную архитектуру - церкви и храмы. Появление наиболее ранних католических церквей он относит к XII - XIII вв. Несмотря на общепринятое мнение о том, что западные финские храмы - это лишь повторение храмов шведских, он считает, что в сюжетах фресок, украшающих стены этих церквей, присутствует финский элемент. В одной из таких церквей "высоко на стенах были видны частью симметрические, частью фантастические орнаменты, изображающие огромных птиц. Далее в орнаментах изображались разные звери, лоси, единороги, лисицы, лошади, собаки, волки и фантастические существа - русалки" [Там же, с. 119]. В этих рисунках, по мнению Н.К. Рериха четко отражена "животно-образная" финская фантазмагория, пережитки древних языческих верований. "В них чувствуются границы Палатинской капеллы и Чудских фигур - время, когда христианство наложило руку на священный шаманизм" [Там же, с. 120]. Несмотря на то, что большая часть фресковой живописи храмов к тому времени не была восстановлена, Рерих по ее остаткам сумел увидеть следы северной раннехристианской католической

культуры, которая была неотъемлемой частью и продолжением культуры древних скандинавов. Выступление Н.К. Рериха 24 января 1908 г. с докладом об исследовании финской храмовой архитектуры на заседании Общества архитекторов-художников, во время которого вниманию слушателей были представлены выполненные им гравюры и фотографии стенописи обследованных церквей, вызвало широкий резонанс. По замечанию Н.Е. Макаренко, выполненные Рерихом иллюстрации фресок финских храмов, близкие древнейшим изображениям на скалах и напоминающие Байонский ковер, "составили главное значение сообщения" [Макаренко, 1999, с. 503]. Ввиду важности их художественного и исторического значения собрание "постановило обратиться в финляндское Общество Архитекторов и в финляндскую Археологическую комиссию с... ходатайством... открытия столь интересного памятника для всего ученого и художественного мира" [Там же].

2.3. Изучение городов, городищ и поселений

Н.К. Рерих был убежден, что в древности выбор места для жилья определялся не только соображениями стратегическими, оборонительными, но еще и особенностями восприятия человеком окружающего мира. "Видел я много древних городищ... - вспоминает ученый, - какие это славные места!... Широко жил и широко чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река или широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в синевящих, заманчивых даях" [1991б, с. 62] (рис. 23).

В окрестностях дер. Черная Царскосельского уезда Н.К. Рерих исследовал остатки древнего поселения, названного местными жителями "Городок". Городище протяженностью в 60 и шириной в 35 саженей располагалось на крутом мысу, возвышающемся над долиной р. Изварки. "В юго-восточной части "городка" найдены две кучи камня (бульжника); раскопка показала, что это остатки очагов или печей. Верхний беспорядочный слой камня (до крайности пережеженного) представлял обвалившиеся стенки очага, затем следовал толстый слой плотной золы и угля, под которыми открылся слой камня, представлявший дно очага" [Спицын, 1899а, с. 330]. В 60 саженях к югу от мыса прослеживались остатки рва и вала, служивших укреплениями городища с незащищенной естественными преградами стороны. В ходе закладки на валу двух шурфов после снятия дерна было обнаружено большое количество угля и довольно рыхлый слой земли. Н.К. Рерих сделал вывод о том, что сооруженное когда-то на этом месте высокое деревянное укрепление (тын) стorerло

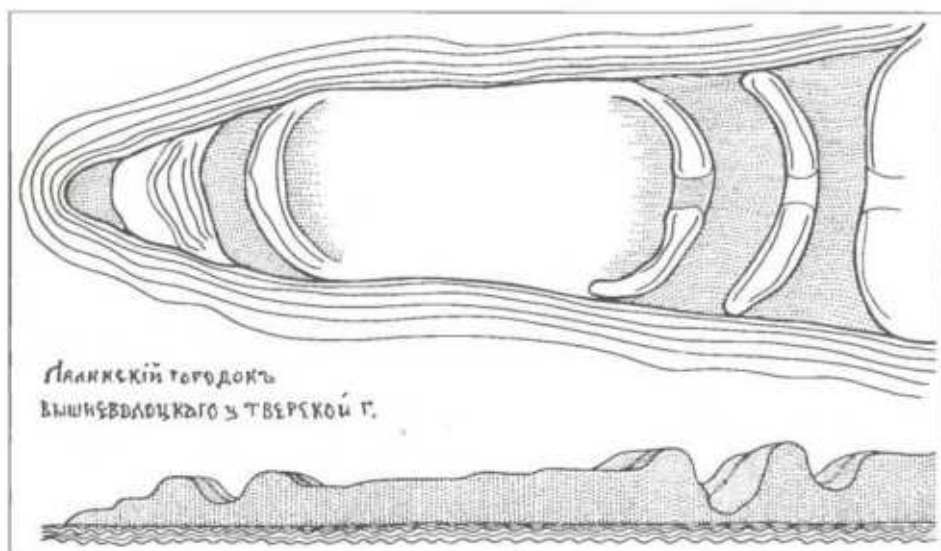

Рис. 23. Лялинское городище в Вышеволоцком уезде Тверской губернии (1904 г.).
Рисунок Н.К. Рериха.

во время пожара. Сохранившиеся немногочисленные археологические находки, а также сведения, почерпнутые из археологических источников, позволили ученому, наделенному богатым художественным воображением, восстановить процесс возведения городища. "Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой, рвом - землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых бревен; концы обтесали, натякали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу! Состроили вышку - смотреть и наблюдать за вражьиими силами или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажженной соломы, окрестность оповестить об опасности" [Рерих, 1991б, с. 28]. Отсутствие на городище других построек (в том числе и жилищ), кроме оборонительных, по мнению Рериха, указывало на то, что город был "местом военным, в мирное время тут не жили" [Там же].

По поручению Императорского Русского Археологического общества в 1903 г. Н.К. Рерих произвел раскопки на разрушающемся памятнике Городец-на-Саре неподалеку от Ростова. "Сарское городище, - писал он, - одно из самых обширных в краю... На мысу, образованном извилистым течением р. Сары, городок был защищен валами, почти отвесно спускающимися... на приречный луг" (ОРГТГ. Ф. 44. Д. 22. Л. 19). Большая часть памятника была уничтожена карьерами, поэтому для исследования были выбраны наиболее хорошо сохранившиеся места около внутреннего вала, у входа, а также в середине городка. На городище было заложено четыре шурфа-траншеи: три у главного вала, и одна в месте расположения монастыря XVII - XVIII вв. Траншея в глубинной до 3 - 4 аршин обнажила часть древнего культурного слоя, в котором были найдены: "Черепки, точила, иглы, костяной гребень, ножи, пряж-

ка, куски скривившейся бронзовой фибулы..." [Петербургский Рериховский сборник..., 1999, с. 105], а также останки примерно 30 человек, похороненных преимущественно головой на восток со сложенными на груди или вытянутыми вдоль тела руками. Очевидно, на месте закладки траншей располагалось монастырское кладбище, нарушившее культурный слой городища. Среди остатков городища сохранились предметы гнездовского типа X, XI вв. Рерих предположил, что именно с этого городища, возможно, и начинался когда-то Ростов Великий [Там же]. И несмотря на то, что "Н.К. Рериху не удалось найти непоколебленный древний слой или какие-нибудь сооружения и ... раскопки... на Сарском городище... не сыграли решающей роли в его исследовании... они имели определенное значение для того, чтобы этот памятник раскрылся во всей своей полноте и стал ключевым в изучении процессов формирования древнерусской народности и государственности в Волго-Окском междуречье" [Там же, с. 109]. Обследование Н.К. Рерихом городищ Ильинского около г. Юрьева, Васильковского около г. Суздаля, Добросельского около г. Владимира стало продолжением программы изучения древних поселений, давших начало городам.

Интересные находки были сделаны Н.К. Рерихом при исследовании городища, расположенного неподалеку от Кафтинского озера. Внимание ученого привлек высокий мыс. Это место было наиболее удобным для обороны и удовлетворяло эстетическим потребностям людей. В 1905 г. Н.К. Рерих после проведения небольших раскопок установил, что насыщенный угольками культурный слой "сполз сверху на скаты, далеко от вершины" [Спицын, 1907, с. 10]. Особенность этого городища заключалась в отсутствии вала, что могло объясняться достаточно надежной естественной

защитой, которую обеспечивала высота мыса. Видимо, городище служило в данном случае не только убежищем во время нападений, но и местом для жилья, о чем свидетельствуют остатки хозяйственной деятельности человека. В культурном слое были найдены обломки керамических сосудов: "крупные, темного цвета, преимущественно сетчатого орнамента", аналогичные находкам "городищ Дьякова типа"; "есть орнамент псевдо-ямочный (с неправильными мелкими ямочками), крупно-зубчатый, тычковый (углом)" [Там же, с. 10-11]. Анализируя полученный Рерихом материал, Спицын предположил, что сосуды, видимо, были низкие, в виде глубоких чашек, расширяющихся в верхней части, со слегка отогнутым краем. Глиняные пряслица, орнаментированные по краю придонной части рубчиком, а по верху – двойным рядом зубцов, свидетельствовали о том, что население городища занималось ткачеством. Наиболее примечательными находками были тонкая медная подвеска в виде пирамидки с четырьмя горошинами по углам (рис. 24, 1) и свисток из птичьей кости со штриховым орнаментом, длиной около 14 см (рис. 24, 2). Изделия из железа представлены тремя ножами с круглым обухом и обломком кельта. У одного из ножей выполненная из рога рукоять украшена орнаментом (рис. 24, 3). Находки зубов диких животных – бобра, куницы, лося, медведя, кабана, а также позвонков рыб указывают на то, что основными занятиями местного населения были, по-видимому, охота и рыбная ловля.

Несмотря на тщательное изучение древних городищ, Н.К. Рериху не удалось с точностью воссоздать конструкцию жилищ раннего средневековья, а следовательно, установить их типы. "Вспомним, – писал он по этому поводу, – что и после обширного дома иногда остается только грудка печного кирпича. Разве основание очага может сказать о прочих размерах жилья?" [1991б, с. 112]. На основании сведений, почерпнутых из письменных и этнографических источников, Рерих предположил, что одним из типов жилищ в средневековье должны были быть дома на сваях. "Идея свай, идея искусственного изолирования жилья над землей в пределах России существует издавна. Много веков прожили сибирские и уральские "сайвы" – домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Здесь мы у большой древности... Погребение по Нестору "на столбах при путях" – избы смерти славянской старины, сказочные избышки на курьих ножках – все это вращается около идеи свайной постройки" [Там же].

Н.К. Рерих был не только организатором собственных археологических экспедиций. Он использовал любую возможность поучаствовать в полевых исследованиях под руководством своих коллег. В 1910 г. он вошел в состав участников экспедиции, которую возглавил товарищ председателя Смоленской архивной

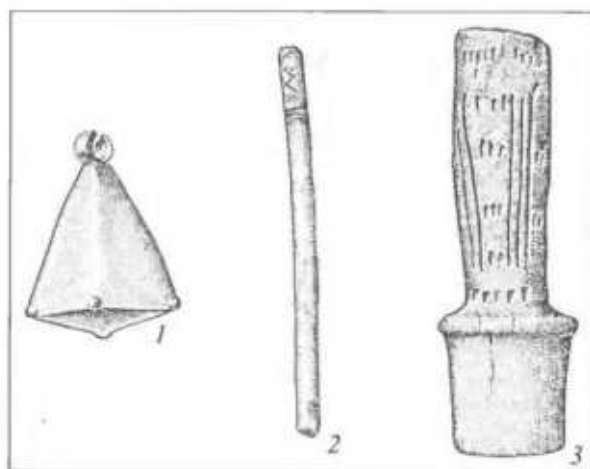

Рис. 24. Находки из Кафтинского городища.
1 – подвеска; 2 – свисток из птичьей кости;
3 – обломок ножа.

комиссии И.Ф. Барщевский. Целью экспедиции было исследование Ковшарового городища, расположенного между р. Сожью и ручьем Солянкой в 30 верстах от Смоленска, недалеко от Талашкино. Находки были столь многочисленны, что, как вспоминал Н.К. Рерих, за какие-нибудь 10 часов вещей на городище было найдено больше, чем в Новгороде за две недели. "Интересен крест-корсунич, костяной, узорная рукоять ножа, амулеты, стремена, масса разнообразных бус, копыя, топоры, пряжки и пр. Вроде Гнездовских вещей по типу", – писал он Е.И. Рерих. Обнаруженные предметы свидетельствовали о длительном существовании городища, о разнообразных занятиях жителей и богатой историей.

Зная о том, с какой тщательностью Н.К. Рерих производил раскопки, как подробно вел дневники исследований, члены Императорского Русского археологического общества поручили ему провести исследование древнейших русских городов. Н.К. Рерих предложил собрать средства на экспедицию через все-российскую подписку. Одним из первых городов, в котором было решено начать исследования, стал Новгород. "Люблю новгородский край. – Писал Н.К. Рерих. – Люблю все в нем скрытое. Все, что поконится тут же, среди нас... Не надо ездить на далекие окраины: не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло. Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски" [1991б, с. 143].

Много сил потратил ученый на то, чтобы объяснить "отцам города", что в их руках "не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище – бывшее Новгорода со всеми его останками" [Там же, с. 141]. Благодаря его энергичной деятельности, "вместо холодных убивающих голосов по-

слышались голоса живые, любящие дело" [Там же, с. 147], и в 1910 г. на собранные небольшие средства были произведены архитектурные обмеры башен и стен южной части Новгородского Кремля и раскопки Детинца. "Место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор, и с Владычной стороны св. София видела слишком многое" [Рерих, 1991б, с. 144]. Новгородский Кремль был расположен "на правом берегу р. Волхова, на горе. План его - слегка изогнутый эллипс" [Рерих, 1911, с. 1]. Н.К. Рерих восстанавливал план Новгорода по летописным источникам (до XVI в.) и по изображениям города на церковных фресках (после XVI в.). "По летописям, - писал он, - первые упоминания о новгородском Детинце относятся к 1044 году, когда Детинец был окружен рвом и валом с деревянными стенами. Только в 1302 г. появляются сведения о каменных башнях и стенах. Известна перестройка 1490 года. Теперь новгородский кремль носит следы переделок, произведенных Петром Великим. Это был крупный ремонт, изменивший вид стен и башен; произведен он был в силу военных соображений, для укрепления Новгорода против шведских войск" [Там же].

Археологическое изучение древнего Новгорода экспедиция Н.К. Рериха начала с разведок на Рюриковом городище. Здесь долгое время жили новгородские князья со своими семьями, а также располагали свои ставки князья московские. Исследование "городищенского" холма Н.Е. Макаренко и Н.К. Рерих начали с закладки пяти траншей, две из которых располагались за абсидой церкви Благовещения, а остальные - у обрыва северного берега Сиверсова канала. У обрыва был обнаружен мощный культурный слой, который уходил под стоявшие там избы местных жителей.

В 300 м от Благовещенской церкви археологи нашли остатки упоминаемой в летописи Никольской церкви, сгоревшей в 1201 г. "Вещи сплавлились. Осталась белая смазка пола и... гончарные плиточки довольно тонкого обжига" [Рерих, 1991б, с. 148 - 149]. Основание церкви имело размер 7,8x8,6 м, абсида выступала на 4,3 м. Церковь, вероятно, не имела фундамента: сохранившиеся известковый пол и стены лежали на земле. В северо-западной части церкви под полом был найден глиняный сосуд XI - XII вв. и медная цепочка. В алтарной части зафиксировано наибольшее сосредоточение золых прослоек и угля, а также обнаружены переплавленные в результате пожара металлические предметы - вероятно, остатки церковной утвари.

Исследования показали, что из пяти церквей, упоминаемых в летописях, на Городище осталась одна - Благовещенская, построенная Мстиславом Великим в 1099 г. Другие церкви и храмы, по предположению Рериха, были "смыты бешеной во время ледохода рекой" [Там же, с. 149]. Найденный в ризнице церкви старый план города, относящийся к 1780 г. подтвердил эту

гипотезу. На нем, где площадь Городища была, больше на 12 саженей. "Теперь понятно, - писал Н.К. Рерих, - почему главную массу старинных предметов находят не на берегу, а весной внизу, подле самой воды. Из-под берегов к нам несут местные находки: браслеты, обломки вислых печатей, бусы, черепки и металлические поделки" [Там же].

Изучение древних напластований в Детинце Рерих производил путем закладки двух траншей: в окрестности Кукуя и Княжей Башни. Первые находки из траншей возле Кукуя представляли собой остатки различных строительных материалов: куски кирпича, цветные изразцы, гвозди и скобы. Самые ранние фрагменты обнаруженной там же керамики относились к XVI в. На глубине 1,5 м были обнаружены "основы каких-то многочисленных, густо стоявших построек" [Там же, с. 150], вероятно, жилых домов. "Срубы прямо нагромодились один на другой. Продолжения строений заманчиво далеко идут за стенки траншей" [Там же, с. 150 - 151]. Среди остатков деревянных строений археологи нашли предметы, по которым можно было составить представление об особенностях быта населения Городища: гребни, ложки, кадушки, кресала, ножи, горшочки. По остаткам нижележащего слоя хорошо прослеживались следы пожарниц, бушевавших в городе в давние времена: обгорелые части домов попадались в раскопе на разной глубине. Сохранилась часть сооруженного из тесаных плах деревянного покрытия улиц города. В результате раскопок траншея приобрела "... фантастический вид. Оба бока наполнены уходящими в стенки земли бревнами. Тесаными и круглыми. Где высунулся помост. Где какой-то глубокий срубик в аршина полтора размером. Где нанюхав торчит угол, срубленный в лапу" [Там же, с. 151]. Каждая деталь, зафиксированная ученым, нашла свое место в восстановленной с помощью письменных источников картине жизни Великого Новгорода. По фрагментам керамики из слоя, предшествовавшего материке, Н.К. Рерих предположил, что это напластование относится к XIII в. или к еще более раннему времени, поскольку "А.А. Спицын не раз отодвигал датировку гончарных форм и орнаментов" [Там же, с. 152]. Аналогичной найденной керамике автор раскопок встречал на памятниках "на Днепре под Смоленском, в славном варяжском гнезде в Гнездове". "На шестом аршине, наконец, пошли вещи XII - XI вв., и появился материк" [Там же].

Еще одна траншея была заложена вдоль стены, идущей от Княжей Башни. На глубине в пол-аршина была обнаружена каменная кладка трех стен квадратного помещения, "имевшего кирпичный пол, сложенный в клетку" [Там же]. Помимо ставших уже привычными бытовых предметов - петель, замков, ножей, гвоздей, цветных изразцов - в траншее появляются осколки ядер и части панциря. Это свидетельствовало о том, что одной из важнейших функций города была оборонитель-

ная. Н.К. Рерих со свойственной ему скрупулезностью выполняет тщательную зарисовку, обмеры и фотофиксацию объекта и всех этапов раскопок.

Благодаря раскопкам “открылась потрясающая картина наслоения жизни от каменных палат с изразцами и карнизами до первого поселения IX века, полного варяжских вещей” [Рерих..., 1993, с. 36]. В результате исследования, во-первых, подтвердилось предположение Рериха, сделанное до начала раскопок Кремля, о том, что все древние напластования города лежат нетронутыми, непеременными. Данное обстоятельство позволило впервые в археологической науке того времени датировать с достаточной точностью практически каждый вновь открытый слой находок. Во-вторых, в ходе раскопок и разведок в окрестностях Н.К. Рерих восстановил этапы заселения города. “Чувствуется, - писал он, - что после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах, при впадении Волхова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким бутрам, через Городище, Передницу, Лядку - до Новгорода” [1991б, с. 143]. В-третьих, обследование стен Новгородского Кремля показало, что город перестраивали. Благодаря архитектурным обмерам были получены бесценные сведения, необходимые для будущих реконструкций. В-четвертых, раскопки подтвердили сведения о некоторых древних сооружениях, упоминаемых в летописях.

Результаты работы Н.К. Рериха в Новгороде вызвали широкий отклик научной общественности. После доклада Н.Е. Макаренко, участника экспедиций Рериха, возникла оживленная дискуссия о культурной и хронологической принадлежности найденных вещей. А.А. Спицын высказался за то, что наиболее древний материал, датируемый авторами раскопок X в. и встречающийся преимущественно у Городища, можно отнести “к эпохе до прихода в Новгород русских” [Петербургский Рериховский сборник, 1999, с. 329]. Таким образом, Спицын подтвердил выводы Рериха о том, что процесс заселения Новгорода шел с территории Городища и Ярославского Дворища — наиболее низких и доступных со стороны реки мест, а высокий холм Софийской стороны в X в. еще не был заселен. Н.И. Репников

не согласился с Н.К. Рерихом, который считал, что найденные деревянные помосты служили мостовыми. По его мнению, это были остатки пола. К.К. Романов поддержал точку зрения Н.К. Рериха о том, что раскопанная Никольская церковь, судя по ее конструкции, не могла быть построена ранее XVI - XVII вв. Таким образом, представители научной общественности по многим вопросам разделили мнение Рериха.

В ходе подготовки экспедиции и во время раскопок в Новгороде Н.К. Рерих столкнулся с немалыми трудностями. Новгородское общество любителей древностей, по существу, не выполнило своих обязательств, связанных с организацией археологических исследований в городе. Не были предоставлены обещанные денежные средства и рабочая сила, была даже проигнорирована просьба Н.К. Рериха о предоставлении ему квартиры [Трояновский, 1996, с. 6]. Взаимная неудовлетворенность сторон стала причиной преждевременного свертывания экспедиционных работ и отмены их проведения в 1911 г.

Вероятно, этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что полевой отчет о раскопках в Новгороде Н.К. Рерих не представил, за что сегодня его упрекают некоторые исследователи [Там же, с. 7]. Однако, как бы то ни было, но первый шаг в археологическом изучении Новгорода (не считая деятельности краеведов-любителей XIX в. [Жерва, 1993, с. 45-47]) был сделан именно Н.К. Рерихом. В письме к Великой княгине Марии Павловне он писал: “начато дело, которое в будущем даст замечательное свидетельство жизни Древней Руси” [Рерих, 1999д, с. 323]. Он оказался прав.

Благодаря необыкновенному “чувству истории” Рерих, как своими открытиями, так и догадками, предвосхитил ряд достижений советских археологов, работавших в Новгороде... [Там же, с. 296].

А благодаря исследованиям, проведенным уже нашими современниками — чл.-кор. АН СССР Артемием Владимировичем Арциховским и его учеником академиком Валентином Лаврентьевичем Яниным, Новгород стал одним из величайших археологических открытий XX в.

§ 3. Н.К. Рерих о методике изучения источников и принципах интерпретации материала

Н.К. Рерих предостерегал археологов, занимающихся реконструкцией событий и интерпретацией археологического материала, об опасности чрезмерного доверия к общепринятым в науке методам датирования, ибо всякая датировка, по его мнению, весьма относи-

тельна, “все названия древнейших периодов приняты лишь вполне условно”, а “из груды относительных суждений почти невозможно выделить те, которым не угрожала бы переоценка” [1991б, с. 104]. Ученому приходилось часто сталкиваться со случаями, когда одна

лишь находка была “способна перевернуть... кабинетные, иногда, по-видимому, и хорошо сложившиеся убеждения” [Рерих, 1999, с. 561]. Особого подхода требует изучение эпохи каменного века, ибо, по замечанию Рериха, “после окончания скандинавского века всякая достоверность исчезает... приближительность доходит до нескольких столетий” [1991б, с. 100]. Будучи хорошо знакомым с результатами изысканий своих коллег на территории России и методами их работы, Н.К. Рерих писал о том, что “до сих пор мы чрезвычайно мало знаем древнюю Русь... мы совсем не знакомы с доисторическим периодом нашего бесконечно длинного и богатого по материалу каменного века; ощупью бродим среди значительных скандинавских влияний; боязливо путаемся среди восточных и византийских преемственностей” [Рерих, 1991, с. 561]. И даже “полный величавости и культуры великокняжеский период”, эпоха татарского ига и первых московских царей, по мнению Рериха, покрыты еще для археологов и историков завесой таинственности [Там же]. “Научные постройки в пределах древнего камня, - писал он в статье “Радость искусству”, - опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные. За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства” [1991б, с. 104].

При интерпретации памятника особую роль среди вещественных источников Н.К. Рерих отводил керамике, поскольку она является не только неотъемлемым элементом погребальной обрядности и частью поселенческих комплексов, но еще и произведением искусства. Возникновение керамического производства Рерих относит к эпохе неолита [Там же, с. 107]. Исследуя керамику различных эпох, он замечает, что техника орнаментации сосудов и ее характер претерпевали изменения. Сначала керамика была богато украшена различными узорами, но в эпоху, переходящую к металлу, “гончарство... теряет свое разнообразие, а орнаменты иногда нисходят до фабричного штампования тканями и плетениями” [Там же, с. 109]. Этот период ученый называет временем “штампования человеческой души”. Однако вскоре человек освоил минеральные краски. По мнению Н.К. Рериха, к этому его побудило стремление к самовыражению. “Человеку, - писал ученый, - мало разнообразия узоров. Он находит растительные краски, чтобы дать еще больше особенности своему изделию... Сосуды красятся сплошь узорами. Всякий стремится украсить свои сосуды чем-то особенным, сделать их более ценными, более красивыми, более нужными” [Там же].

Керамический комплекс Рериха оценивал как индикатор культурной принадлежности и возраста памятника: “Особо заметим осколки гончарства. В них - все будущее распознавание племен и типов работы” [Там же, с. 108].

Не менее важным археологическим источником ученый считал монеты: “Справедливо говорится, что нумизматика есть помощник истории... Кроме датировок монеты всегда являлись замечательным показателем стиля эпохи” [Рерих, 1974б, с. 96]. Он описывает эпизод, произошедший при раскопках одного из курганных могильников, когда “вещественные доказательства... неожиданно” рассеяли “предубежденные идеи”: “В Деревской пятине был вскрыт курган, который обычно считался одиннадцатого-двенадцатого века. В руке костяка была найдена серебряная монета, которая оказалась копеекою вольного Новгорода пятнадцатого века” [Там же]. Эта находка потребовала от археологов изменить подход при установлении возраста памятника и руководствоваться не только его морфологическими признаками. Кроме того, она свидетельствовала о сохранившейся в “христианском” XV столетии древней традиции “вкладывать в руку Харону” шлату за перевоз в царство мертвых. Данные нумизматики подтверждали существование торговых и культурных связей между различными народами, жившими порой за многие тысячи километров друг от друга. “Голова льва на монетах Новгорода, так схожая со львом св. Марка, не была ли мечтою о далекой царице морей Венеции?” [Рерих, 1991б, с. 93]. Особый интерес исследователя вызывали отраженные в нумизматических древностях “иноземные влияния, приходившие через приглашенных к великим князьям итальянских или немецких чеканщиков” [Рерих, 1974б, с. 97]. Художественный и научный интерес к древним монетам побудил Н.К. Рериха к коллекционированию нумизматических древностей [Аукцион..., 1908]. Основу коллекции составили находки из курганов, материалы, добытые в результате разведок и поездок по русским деревням (часто во время вспахивания земли крестьяне обнаруживали древние клады), а также монеты, купленные у антикваров. “...В его распоряжении были отличные экземпляры: киевская гривна из Рогачевского клада (с удостоверением), новгородки, из них одна с даром и две - сидящий князь, новгородское пуло (со львом)... рубль Дмитрия Ивановича (Самозванца), рубль Алексея Михайловича, псковские, рязанские, кашинские, тверские, галицкие, московские великокняжеские и другие монеты допетровского времени, не говоря уже о монетах Петра I и последующих правителей, вплоть до Александра III, отдельный раздел сибирских монет 1767 - 81 гг. и т.д.” [Шамин, 1999, с. 723]. Свое отношение к нумизматике ученый выразил в одной из статей: “Мы прежде всего любили стилизацию и декоративность знаков. Кроме того, мы особенно любили древнейший период. Киевские гривны и удельные монеты доставляли нам гораздо больше радости, чем какие-то редкости позднейших неожиданностей монетного двора. Еще в петровских копейках оставалась стильность. Были курьезны чудовищные по раз-

мерам екатерининские гривны, а после этой эпохи стиль окончательно стерся... Если в главнейших образцах разложить в хронологическом порядке нумизматическое собрание, то наглядно получится картина эволюции и инволюции страны" [Рерих, 1974б, с. 96 - 97]. Придавая большое значение изучению монетного дела для археологической науки, Рерих призывает коллег-археологов уделять нумизматике больше внимания, ибо "символика монетных изображений даст еще большие неожиданности. Нумизматика тоже ждет своего художника" [Рерих, 1991б, с. 93].

Стремясь познать культуру, образ мысли и жизни древних насельников, определить пункты их контактов, точки соприкосновения и взаимовлияния, Н.К. Рерих в своей научной деятельности обращается к образцам урало-алтайского звериного стиля - великолепным стилизованным зоо- и антропоморфным изображениям, отлитым средневековыми мастерами Урала. По мнению Рериха, в этих изделиях были воплощены образы божеств-покровителей, поклонение которым, согласно языческим представлениям местного населения, ограждало от злых сил и способствовало успеху в делах. Изучая образцы пермского и скифо-сибирского звериного стиля кочевников раннего железного века, Н.К. Рерих при всех их различиях увидел общие, свидетельствующие, по его мнению, о единой культурно-исторической общности племен, о бытовании огромной территории от гор Урала до степей Азии на протяжении многих веков определенных традиций и верований.

Многогранность личности Н.К. Рериха удивительна. С его научной деятельностью была тесно связана преподавательская работа в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте (далее - ИПАИ). Лекции по археологии Н.К. Рерих часто проводил в форме экскурсий на расположенных вблизи Санкт-Петербурга памятниках (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 109/1899). Так, 14 мая 1903 г. группа студентов под руководством Н.И. Веселовского и Н.К. Рериха исследовали курганный могильник у мызы Войсковицы. В результате раскопок 10 курганов было выявлено три наиболее характерных типа местного погребального ритуала: трупосожжение, погребение умершего в сидячем положении и, наиболее позднее, жальничное погребение по обряду трупоположения. Несмотря на обычную для этих мест плохую сохранность вещей, было найдено несколько колец, бронзовых браслетов, ножей, бус, а также бронзовый христианский крест, который, по мнению преподавателей института, могли использовать как амулет и язычники. Обнаруженные предметы указывали на то, что могильник принадлежал славянскому племени и относится к XI - XV вв.

В 1910-х гг. Н.К. Рерих выступал с лекциями на темы о старинных русских городах перед слушателями Императорского Московского Археологического инсти-

тута (далее - ИМАИ). Летом 1914 г. он участвовал в "археологической экскурсии", организованной директором института А.И. Успенским. В результате раскопок, проведенных по инициативе Нижегородской архивной комиссии на месте старого русла Оки, студенты ИМАИ при непосредственном участии Н.К. Рериха обнаружили могильник "переходной эпохи на границе бронзового и каменного веков" [Рерих, 1999д, с. 621], содержащий множество предметов из камня, глиняную посуду и 16 бронзовых изящно орнаментированных предметов гальштатской культуры.

Чрезвычайно важное, не потерявшее значение и в настоящее время, имеют методические приемы фиксации и способы иллюстративного представления археологического материала, разработанные Н.К. Рерихом в курсе "Художественная техника в применении к археологии", который был прочитан им в ИПАИ. После поездки в Париж Рерих дополнил этот курс новыми разделами: "1. Ознакомление по заграничн[м] художественн[м] и иллюстративным археологическим изданиям с различными способами воспроизведения, сравнение и указание наиболее целесообразных. 2. Практическое рисование, черчение, снятие копий, калькирование: карандашами, пером с расцвечиванием основания письма красками: акварельными, темпер[ой], масляными. 3. Ознакомление с техникой различных воспроизведений; практическое ознакомление с химическими бумагами, карандашами. Цинкография, автотипия, рисунки пером. Если представляется необходимость, то основы гравюры, офорта, фото и гелиографуры" [Мельников, 2000, с. 325].

Анализ научной деятельности Н.К. Рериха в области археологии России свидетельствует о том, что он внес огромный вклад в теорию и практику археологической науки. Он усовершенствовал методику поиска археологических памятников, предложив предварять археологические раскопки не только разведочными работами, но и изучением письменных и архивных источников.

Большой заслугой ученого стало исследование им памятников каменного века России, практически не изученных в то время. Методика раскопок памятников каменного века была передовой для того времени: она предполагала изучение культурного слоя с учетом стратиграфии разреза. Кроме того, в процессе раскопок Н.К. Рерих впервые применил метод просеивания культурного слоя, что позволяло сохранить информацию в максимально полном объеме. При интерпретации археологического материала он одним из первых обращается к привлечению данных естественных наук.

Несмотря на то что исследования курганных могильников и жальничных погребений на территории северо-запада России начали проводиться задолго до работ Н.К. Рериха, а их результаты получили достаточно широкое освещение в научной литературе, матери-

алы, открытые Рерихом, позволили сделать ряд выводов, уточняющих и дополняющих сведения о культуре и истории славянских племен данной территории:

- о длительном сохранении традиций в погребальной обрядности славянских племен, что дало возможность по-новому взглянуть на проблему традиций и инноваций в недрах археологической культуры в целом;

- о существовании зависимости между формой надмогильных сооружений и погребальным обрядом, позволявшей впоследствии ученым вести поиск памятников, руководствуясь типом надмогильных конструкций.

Занимаясь вопросом о финно-угорских элементах в погребальных комплексах славян, Н.К. Рерих, пожалуй, наиболее близко, по сравнению с археологами того времени, подошел к решению "норманнского вопроса". Археологические данные, полученные им при раскопках финских и скандинавских погребений, подтвердили факт проживания на северо-западе России оседлых племен колонистов, от которых, по мнению ученого, и исходило приглашение Рюрику, и засвидетельствовали мирный характер их взаимоотношений с местным славянским населением.

Бесценным, на наш взгляд, вкладом в археологическую науку является открытие Рерихом новых для изучаемой территории типов археологических памятников - так называемых "каменных кругов" и ритуальных кострищ. Обладая художественным воображением, Рерих реконструировал обряд погребения и поминовения, а также процесс сооружения надмогильных конструкций.

Первые среди российских археологов Н.К. Рерих исследовал древний город: восстановил этапы заселения древнего Новгорода, определил точный возраст открытых слоев, заложив тем самым основы нового способа датировки археологических памятников, установил связь между письменными и вещественными источниками, подтвердив раскопками существование упоминаемых в летописях памятников.

Где бы ни пролегал маршрут экспедиций Н.К. Рериха - в деревнях, селах или городах, - он всюду живо интересовался местными обычаями, легендами и предметами домашнего обихода. Стремление постигнуть душу живших доселе людей побудило его заняться собиранием старинных вещей: "В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общине указания погнажи меня за 20 верст в село Торки и Шошково. В Шошкове оказалось еще много старинны. Во многих семьях еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки" [Рерих, 1991б, с. 58]. Местные жители охотно демонстрировали ученому старинные вещи. "Как только ребяташки повестили о приезде "каких-то за старинною", так со всех концов потянулись бабы с узелками, предлагая купить фаты, повязки и ленты. Но

редко можно было найти убор, бывающий в употреблении" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 85. Л. 24). Как истинный ценитель и ревнитель старины, Н.К. Рерих писал с сожалением о том, что все чаще владельцы этих бесценных костюмов стремятся продать их, потому что "эта старинная мода уже прошла". Однако Рерих был убежден в том, что "не насмерть еще переехала старину железная дорога, не так еще далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли еще могут жить старина, песни костюмы и пляски?" [1991б, с. 64]. С необычайной радостью воспринял ученый информацию о том, что в некоторых местностях Псковской губернии проживают носители своеобразной культуры - полуверцы - потомки колонизаторов этой земли, которые "сохранили свои костюмы, свои обычаи и даже свой говор - очень близкий лифляндскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и бракетатов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула... Издали толпа - вся белая: мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком черной тесьмы" [Там же, с. 58, 64].

Изучая народные традиции, Рерих замечает, что для проведения праздников, берущих начало в языческих верованиях, во многих старинных селах и деревнях отведено особое место. По наблюдениям ученого, такое место, как правило, наиболее красивое и высокое; как правило, на этом месте "некогда стоял огромный дуб, под который собирались из местных поселений" [Там же]. Рерих проводит раскопки одного из таких мест, указанных местными жителями, и с радостью отмечает, что древние предания нашли подтверждение в археологическом материале. "Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором расстоянии от них найдены груды золы, толщиной до 1/2 арш. - места старинных костров. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хоромы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!" [Там же]. В сохранившихся остатках многих древних культов Рерих видел проявление единства человеческой культуры. Так, обращаясь к культу медведя, он писал: "Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня и окружают его особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни..." [Там же, с. 105]. По мнению Рериха, колыбелью великого множества традиций и культов, многие из которых сохранились в современной культуре, является каменный век. Космогонические представления племени ерзя (согласно которым богиня "Анге-патою ударила в гнев кремнем. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ... Стал кремь богем приплода") удивительно схожи с преданием, сохранившимся у жителей Мексики ("звездная богиня родила стран-

ное существо – кремневый нож... другие их дети, пораженные этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремневый нож упал, разбился на мелкие кусочки, и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь”) [Там же, с. 102]. В этом сходстве легенд народов, живущих на различных континентах, ученый видит подтверждение своим предположениям о единых корнях древних культур. “В каждом племени и сегодня живет таинственная основа “каменного века”. Обычай и верования вместе с трудночеткими рунами орнамента толкуют все о том же “доисторическом времени” [Там же].

Во время поездок по России ученый знакомился с местными легендами и преданиями, собирал диалекты. Народ охотно открывал благодарному слушателю кладовые мудрости. “Если же вы пришли по нраву, – писал ученый об одной из таких поездок, – оказались “баринном добрым”, “душой-человеком”, то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседника. Вечером, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественнонаучных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: “так зря болтают” или “бабы брешут”, а потом, видя ваше серьезное отношение, потечет свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях-разбойниках” [Рерих, 1991б, с. 19-20]. В одном селе Рериху рассказали любопытную легенду об истории расположенной неподалеку сопки: “Извольте ли вы знать городок подле Селищенской деревни. Рядом с ним сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князек. Была дочка у него красавица. Красавица такая – теперь таких и не найдешь..! Только, не знаю с чего, возьми и заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Ее похоронили знатно. Ведь и тогда небось франгихи были, что и теперь. А князек-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра...” [Там же, с. 20-21]. Во многих сказаниях, услышанных Н.К. Рерихом, нашло отражение извечное стремление народа к вольности. Одно из них – о золотой карете – он слышал не раз. “Вот в Березовском пруде золотая карета да 5 стволов золота опущено, старики в ясные дни еще видали чуть-чуть! А поди-ка, выгати. Всем знатко, а не взять, потому заклятье, зарок” [Там же, с. 23]. Анализируя данный рассказ, ученый отмечает, что “очевидно, как предания о вольнице повлияли на Поволжье в смысле зарытых лодок с золотом, так присутствие высоких особ дало повод к розыскам золотой кареты” [Там же].

Обращаясь к такому своеобразному жанру эпического повествования, как былины, в которых центральное место занимают образы богатырей, Н.К. Рерих замечает, что народная “фантазия не расходится только на блеск подвигов”, она передает и “...детали, верные археологически”.

“Шелом на шапочке, как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по дороному яхонту.
На плечах шуба черных соболей.
Черных соболей заморских.
Под зеленым рытым бархатом...
Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой;
Подворотни – дорог рыбий зуб.
Над воротами икон до семидесяти;
Сред двора терема стоят.
Терема все златоверховатые...
Платье на всех (всадниках. – Авт.) скурлат-сукна...
Шапки на всех черны мурманки.
Черны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шином, пяты остры...” [Там же, с. 96].

В описании терема ученый видит отражение строгих традиций дакийцев, одежда всадников и самого богатыря напоминает ему наряды персонажей византийской стенописи. Он отмечает, насколько четко прослеживается в славянских былинах, сказаниях, песнях, элементы скандинавской и византийской культур, оказавших огромное влияние на процесс становления русской культуры. Изучение образцов эпического народного творчества представляется Н.К. Рериху делом важным и интересным, поскольку они являются “отрывками великой культуры в своеобразном изложении” [Там же]. Под влиянием героического эпоса Рерих во время работы над картиной “Сходятся старцы” сочинил былинку, отвечающую всем канонам данного жанра, в которой раскрывалось содержание картины:

“За дальним Перуновым озером
В заповедном от делов урочище
Стоит над яром высокий дуб.
Любил Сварожич то дерево,
А славяне ильменские чтут его.
Место вокруг дуба утоптанно.
Горит под дубом святой огонь,
К дубу сходятся родичи:
“Стоять ли земле без хозяина?”
Старцы земли Новагорода
Сойдутся под дубом раскидистым.
Ворон на дубе не каркает,
На небе заря разгорается –
Скоро Ярило покажется –
Засияет, блеснет красно-солнышко –
И проснется земля Святорусская”
(ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 55).

Таким образом, этнографические материалы, собранные Н.К. Рерихом во время путешествий и архео-

логических экспедиций, позволили не только дополнить картину древнего быта и материальной культуры славянского населения, реконструированную ученым с помощью археологических данных, но и углубить знания об их духовной жизни. Одним из первых уловив органичную связь археологии и этнографии, Н.К. Рерих положил в основу изучения культур метод синтеза этих наук.

Оценивая свою научную деятельность, Н.К. Рерих писал в "Листах дневника": "С древнейших времен очи-

стились горизонты. Мы узнали, что владеем превосходным каменным веком. Мы открыли сокровища переселения народов. Мы связали эти веда с таинственными обитателями городищ. Мы подошли к славянским и варяжским древнейшим насельникам. Мы не забыли и чудовищную финскую фантазмагорию... От величия Киева, Новгорода - до пышности Москвы... до замыслов Петра и Екатерины к нам нахлынули сокровища, которые переварить и усвоить еще невозможно" [Рерих, 1993, с. 40].

Глава II

Изучение Н.К. Рерихом культуры Центральной Азии

“К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать с самых ранних лет... Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал... В семье нашей сама судьба складывала отношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии, или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщаться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь”, - писал Н.К. Рерих, объясняя свой интерес к истории и культуре Азии [1995б, с. 114].

Приобщение к истории Азии, как это не удивительно, началось для Рериха с изучения археологии, этнографии и монументального искусства России, Европы и Америки. В результате многолетних исследований он делает вывод о конвергентности развития культур на различных территориях. Ознакомление с древними памятниками наводит Рериха на мысль о том, что сходство различных культур неслучайно.

В понятие “культура” он вкладывает, прежде всего, художественное творчество, произведения устного народного творчества, обычаи и традиции, религиозные представления. Общность культур побудила ученого к поиску прародины человеческой культуры. По его мнению, “сердце Азии является как бы сердцем мира, ибо откуда же все учения и вся мыслительная мудрость? Поищем внимательно и найдем ко многому истоки все-таки в Азии” [Там же]. С этой целью Рерих задумывает предпринять экспедиции в Азию. Л.Н. Гумилев пишет: “Не случайно, Николай Константинович Рерих, начавший свою художественную деятельность с огромного интереса к сюжетам древней Руси, почувствовал, что для объяснений их ему одного только русского материала недостаточно. Культурные связи увели его в Монголию и дальше в Тибет, потому что там были люди, которые были связаны с нашими русскими славянскими предками неразрывными узами любви и вражды, случайных столкновений и обмена невестами. Там была другая часть, другая половина великой середины нашего континента...” (Цит. по: [Зелинский, 1992, с. 5]).

§ 1. Археологические исследования в Центральной Азии

Первая экспедиция в Центральную Азию состоялась в 1924 - 1928 гг. В ее маршрут входило путешествие из Индии в Сибирь (через Сикким, Кашмир, Гималаи, Каракорум, Таримскую впадину, Джунгарию к озеру Зайсан и Омску) и из Монголии в Индию (через Цайдам, Тибет и Гималаи) (рис. 25). В экспедиции принимала участие семья Н.К. Рериха - его жена Елена Ивановна и сын Юрий (рис. 26).

“Главной целью экспедиции, - писал Ю.Н. Рерих, - было создание живописной панорамы земель и наро-

дов Внутренней Азии...” [1995, с. 4]. Поскольку Н.К. Рерих считал, что корни всех современных культур следует искать в глубокой древности, “...вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьезных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии” [Там же]. Большое значение Н.К. Рерих придавал сбору этнографического и лингвистического материала: “Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели ввиду... наблюдать

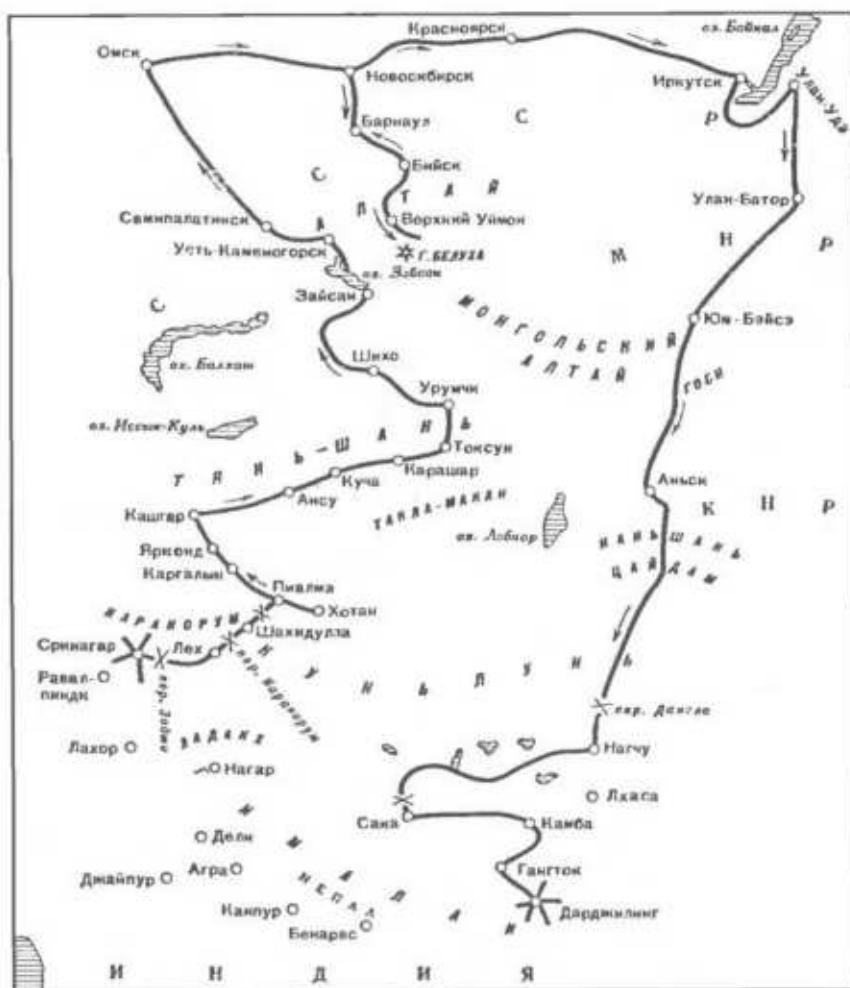

Рис. 25. Карта-схема маршрута экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию.

Рис. 26. Экспедиционный караван 1925 – 1928 гг.

современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов" [Рерих, 1992, с. 160].

Поскольку исторические памятники носителей древних "оазисных" культур, расположенные вдоль караванных путей, были к тому времени достаточно полно исследованы различными экспедициями, Средне-Азиатской экспедиции досталось изучение великой культуры кочевников Центральной Азии, "которая распространилась на огромном пространстве, от степей на юге России до самых границ Китая" [Рерих Ю.Н., 1995, с. 110].

По пути следования экспедицией было открыто множество памятников археологии, относящихся к различным эпохам. Это были курганные могильники, плиточные могилы, мегалитические сооружения (менгиры и кромлехи), пещеры, наскальные рисунки и каменные изваяния, а также встречаемые восточнее несторианские кладбища с извечным знаком креста над могилами и скрытые высоко в горах остатки древних буддийских храмов [Молодин, Лазаревич, 1997а, с. 112]. Каждый объект участники экспедиции тщательно описывали и зарисовывали в своих дневниках, так как "одной из задач... была регистрация обнаруженных... могильных курганов и других следов кочевой культуры, расположенных вдоль северной границы Тянь Шаня, Джайроуных гор и Алтая, еще не описанных в научной литературе" [Рерих Ю.Н., 1995, с. 110].

Н.К. Рерих отмечал своеобразие культурного слоя памятников данного региона. "Изучая нагорья Азии, вы изумляетесь количеству наносного лесса. Изменчивость поверхности дает многие неожиданности. Часто предмет большой древности оказывается вымытым почти на поверхность. И в то же время новейшие предметы оказываются под тяжкими наносными слоями" [1992а, с. 190]. Наблюдая за ветровой и водной эрозией, под действием которых в песчаной почве происходило переотложение слоев, Рерих предупреждает археологов о том, что "при раскопках это обстоятельство может давать неожиданности" [1991г, с. 38]. Ученый стремился определить принцип расположения археологических памятников Азии: "Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места" [1974а, с. 52].

Культура кочевников исследуемого региона была представлена множеством археологических памятников. Все открытые местонахождения можно разделить на три основных группы:

1) погребения (каменные могилы, курганные могильники);

2) мегалитические памятники (менгиры, кромлехи, ряды менгиров);

3) предметы в "зверином стиле", находимые в могильниках, а также бытующие в современном обиходе кочевников [Рерих Ю.Н., 1992а, с. 25].

В отдельную группу были отнесены памятники, относящиеся к буддийскому периоду истории региона.

Большая часть открытых погребений принадлежит типу "каменных могил", известных по результатам раскопок, проведенных П.К. Козловым в Северной Монголии и Талько-Гринцевичем в Забайкалье, а также из исследований на Алтае. Подобные могильники были найдены в Тибете, в области Хор и к югу от оз. Пангонг в районе Великих озер. Погребения представляли собой могилы из поставленных на ребро каменных плит. "Неподалеку от лагеря профессор Рерих обнаружил несколько могильников... Они были огорожены камнями, установленными в виде квадрата" [Рерих Ю.Н., 1995, с. 387]. Они располагались группами по две-три могилы в основном на южных склонах гор. "Каждый могильник был ориентирован с востока на запад, и на его восточной оконечности находилась большая глыба. Очевидно, усопших хоронили головой на восток" [Там же]. Средний размер могил 2,75x3 м. Достаточно изученные каменные могилы Северной Монголии подразделялись на: могилы с оградами из поставленных на ребро каменных плит (VII - V вв. до н.э.), курганы с каменной насыпью, могилы с возвышением из камней в центре и каменными выкладками - керексуры (VIII - VII вв. до н.э.), торкские могилы с каменными бабами (VII - VIII вв. н.э.). Экспедиция Рериха обнаружила огражденные плоскими валунами могилы, в которых содержался немногочисленный инвентарь, в основном представленный наконечниками стрел, которые Юрий Николаевич разделил на четыре типа.

"1) Бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Наиболее встречаемый тип. Места находок: область Nub-hor, Do-ring, Rati" [Там же, с. 26 - 27] (рис. 27, 1).

"2) Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с прямыми сторонами граней. Места находок: Do-ring, Rati" [Там же] (рис. 27, 2).

"3) Бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Места находок: область Hor, урочище Do-ring, Rati, Cho-Khor" [Там же] (рис. 27, 3).

"4) Медный трехгранный листовидный наконечник стрелы. Место находок: область Namgu... Приближается к позднему типу тибетских стрел" [Там же] (рис. 27, 4).

Исходя из конструкции данных памятников и того факта, что некоторые из них находились в несомненной "связи с этими старыми святилищами" [Рерих, 1994а, с. 65], то есть мегалитами, Н.К. Рерих отнес их к той же эпохе, что и мегалитические памятники, встреченные экспедицией по пути следования. Открытие "каменных могил" в Тибете значительно отодвинуло границу распространения памятников данного типа,

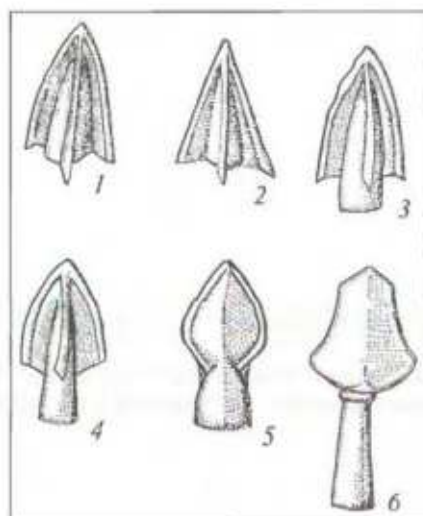

Рис. 27. Наконечники стрел из древних тибетских погребений. 1 – 3 – бронзовые; 4 – медный; 5, 6 – железные. Из сборов экспедиции Н.К. Рериха.

ранее проходившую, по мнению ученых того времени, по районам Тувы, Бурятии, Алтая и Северной Монголии.

Участники Центрально-Азиатской экспедиции обследовали и так называемые дардские могилы. Эти памятники были раскопаны миссионерами в Лехе. Могилы представляли собой подземные помещения, сложенные из неотесанных камней. Погребальный инвентарь состоял из глиняных горшков с линейным орнаментом, мелких бронзовых предметов, четок. В некоторых сосудах лежали человеческие кости, что свидетельствовало об обычае расчленять тела и хоронить умерших в кувшинах. Анализируя результаты раскопок, проведенных миссионерами, Ю.Н. Рерих отметил, что захороненные отличались по антропологическому типу от современного населения Ладака. Найденные в сосудах черепа принадлежали долихоцефалам, в то время как современные тибетцы – брахицефалы. Это сопоставление позволило Ю.Н. Рериху сделать вывод о том, что “могилы в Тзу-гзер-по оставлены древне-тибетскими племенами” [Рерих Ю.Н., 1995, с. 26]. Местное население называло эти захоронения “могилами кочевников”, что, по мнению Юрия Николаевича, соответствовало действительности.

Местные кочевники, как отмечал Н.К. Рерих в своем путевом дневнике, до сих пор почитают могилы умерших предков. На древних китайских кладбищах на вершине каждого кургана “всегда поставлен горшок, сосуд или черепки горшка. Род курганной тризны” [Рерих, 1974а, с. 213].

Азия поразила Рериха огромным количеством мегалитических сооружений в виде менгиров, кромлехов и рядов менгиров, “которые полны значения для каждого археолога” [Рерих, 1994а, с. 64]. “По рельефу

Транс-Гималаев, - писал он, - мы увидели четко длинные ряды вертикальных камней. Эти ряды заканчивались кольцом с тремя высокими камнями в центре. Все сооружение было направлено с запада на восток... Мы поняли, что это был типичный менгир, из тех, что прославили каменные поля Карнака” [Там же]. И несмотря на то, что раскопки на территории Тибета были запрещены, Рериху “никаких раскопок не требовалось, чтобы узнать типичную друидическую конструкцию, так бережно перенесенную с берегов океана” [Там же]. Особенно много мегалитов было найдено в урочище Доринг (или “Длинный камень”), на тридцать миль южнее оз. Пантонг (входящего в систему Великих озер), в месте, где экспедиция разбила лагерь. Урочище представляло собой узкую долину, защищенную поросшими степной растительностью холмами. Название урочища было дано из-за расположенных здесь каменных сооружений. По описанию, сделанному Ю.Н. Рерихом, они состояли из восемнадцати параллельно расположенных рядов каменных плит. Каждый ряд был ориентирован с востока на запад. На западном конце каждого ряда находился кромлех или круг из камней, состоящий из нескольких менгиров. Перед вертикально расположенными менгирами стояли каменные столы или алтари. В восточной части сооружения из камней была выложена стрела, направленная острием в сторону рядов менгиров (рис. 28). Ю.Н. Рерих зарисовал план памятника и сфотографировал объект. Местное население, как выяснил Н.К. Рерих, ничего не знает об этих камнях, однако на некоторых больших менгирах имелись следы масла. По местному поверью “камень был жилищем... бога, оберегающего маршрут и путешественников” [Рерих Ю.Н., 1995, с. 385]. Исследователями было отмечено, что большинство встреченных мегалитов служило местному населению местами поклонений, что было “хорошим примером ассимиляции древних святилищ примитивной религии Тибета с современной тибетской церковью” [Там же, с. 417].

Несмотря на то, что Рерих в процессе исследования никогда не подводил окончательного итога, поскольку, по его убеждению, “каждая окончательность есть вывод, но выводы означают смерть” [1994а, с. 65], данные мегалитические сооружения он относил к добуддийскому периоду местной истории и интерпретировал их как святилища первобытной религии - культа природы - бон [Молодин, Лазаревич, 1997а, с. 113]. Стрела, выложенная из камней в восточной части памятника, связана с культом солнца и небесного огня, символически изображенного в виде молнии. Это подтверждалось и этнографическими данными: современные кочевники до сих пор носят на шею древние бронзовые наконечники в качестве амулетов, считая их застывшей молнией, ударившей в землю. Сооружение, видимо, было связано с культом природы,

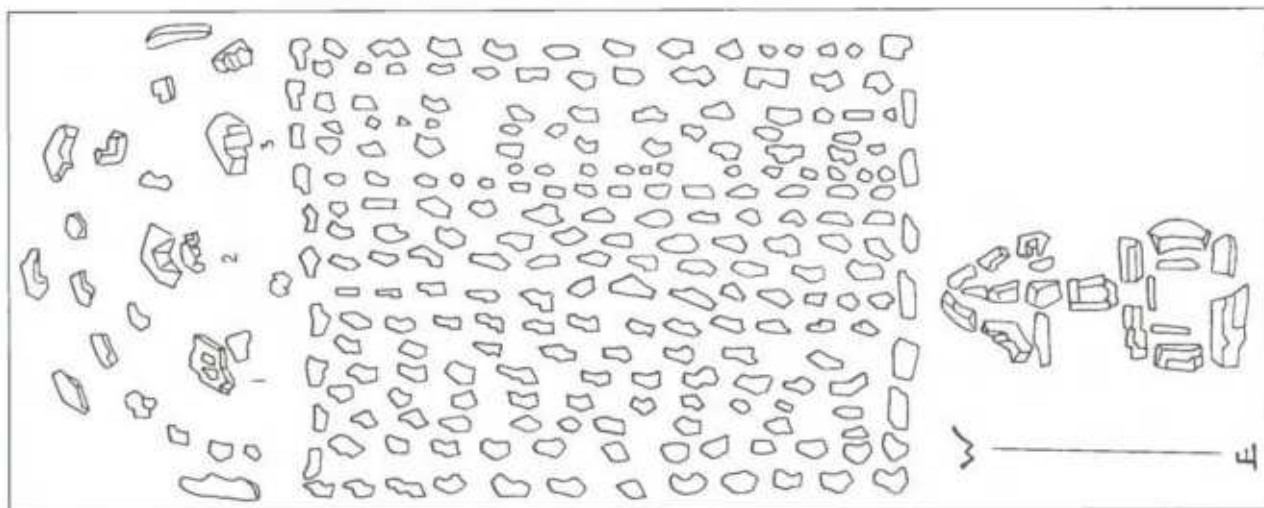

Рис. 28. План мегалитического памятника в урочище Доринг в области Великих озер (Тибетское нагорье).

и в частности, с культом солнца. Сравнивая мегалитические памятники Карнака в Британии и мегалиты Тибета, Н.К. Рерих отмечал их удивительное сходство: параллельные ряды камней, ориентация с востока на запад, каменные круги - кромлехи - в западной части сооружения. По поводу данного факта он писал: "после долгого пути друнды вспоминали свою родину" [1991г, с. 50].

Исследуя мегалитические памятники, Рерих не настаивал на четкой классификации данных объектов, ибо на его глазах "поверхностная классификация менялась часто, и так называемый факт легко переносился на тысячу лет" [1994а, с. 66], и на вопрос "Кто поставил эти камни вместе?", отвечал: "...Это несущественно для меня, как они называются (строители менгиров. - Авт.), были ли они праотцами готов или их внуками. Существовали ли у них глубокие связи с кельтами или аланами или скифами. Но я радуюсь тому, что на вершинах Транс-Гималаев я видел олицетворение Карнака" [Там же]. Менгиры Азии стали еще одним свидетельством существования культурных контактов удаленных друг от друга древних племен: "...Моя карта сказок была подтверждена. Когда в одной руке вы держите конец волшебной нити в Карнаке, разве не радость обнаружить ее начало в Транс-Гималаях?" [Там же, с. 65].

Участники экспедиции строго следовали поставленным задачам. Любая остановка в пути использовалась путешественниками для обследования окружающей местности и поиска новых памятников археологии: "В то время как водитель был занят автомобилем, - вспоминает Ю.Н. Рерих, - я обошел вокруг и обнаружил большое количество древних курганов и могильников: восемнадцать больших и шесть меньших. Все они имели каменные пирамиды на вершинах и были окружены концентрическими окружностями из каменных плит... Судя по внешнему виду, происхождение их

было аналогичным происхождению таких же курганов на горах Ноин-ула, которые исследованы экспедицией Коллова" [1995, с. 176 - 177]. Подобные могильники с обо - каменными возвышениями - типичны для многих территорий, в том числе для Степного Алтая, Казахстана и Тувы.

Памятники буддийского периода были представлены двумя основными типами: ступами и пещерными храмами. "Гигантские ступы буддизма, погребальные памятники, обнесенные оградой, те же курганы всех веков и народов" [Рерих, 1974а, с. 10]. Большинство подобных памятников было разрушено, а кирпич, из которого строились ступы, использовался в более позднем строительстве: "Сама ступа превратилась в бесформенную глыбу, и лишь остатки кирпичной кладки внизу выдают ее построение. Размеры ее велики; не меньше большой ступы в Сарнатхе. В сущности сохранилось лишь одно основание, а весь верхний купол исчез. Трудно среди песчаных оползней различать строительные развалины" [Там же, с. 153]. Однако исследователям удалось определить, что умерших перед захоронением сжигали. Обряд трупосожжения был широко распространен в культурах различных народов: "Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан. Всюду те же очищающие сожжения" [Там же, с. 18]. Во время обряда сожжения в Гималаях применялось "много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Поэтому не тяжел дым сожженных тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято" [Там же]. Культ огня, отраженный в данном обряде, был также неразрывно связан с культурами Зороастра, в которых огню придавалась та же очищающая сила. Рерих утверждал, что так называемая "дикость", которую приписывали путешественники погребальным

обычаям Тибета, на самом деле – их отношение к чужому, непривычному. “Лишь отсутствие горючих материалов, – отмечает ученый, – заставляло отступить от лучшего способа, то есть от сожжения” [Там же].

Характерным элементом буддийской культуры являлись храмы, вырубленные в пещерах высоко над землей. Некоторые из них имели лишь небольшое количество камер-келлий, другие представляли собой многоэтажные здания в скалах. Часть храмов была описана англичанином Лурелом Стейном и немецким доктором Лекоком. Селение Артыш, лянгары Тогтракдинг, Туругдан, местность по течению Кизил-Дарьи, Северный Пенджаб – вот лишь небольшой список мест, в которых экспедицией Рериха были обнаружены подобные храмы. “На песчаниковых скалах, – писал он в своем путевом дневнике, – высоко что-то чернеет. Не сомневайтесь, что это отверстия древних буддийских пещер. Так и есть. Часть пещер чернеет очень высоко, и подходы к ним обвалились. Но три пещеры на низком откосе. Потолок и стены разрушены. Конечно, это мусульмане уничтожали ненавистные изображения. Около земли... еще видны остатки орнаментов” [Там же, с. 167]. Эти орнаменты живо напомнили Николаю Константиновичу о тохарских древностях V – VIII вв. Входом пещеры были обращены на восток, к восходу солнца. Рерих старался представить себе эти пещерные молельни не ободранными местными “иконоборцами”, а “ярко, бодро расписанными” [Там же, с. 170]. В нишах были расположены фигуры “Благословенного и Бодхисатв... в одной пещере остались следы изображения тысячи Будд... в другой пещере осталось ложе Будды и часть плафона” [Там же]. Под полом одной из пещер обнаружилась полость, видимо, там был расположен еще ряд помещений. По этому поводу Н.К. Рерих писал, что “вряд ли можно считать раскопку законченной, если ясно звучат пустоты скрытых помещений” [Там же].

Рерихи обратились к трудам доктора Лекока, который классифицировал мингои (пещерные храмы с фресками), взяв за основу художественный стиль фресок. Таким образом, он выделил несколько стилей:

1. Ранний стиль, обнаруживающий четко прослеживающееся влияние греко-буддийской школы Северо-Западной Индии.

2. Стиль рыцарей с длинными мечами.

3. Древний тюркский стиль... отмечен сильным влиянием Китая.

4. Новый тюркский, или собственно уйгурский, стиль, где китайские элементы ослаблены тенденциями местного искусства.

5. Тибетский стиль. Встречен только в Турфане” [Рерих Ю.Н., 1995, с. 88].

Исходя из этой классификации, обнаруженные Центрально-Азиатской экспедицией храмы с фресками Н.К. Рерих датировал V – серединой VIII в.

Отдельным пунктом научной программы экспедиции 1924 – 1928 гг. было исследование наскальных изображений. Они были встречены повсюду: в горах и на перевалах Тибета и Гималаев, в степях Алтая и пустынях Монголии. “Ладак, Дардистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными, сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остотов и прочих великих переселенцев” [Рерих, 1991д, с. 184].

В зависимости от сюжета Н.К. Рерих подразделил петроглифы на несколько типов:

I. Буддийский: изображения свастики (буддийской, бон-по), львов, коней легендарного героя Гессар-Хана, предметов культа и религиозные надписи, а также изображения Майтрейи, датируемые Н.К. и Ю.Н. Рерихами примерно IX в., то есть временем, когда махаяна стала распространяться на территории Тибета.

II. Добуддийский, связанный с древней религией бон и культами огня: изображения горного козла, который по представлениям местного населения был символом огня. “Кроме горных козлов, во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора” [Там же].

III тип, выделенный непосредственно Н.К. Рерихом, включает изображения мечей, найденные в урочище Карга и около Кейланга (Лахуль). Рерих отмечает, что типологические данные мечи схожи с бронзовыми мечами и кинжалами минусинского (сибирского) типа, характерных для эпохи Великого переселения народов: “Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч... Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождение?” [Там же, с. 182].

Другим методом датировки и определения культурной принадлежности найденных наскальных изображений ученый считал установление различий в технике их исполнения: “Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддийские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки Буддизма. Но рядом с ним... вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу, в Сензиане, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспо-

миная Халрстиннигары в Скандинавии" [Рерих, 1991г, с. 16]. Подобные рисунки были встречены Н.К. Рерихом и во время путешествий по Северной Америке, что, безусловно, указывало на древние связи культур двух континентов, которые, по его выражению "Через эти изображения (культуры. - Авт.)... протягивают руку друг другу" [Рерих, 1974а, с. 105].

Наскальные рисунки Н.К. Рерих относил к трем периодам: неолиту, эпохе древней религии бои-по и к более позднему времени. Помимо попытки установить возраст наскальных изображений, исходя из сюжетов и техники нанесения рисунка, он видел свою задачу в том, чтобы постичь устремления мастера, его мысли и чувства в момент работы над рисунком. Наскальные изображения интересовали Рериха как "продукт творческой работы духа" [Бердяев, 1990, с. 166]. Сходство петроглифов, этих проявлений "безмятного художественного творчества" [Рерих, 1992б, с. 127], в различных уголках света Рерих объясняет общностью корней евразийских культур.

В Монголии, на Алтае и в Джунгарии участники экспедиции встречали примеры "стихийно образованного творчества" [Там же, с. 127] - антропоморфные каменные изваяния. По мнению Рериха, эти так называемые "каменные бабы", вероятно, представляли собой надгробные памятники умершим вождям. По мнению исследователей, изображения на этих памятниках не имели портретного сходства с похороненными людьми, хотя исторические детали костюма были почти полностью воссозданы. Рерих предположил, что, скорее всего, эти изваяния имели культовое значение. Большинство центрально-азиатских каменных статуй были "совершенного того же характера, как и каменные бабы южнорусских стеней" [Рерих, 1991г, с. 34]. Практически у всех изваяний в левой руке была изображена чаша, которая "никогда процветалась огнем" [Рерих, 1992б, с. 127]. Сакральное значение придается чашам во многих культурах, "начиная от священных родовых и военных чаш и кончая символическими наименованиями нервных центров" [Рерих, 1995а, с. 332]. "В культурах Зороастра изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шекелях времен Соломона и древнее. В индусских раскопках эпохи Чандрагупты Маурьи видим то же самое мощно стилизованное изображение. Сергей Радонежский, трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях будхисатвы держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов. Горела чаша Грааля" [Рерих, 1974а, с. 33].

Изображение чаши с пламенем, многократно повторяющееся на каменных изваяниях, определялось, несомненно, ритуальными установлениями, выросшими в недрах этих культур и закрепленными в рисунках их носителями. В Монголии даже была записана ле-

генда, повествующая о местной каменной статуе, в которую после своей смерти превратился предводитель разбойников, поклявшийся сделать что-либо хорошее для своих соотечественников. Это же изваяние почиталось как местное божество - дух-охранитель рогатого скота и людей. Подобное приспособление древних памятников к нуждам местного населения, как отмечали исследователи, было характерно для всей территории Азии.

Пламенеющая чаша напоминала Рериху "так о многом, что было бы неосторожно сразу предложить какие-то решения" [1992б, с. 128]. Однако в одном ученый не сомневался: наличие общей культовой символики у племен и народов не только свидетельствует о контактах, существовавших в прошлом, но и является подтверждением "общности общечеловеческих чувствований" [Там же, с. 187].

Огромный вклад Центрально-Азиатская экспедиция внесла в изучение памятников так называемого "звериного стиля". Н.К. Рерих, будучи и художником, и ученым, не мог не заинтересоваться предметами кочевого искусства скифского времени. "Почти 40 лет тому назад, - вспоминал он, - довелось обратить внимание на замечательные, по стилизации своей, скифские древности и родственные им в духе... чудские бляшки" [1994а, с. 95]. В то время ученые считали подобные предметы "перетолкованием греческого классического мира" [Там же]. Позже, когда количество находок, выполненных в скифском зверином стиле, возросло, появляется целая наука о "зверином стиле". "Самые замечательные ученые обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям" [Там же].

Во время экспедиции 1924 - 1928 гг. Рерихом были открыты образцы "звериного стиля" у кочевых племен Западного Хора (Северный Тибет). В данном районе располагался древний центр металлообработки - Дерге. Практически все обнаруженные изделия были изготовлены из металла. Изделия в скифском стиле, распространенные в районе Тибета - Транс-Гималаев, представляли собой живописно декорированные композиции из фигур животных и птиц. "Тут были и бегущие олени, и антилопы, лежащие лоси, птицы, фигуры фантастических животных, переходящие в чистый орнамент" [Рерих, 1992а, с. 32]. Некоторые орнаментальные мотивы были высоко стилизованы, что позволяло Рериху говорить о том, что они прошли довольно длительный путь развития. Яркие образцы "звериного" орнамента были во множестве обнаружены экспедицией в обиходе кочевников Тибета: "Футляры огнив, пояса, фибулы, нагрудные бляхи, ножны мечей и ладанки оказались покрытыми орнаментом, повторяющим давно известные мотивы скифо-сибирского искусства" [Там же]. Однако Н.К. Рерих призывал отказаться от общепринятого в археологической науке

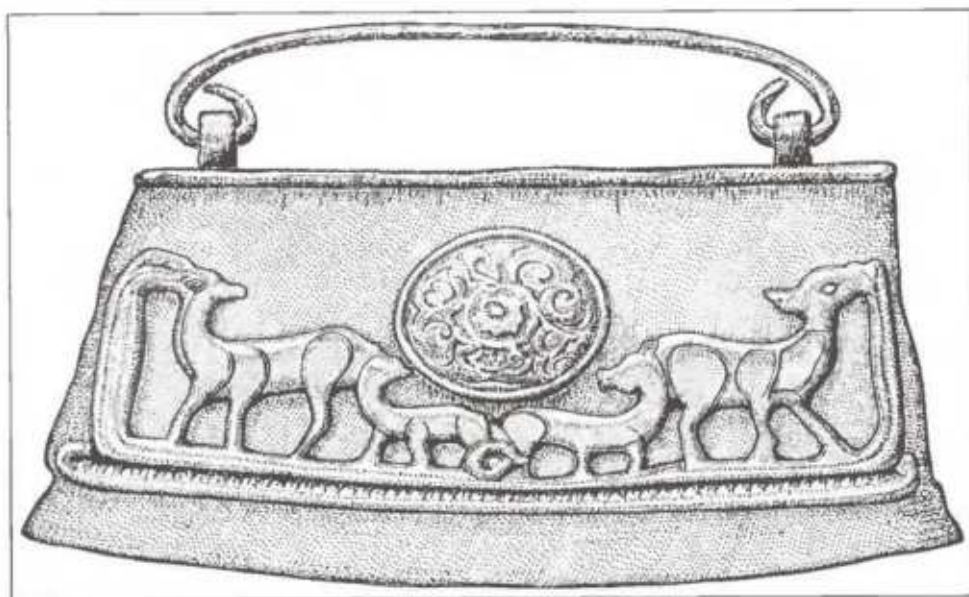

Рис. 29. Сумка для огнива из области Хор (Северный Тибет). Тибетский звериный стиль.

понятия “звериный стиль” как одностороннего и не отражающего всю глубину замысла древних художников и совершенство техники этих образцов металлопластики. По его мнению, эти произведения должны быть интересны исследователям “не одними звериными формами, но своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Звериность не будет внутренним признаком этого стиля” [1994а, с. 96].

Ю.Н. Рерих сделал подробное описание наиболее характерных предметов, украшенных композициями из “изысканнейших форм живоотнообразного царства” [Там же, с. 95].

“1) Тибетское огниво. На крышке, сделанной из черной сыромятной кожи, наложены медные фигуры оленьих самок с молодыми оленями. Животные изображены повернувшими головы назад. Трактовка фигур животных и сюжета ясно указывает на принадлежность изображения к скифо-сибирским мотивам. В середине огнива наложена медная бляха с изображениями восьми счастливых знаков тибетской религиозной орнаментики” [Рерих, 1992а, с. 33-34] (рис. 29).

“2) Огниво. На крышке, сделанной из черной сыромятной кожи, наложены фигуры каких-то фантастических животных. Животные изображены срывающими плоды с дерева, стоящего между ними. Мотив этот хорошо известен среди скифо-сибирских древностей

3) Огниво. На крышке наложены парные фигуры зверей, стоящие по сторонам дерева, имеющего вид пятилепестковой розетки. Западный Тибет, современной работы” [Там же] (рис. 30).

“4) Медная бляха с изображением двуглавого орла в круге. Чрезвычайно редкий мотив в тибетском искусстве. Мотив двуглавого орла встречается в кавказ-

ских древностях и восходит к хеттскому искусству Малой Азии” [Там же].

“5) Изображение бегущего оленя на крышке ладанки... Изображения восьми счастливых знаков чередуются с изображениями бегущих оленей... голова оленя обращена назад, что является частым мотивом среди скифо-сибирских древностей. Трактовка морды и глаз животного имеет многочисленные аналогии среди известных находок в сибирских курганах” [Там же] (рис. 31).

“6) Изображение лежащего оленя на серебряном футляре из Дерге. Мотив лежащих оленей, лосей и айтылов хорошо известен в скифо-сибирском искусстве. Трактовка указывает на принадлежность изображения к средне-азиатскому культурному кругу” [Там же].

“7) Изображение фигуры птицы, быть может, лебедя, взятой с серебряного футляра, дергесской работы” [Там же].

“8) Замечательный образчик тибетского “звериного” стиля находится в коллекции С.Н. Рериха в Нью-Йорке. Эта старая посеребренная бляха или пряжка... изображает льва, головой повернутого к зрителю. Грива животного висит густыми прядями вокруг головы. Трактовка тела полна необычайной силы. Задние ноги напряжены и поджаты, и животное как бы готовится к прыжку. Хвост поднят, и весь облик животного выражает момент большой настороженности. На заднем плане изображены два дерева, соединенные ветками над головой животного. Под фигурой... видны стилизованные холмы... По бокам имеются прямоугольные отверстия, через которые как будто пропускался ремень. Бляха могла служить пряжкой на ремне, либо нагрудным знаком” [Там же].

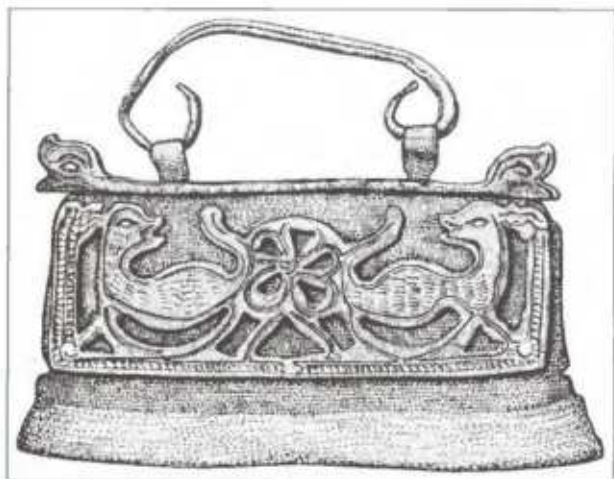

Рис. 30. Сумка для огня. Тибетский звериный стиль.

Большой вклад в понимание единства и своеобразия древностей “звериного” стиля Тибета внесли находки экспедиции генерала П.К. Козлова в горах Ноин-ула в Северной Монголии. Обнаружив подобные орнаментальные мотивы не только на металлических предметах, но и “на скалах и на остатках тканей” [Рерих, 1994а, с. 95], Рерихи предположили, что их предназначение не ограничивалось только ритуальными надобностями, в них “легко можно усматривать широкую композиционность, входившую во все украшения жизни” [Там же]. В таком стиле украшали и одежду. В коллекции, собранной во время экспедиции, имелись пояса, богато украшенные серебряными и медными фигурками животных и птиц.

Анализируя находки Центрально-Азиатской экспедиции, можно сделать вывод, что так называемый “неозвериный” стиль, распространенный на территории Северного и Северо-Восточного Тибета, имел свои особенности. Здесь практически отсутствуют столь характерные для скифской культуры кочевников южнорусских степей динамичные композиции, изображающие борьбу зверей. В некоторых находках проявляется синтез традиционной скифо-сибирской орнаментики и современной тибетской религии, выраженный в изображении восьми счастливых знаков на предметах обихода. Однако общим для предметов скифского стиля всех территорий являлось то, что “художники, создававшие их, были острыми наблюдателями природы и хорошо знали характер и привычки животных, которых они изображали” [Рерих Ю.Н., 1995, с. 337].

“Единство художественного стиля в культурах различных народов, расселенных на огромной территории, охватывающей Сибирь, Алтай, Туву, Монголию, Китай и Тибет, не раз отмеченное Н.К. Рерихом, позволило ученым говорить об общности его для всех кочевых племен верхней Азии” [Молодин, Лазаревич, 1997а, 115]. Центром этой великой культуры кочевников Ре-

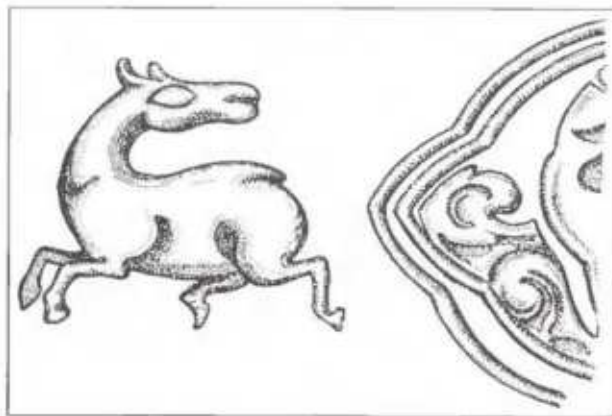

Рис. 31. Бронзовая амулетница с изображением оленя. Тибетский звериный стиль.

рихи считали богатый золотом и металлической рудой Алтай, фауна которого часто отображается в предметах “звериного стиля” [Рерих Ю.Н., 1995, с. 337]. Стиль этот возник в недрах “кочевых и охотничьих племен большого этнического разнообразия” [Там же]. Его широкое распространение Рерих объясняет одинаковыми условиями обитания и родственной хозяйственной деятельностью данных племен. В начале XX в. было установлено, что “звериный стиль” своими корнями уходит в культуру иранских кочевников, вооружение которых поставлялось в эпоху Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.) в Китай, и таким образом привносились элементы богатой орнаментации в нео-зверином стиле, “названном так, чтобы отличить его от звериного стиля южных российских степей” [Там же, с. 338].

Появление “звериного стиля” в искусстве аборигенного населения Тибета, как считал Н.К. Рерих, было обусловлено движением кочевых племен - носителей стиля, вытесняемых со своих исконных территорий завоевательными походами хуннов. Во II в. до н.э., как указывают китайские источники, хунны вытеснили племена юе-чжей (скифов-иранцев), кочевавших между Дун-Хуаном и Гань-чжоу-фу. Небольшая их часть (малье юе-чжи) мигрировала в Тибет и слилась с местными племенами, принеся с собой это своеобразное искусство.

“Звериная” орнаментика украшала не только предметы повседневного обихода и одежду тибетских племен, но и оружие. Длинные мечи так называемого “сарматского” типа и тяжелые ударные копья были принесены на территорию Северного Тибета иранскими и индо-скифскими племенами. Ю.Н. Рерих выделяет несколько типов тибетских мечей, с которыми участники экспедиции ознакомились во время путешествия:

“1) Длинный двуручный меч, находящийся на вооружении пехоты... Длина меча свыше 1 метра... Клинок - железный. Ножны... деревянные, редко обтягиваются кожей. Рукоять эфеса часто обтягивается кожей

либо туго обвита медной проволокой. Голова эфеса, а также перекрестие часто украшаются серебряной насечкой, но редко бирюзой или металлическим орнаментом...

2) Длинный меч, находящийся на вооружении конницы или пехоты... Длина около 1 метра. Рукоять эфеса часто покрыта кожей либо делается из дерева. Головка эфеса и перекрестие (прямое) часто украшается бирюзой, камнями или металлическими бляхами и орнаментом. Клинок - железный. Конец клинка скошен наподобие мечей китайской работы.

Среди типов орнаментации преобладают цветочные и геометрические орнаменты. Ножны обтягиваются кожей. Верхние и нижние наконечники ножен также украшаются бирюзой, камнями и металлическим орнаментом.

Этот весьма распространенный тип меча прямо восходит к "сарматским" мечам Ханьской эпохи... их знали индо-скифы Индии, они были распространены в Китайском Туркестане шестого и седьмого века по Р.Хр.

3) Короткий меч находится на вооружении конницы и пехоты... Эфес и ножны покрываются металлическим орнаментом и украшаются бирюзой и камнями. Широко распространенными мотивами орнаментации являются: цветочный орнамент, китайский дракон, группы фантастических животных. Клинок - железный. Конец клинка заострен.

4) Сабля находится на вооружении конницы. Эфес и наконечники ножен часто украшаются металлической орнаментацией, бирюзой и камнями. Преобладает китайский орнамент... Заимствована из Китая и особенно часто встречается в восточном Тибете" [Рерих Ю.Н., 1992а, с. 35 - 36].

Среди копий ученый выделяет два основных типа:

1. Тяжелые ударные копья длиной от 7 до 10 футов.

2. Дротики длиной 5 футов с древком, обвитым железным жгутом. На древке имеются два кольца, одно из которых подвижно. К обоим кольцам привязывался ремень, который не выпускался из рук при метании. Вооружение данного типа использовалось только при бое на ближних дистанциях.

Открытие экспедицией Н.К. Рериха предметов, выполненных в "зверином стиле", у кочевников Северного Тибета позволило отодвинуть южную границу распространения этого стиля к северным склонам Транс-Гималаев, включив данный регион в огромный массив родственных номадийских культур Азии.

На основании детального изучения полученного экспедицией 1924 - 1928 гг. археологического материала Н.К. Рерих сделал вывод о том, что большинство курганов, каменных изваяний, наскальных изображений и других памятников археологии было оставлено древними племенами, двигавшимися на запад в период хуннских завоевательных походов. Этому времени, названному в научной литературе "Великим переселением народов", Рерих уделял большое внимание в своих трудах. "Проблема великих миграций, - писал он, - самая привлекательная в истории человечества" [1994а, с. 60]. Прежде всего его занимал вопрос о причинах этих процессов: "Какой дух двигал целыми народами и бесчисленными племенами? Какие катаклизмы гнали орды из родимых степей? Какое новое счастье и преимущества угадывали они в голубой дымке необъятной пустыни?" [Там же]. Ознакомившись с материальной и духовной культурой кочевников, расселенных на огромной территории, Рерих убедился в том, что "великие переселения народов не случайность", ибо "не может быть случайностей в мировых постоянных явлениях" [Там же, с. 83]. Слишком упрощенным он считал мнение, распространенное в то время в научной среде о том, что "эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади" [Там же], или объяснение причины массового переселения племен и народов поисками внутренних оздоравливающих движений. По мнению Н.К. Рериха, в путь, на неизведанные пространства двинулись наиболее сильные по своему внутреннему потенциалу племена. "От движения народы не уставали, - писал он, - не ослабевали, но в расширении кругозора накапливали богатство воображения" [Там же, с. 96]. Ученый считал, что только в движении, в соприкосновении с новым расширяется сознание народа. "В глубинах Азии... в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования... Великие переселенцы уносили с собою такие же замечательные заветы и по пути своем создавали великие стили искусства и жизни" [Там же, с. 83]. "Вспомним, - писал Рерих об общности культур, - хотя бы об аланских наследиях и о прекрасном романском стиле. Вспомним характер монастырей, как в славянских землях, так и азиатских окраин. Без удивления вспомним, что рукояти мечей Гималайских нагорий и фибулы их находятся как на Кавказе, так и в южнорусских степях и рассеяны по Европе. На фибулах, на нагрудных пряжках этих встречаем многие изображения, ставшие символами целых народностей" [1995в, с. 178].

Большую роль в вопросе о переселении народов Н.К. Рерих отводил Алтаю, который, по его мнению, являлся "одним из очень важных пунктов" [1991г, с. 30], ибо именно здесь кочующие на рубеже тысячелетий племена нашли временное пристанище, напоминавшее им родину: "Глядя на безжалостные ледники Транс-Гималаев, на эту стерильную почву, на бесплодные скалы... вы можете представить себе, как люди были движимы вперед и как от высоких гор они достигли просторов... пустынь. Но их дух не удовлетворен. Они тосковали по горам. Таким образом, именно Алтайские горы дали им временную иллюзию... желанного счастья" [1994а, с. 65]. Поездка семьи Рерихов на Алтай в 1926 г. должна была, по их замыслу, дополнить

Большую роль в вопросе о переселении народов Н.К. Рерих отводил Алтаю, который, по его мнению, являлся "одним из очень важных пунктов" [1991г, с. 30], ибо именно здесь кочующие на рубеже тысячелетий племена нашли временное пристанище, напоминавшее им родину: "Глядя на безжалостные ледники Транс-Гималаев, на эту стерильную почву, на бесплодные скалы... вы можете представить себе, как люди были движимы вперед и как от высоких гор они достигли просторов... пустынь. Но их дух не удовлетворен. Они тосковали по горам. Таким образом, именно Алтайские горы дали им временную иллюзию... желанного счастья" [1994а, с. 65]. Поездка семьи Рерихов на Алтай в 1926 г. должна была, по их замыслу, дополнить

картину движения древних кочевых племен. Кроме того, Алтай для Рерихов был той частью Азии, которая до сих пор "... в доисторическом и историческом отношении... представляет нескрытую сокровищницу" [1991г, с. 30]. Во время месячного пребывания экспедиции на Алтае: конных походов из Уймонской долины к Катунскому и Теректинскому хребтам, к селам Катанда и Тонгур, в долины Катунки, Кучерлы, Ак-Кема, и, даже долгожданного восхождения на Белуху, о котором давно мечтали, Н.К. Рерих проводил археологические исследования. "Около Черного Ануя на Каратале — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть кости и надписи" [Рерих, 1974а, с. 239]. Есть основания предполагать, что он обследовал Денисову пещеру, раскопки которой ведутся и в настоящее время.

Побывав в пещерах Алтая, Н.К. Рерих проводит параллели с тайными ходами, протянувшимися "от Тибета через Кунылунь, через Алтын-Таг, через Турфан; "длиное ухо" знает о тайных ходах и пещерах!" [1974а, с. 240]. Ученый не оставил без внимания и другие археологические памятники - курганные могильники, наскальные рисунки, каменные изваяния.

Изучая проблему переселения народов, Рерих обращается к местным легендам: "Бесконечные курганы южных степей хранят многочисленные истории о появлении неизвестного воина неизвестно откуда. Если без предубеждения вы терпеливо отметите на своей карте все легенды и предания такого рода, вы будете удивлены результатом. Когда вы соберете все сказки о потерянных и подземных племенах, не будет ли перед вами полная карта великих миграций?" [1994а, с. 64]. По выражению ученого "явь стала сказкой" [1974а, с. 240]. Услышанная на Алтае легенда о чуди подземной поразила Николая Константиновича не только явным сходством названий племен - "чудь" - в Азии и на Руси, но и отображением в памяти народной процесса переселения народов: "Погребение, установленное большими камнями, - пишет Рерих в путевом дневнике, - так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу" [1991г, с. 30].

Обследовав памятники периода "Великого переселения народов" и познакомившись с местными легендами, Н.К. Рерих впервые реконструирует путь, по которому прошли кочевые племена: "Проведите линию от южнорусских степей и от северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов" [Там же, с. 34].

Н.К. Рерих одним из первых среди археологов и историков того времени призывает отказаться от мнения, что Азия принесла в Европу мрак невежества и разрушение. Он считает, что волна кочевников, хлы-

Рис. 32. Н.К. Рерих во время экспедиции в Маньчжурию в 1934 — 1935 гг.

нувшая на европейский континент, наполнила его не только восточной мудростью и глубокой духовностью, но и художественной красотой, отраженной в орнаментах на одежде, оружии, конском снаряжении. По мнению Рериха, племена "переселенцев", принеся с собой свои обычаи и традиции, обогатили культуру Европы, положив тем самым начало сближению Востока и Запада.

Вторая экспедиция Н.К. Рериха в Азию состоялась в 1934 - 1935 гг. К сожалению, мы имеем о ней гораздо меньше сведений, чем о первой. Причиной, побудившей его вновь отправиться в путь по необъятным просторам Азии, было желание более полно обследовать территорию Кигтая и Внутренней Монголии и дополнить картину истории и культуры Азии, воссозданную в ходе первой экспедиции. Маршрут второго похода проходил по китайской территории в районе линии КВЖД, от которой старались не отходить далеко из-за сложной политической обстановки, а также пролегал через Хинганский хребет, пустыню Гоби, Ордос и Аланшань (рис. 32, 33). Финансирование экспедиции обеспечивал департамент земледелия США, что во многом определило основное занятие ее участников - изучение засухоустойчивых растений, предотвращающих эрозию почв. Параллельно Н.К. Рерих проводил археологическое обследование в пустынях Внутренней Монголии и в отдельных районах Кигтая. "Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!" [Рерих, 1995а, с. 301; Анненко, 2000, с. 342 - 354] (рис. 34).

В Монголии Н.К. Рерих впервые проводит раскопки городища Наран Обо и подробно описывает их ре-

Рис. 33. Н.К. и Ю.Н. Рерихи во время экспедиции в Монголию в 1935 г.

зультаты в путевом дневнике. “Опять мы побывали в развалинах древнего города, теперь носящих название “Много Храмов”. На обширном пространстве, окруженном останками стен и целыми курганами, в разбросанных осколках рассыпаны разновременные здания” [Рерих, 1995а, с. 559]. Городище Наран было рас-

положено на землях к северу от ставки князя Дархан Бейле. Возраст и культурная принадлежность памятника устанавливались по “характерным деталям развалин и обломкам керамических, архитектурных украшений” [Рерих, 1991а, с. 178]. “На обширном пологом холме, - пишет ученый в полевом дневнике, - разбросаны неисчислимые черепки посуды. Точно бы весь холм состоит из нажитых слоев, насыщенных всевозможными обломками фарфора и керамики” [1995а, с. 559]. Исследователи установили несколько этапов заселения города: “Среди древнейших более примитивных гончарных поделок можно усмотреть почти неолитические орнаменты - веревочные и ногтяные” [Там же, с. 560], а “...позднейшая, судя по керамике, принадлежит манчжурской династии. Затем имеются явные признаки нимской династии в виде большой, прекрасно сделанной каменной черепахи, вероятно, служившей базой для колонны” [Рерих, 1991а, с. 178]. Более всего Рериха заинтересовали “остатки монголо-несторинского времени 13 или 12 века, может быть, с еще более ранними основаниями” [Там же]. Характер орнаментов гробниц-саркофагов с крестами несторинского времени, найденных в Наран Обо, побудил ученого обратиться к западной традиции. По его мнению, подобные гробницы “могли бы быть не только во Владимире и в Юрьеве-Польском, но и в Сан-Марко или в Вероне” [Там же]. Еще одним датирующим признаком были уйгурские и старокитайские надписи на надгробиях. Однако Рериху так и не удалось определить “первоначальную древность этих пустынных камней” [Там же, с. 167]. В процессе изучения памятника Рерих отмечал, что “один холм, полный разновековых останков, породит множество впечатлений и заключений.

Рис. 34. Н.К. Рерих во время экспедиции в Монголию в 1935 г.

Какую бы вдохновенную лекцию ни иллюстрировать черепками сосудов, все же впечатление этих же самых осколков на том месте... будет несравненно более сильным" [1995а, с. 561]. Останки города были зафиксированы Н.К. и Ю.Н. Рерихами: зарисован план, скопированы надписи. Покидая развалины этого древнего города, Н.К. Рерих писал о том, что при более глубоком исследовании могут быть обнаружены многие любопытнейшие находки... [1991а, с. 178].

Большую помощь при интерпретации археологического материала Н.К. Рериху оказывала информация, которую он черпал, изучая нумизматические древности. Несмотря на то, что монеты, по его замечанию, являются "самым условным знаком жизни человеческой" [Рерих, 1994б, с. 95], символика, запечатленная на монетах, имеет глубокий смысл: "Перед нами старинная монгольская монета. На ней и солнце, и луна, и семизначное созвездие Большой Медведицы, или Семь Старцев. Широкая мечта о поднебесье, Мечта о чуде-

сах и красота Чингисова Великого Синего Неба" [Рерих, 1995в, с. 34]. Рериха поражало разнообразие денежных знаков, принадлежащих разным эпохам и культурам. "К примеру, идя по истории Китая вглубь, мы... можем встретить всевозможные затейливые формы монетных знаков... но... наиболее неожиданной и знаменательной формой будут монеты-ножи Чжу (715 - 431 гг. до нашей эры). Среди множества странных монетных форм, соответствовавших разнообразным видам торговли, форма ножа нигде нам не встречалась... Форма их очень красива, а кольцо на ручке показывает, что они могли привязываться или нанизываться на что-то и были носимы при себе" [Рерих, 1994б, с. 95 - 96]. Рерих задается вопросом: почему именно такую форму выбрали древние для своих денежных знаков? И сам на него отвечает: именно "нож больше всего является символом жестким, колочим, жестоким, но ведь и денежный знак, во всей условности своей, тоже не будет божественным" [Там же, с. 96].

§ 2. Этнографические исследования в Центральной Азии

Исследование истории и культуры Азии Рерих не мыслил без изучения повседневной жизни и быта кочевников, что, наряду с данными археологической науки, помогало наиболее полно воссоздать этнический облик населяющих ее народов [Молодин, Лазаревич, 1997б, с. 437]. "Знание местных языков и понимание местной жизни, - писал Рерих, - позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим" [1991а, с. 4]. По наблюдениям Н.К. Рериха, жизнь и быт тибетцев, монголов, алтайцев и других народностей Азии, максимально приспособленный к условиям кочевания, остается практически неизменным на протяжении многих веков: "Около нас ехала киргизская стража. Те же скифы, те же шапки и кожаные штаны, и полукафтаны, как на Кульобской вазе" [1974а, с. 228]. Специфика образа жизни определяла аскетичность быта кочующих племен. "В одиноких юртах кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной утвари" [Рерих, 1992г, с. 193]. Однако одежда, ковры, оружие, конская сбруя богато украшены: "Костюмы их очень эффектны. - Описывает Рерих монгол. - Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццолли. Женщины с многими косичками, с бирюзой и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны" [Там же].

Рериха интересовал не столько повседневный быт кочевников, сколько проявления их духовной культуры: "Внимательно должны быть выслушаны сказания

и песни, и должно быть подумано, почему люди выражают что-либо в тех, а не в иных словах" [1995а, с. 292]. Эпические и фольклорные произведения дополняли картину жизни кочевых племен, увиденную Рерихами во время путешествия по Азии. "В каждом городе, на каждой стоянке Азии... пытался узнать, какие воспоминания сохранились в памяти народной. Через эти охраняемые и сохраняемые предания вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искорке фольклора есть капля великой Правды, украшенной и искаженной" [1994а, с. 60].

Все памятники устного народного творчества, с которыми Рерихи познакомились во время экспедиций в Азию, можно разделить на две основные группы. Первую составляют сказки, предания, легенды, поверья. Ко второй относятся повествования о героическом прошлом народа.

Одним из преданий, услышанных путешественниками, была история о камне с медным поясом, который "двигается и появляется около священных и замечательных мест..." [Рерих, 1995в, с. 22], предупреждая своего временного владельца о важных событиях. Н.К. Рериха интересует семантическое значение пояса. С древних времен этот предмет "...был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорбление пояса приводило к тяжким последствиям" [Там же, с. 21]. Легенда о камне была распространена не только среди народов Азии, но и Европы. Многие народы и племена имели подобные предания. "Вообра-

жаю, - писал Н.К. Рерих, - как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды и саги о странствующем чудесном камне - прославляемом в веках от берегов Тихого океана средневековыми мейстерзингерами..." [Там же, с. 22]. Упоминается камень и в средневековых исторических и научных хрониках. В Гималаях, Тибете и в Монголии участники экспедиции не раз слышали эту легенду.

Жизнь кочевников неразрывно связана с конем, что не могло не отразиться в легендах и сказках. Монгольская легенда об Эрдени-Мори повествует о надежности и незаменимости этого верного спутника кочевника [Молодин, Лазаревич, 1997б, с. 438]. Подобный образ фигурирует в произведениях народов других стран: "В фольклоре и сагах знаем героев на белых конях. Видели белого коня Святого Егория. Видели белых коней св. Флора и Лавра. Также встречались с белым огненным Пегасом. Видели белых коней древнего литовского бога Световита; на белых конях мчались германские валькирии. Слышали о белом коне Исфана в Древнем Иране... Слышали о коне Гесер-хана, великого героя Древней Азии, и даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химавата с огненной ношей Чинтамани... И поступь белого коня очерчивает пределы государства Китайского..." [Рерих, 1995в, с. 26]. И белый цвет коня тоже неслучаен. Во многих культурах белый - это цвет радости, благой вести, цвет борьбы со злыми силами. Поэтому "именно белый конь в сказаниях принадлежит герою" [Там же]. Его главное предназначение - защита от зла. Особая роль, отводимая коню в кочевнических культурах, полностью подтверждается и археологическими материалами, собранными Центрально-Азиатской экспедицией 1924 - 1928 гг.: "На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они - носители быта... И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином" [Рерих, 1995а, с. 92].

Особое место в народном эпосе Азии занимают повествования о героях-великанах, борющихся со злом. Исследование Н.К. и Ю.Н. Рерихами "Гэсэриады" - самого известного древнеазиатского эпического произведения - показало, что его главный герой - богатырь владеет не только воинской, но и шаманской силой, а враги обладают способностью перевоплощения в фантастические чудовища [Молодин, Лазаревич, 1997б, с. 439]. Вспоминая рассказ тибетских скотоводов, Ю.Н. Рерих писал: "Я помню эти сидящие фигуры и сосредоточенные лица, освещенные пламенем костра и затянувшиеся до полуночи рассказы о героических подвигах царя Гэсэра и его семи воинственных друзей. В эти моменты обычно равнодушное выражение лица кочевника внезапно загорается внутренним огнем, который говорит больше, чем слова о том, что их древний воинственный дух еще живет в них до сих пор" (Цит. по [Зелинский, 1974, 53, с. 11]). "Гэсэриада" во многом

перекликается с эпическими произведениями других стран: "В сказаниях о Гэсэ-хане можно находить как бы отзвуки Эдды, а временами как бы звучит рог самого Зигфрида. Даже имя жены Гэсэ-хана - Бругума невольно напоминает имя Брунгильды" [Рерих, 1995а, с. 396]. Ю.Н. Рерих одним из первых среди ученых наиболее полно исследовал тибетский вариант этого древнейшего эпического произведения. В работе "The Epic of King Kesar of Ling" он касается истории происхождения и возраста "Гэсэриады": "Большая часть поэмы о Кесаре, должно быть, произошла от кочевых племен северо-востока Тибета, но это не исключает возможности того, что основные мотивы восходят к иностранным источникам. С очень древних времен кочевья северо-востока Тибета представляли собой нечто вроде прибежища для кочевых племен, вынужденных отступать в горные районы (крепости) Тибета из-за политических переворотов в степном поясе Центральной Азии. Несомненно, что эти пришельцы принесли с собой свои племенные эпосы и песни, которые постепенно смешивались с эпосами тибетских племен" [1967, с. 185 - 186]. По мнению Юрия Николаевича, "эпос о короле Гэсэре, должно быть, произошел или, по крайней мере, принял свою современную форму в период тибетской государственности, то есть после первой половины IX века нашей эры" [Там же, с. 186].

Исследуя тибетский вариант центрально-азиатской "Илиады", как называли эпос о Гэсэ-хане, Рерихи увидели в нем отражение эсхатологических представлений, которые были распространены и на Западе в начале нашей эры. Представления о "конце света", возникнув в глубинах Азии, переносились кочевыми племенами на просторы евразийских степей [Козин, 1935; Чагдуров, 1980]. Рерихи связывали этимологию слова *Гэсэр* с римским титулом *Цезарь (Кесарь)*, который мог быть заимствован тибетскими племенами из Хотана, где эллинистическо-римские влияния прослеживаются с первых веков нашей эры. Тот факт, что "Гэсэриада", как и многие эпические произведения, созданные в народной среде, имела большое распространение не только на огромной территории Азии, но и жила в веках, передаваясь из уст в уста, говорит о наиболее полном выражении в ней надежд и чаяний людей. Во время путешествия по Тибету Рерихи узнали, что в честь этого героя до сих пор проводились состязания и фестивали, эпос о Гэсэре оказал сильное влияние на народную поэзию и искусство местного населения, изображавшего его подвиги на так называемых знаменах Гэсэра: "...Иногда центральная фигура расписанного знамени представляет самого Кесара, изображенным одетым в белое одеяние, в головном уборе в виде тиары... Обычно вокруг центральной фигуры сгруппированы эпизоды из удивительной жизни короля Кесара: его битвы с демонами и оборотнями, которые появляются в образе черного яка, черной лошади

и черной козы, уничтожение трех воронов, птиц дурного предзнаменования, женитьба Кесара на Вруг-то, его битва с могущественным королем Демонов Севера, война Кесара против трех королей Хорских и т.д.” [Рерих Ю.Н., 1967, с. 186].

Отличительной чертой культуры кочевников Азии, по сведениям, собранным экспедицией, являлась преемственность традиционного жизненного уклада на протяжении длительного времени, что было обусловлено не только условиями кочевого образа жизни, но и мощным институтом действующих правил и норм, отраженных в народном эпосе. В памятниках устного народного творчества вольнолюбивый дух кочевников нередко вступал в конфликт с существовавшими жесткими законами и правилами, что и определило столь долгое существование в народной памяти преданий о непокорных героях.

Н.К. Рерих ищет ответ на вопрос: “где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность?” [1995в, с. 23]. Проанализировав легенды, предания и эпические произведения многих народов, он приходит к выводу о том, что “герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разумения, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды” [Там же].

С.Ю. Ключников в статье “Творящая легенда” условно разделяет легенды и предания духовного характера на две категории: “одни представляют собой памятник прошедшим событиям и относятся исключительно к сфере прошлого, другие нацелены вперед, к... пространству будущего...” [1993, с. 3]. Ко второй категории, так называемым “воспоминаниям о будущем” или “пророческим легендам” можно отнести старообрядческую легенду о Беловодье, с которой семья Рерихов знакомится на Алтае, и учение о Шамбале [Гумилев, 1996].

“Социально-утопическая” легенда о Беловодье была впервые услышана Н.К. Рерихом во время путешествия по Алтаю от старообрядцев Уймонской долины, “население которой в XIX в. играло немалую роль в формировании легенды и поисках Беловодья” [Покровский, 1976, с. 43]. Рассказ уймонских крестьян о сказочной стране, где земли хватит на всех желающих, где отношения между людьми будут иными, чем в окружавшем их доселе мире, тронул Рериха чистотой помыслов. Памятуя о том, что в каждой легенде есть частица правды, он “видит в этой легенде типологическую связь со многими восточными легендами сходной социальной окраски” [Там же] и включает поиски прообраза этой далекой счастливой страны в планы своих странствований.

Большой интерес у Н.К. и Ю.Н. Рерихов вызвало древнее тибетское учение о Шамбале. “Великая Шамбала, - объяснял им лама, - находится далеко за океа-

ном. Это могущественное небесное владение” [Рерих, 1994а, с. 38]. Но Шамбала, по легенде, расположена не только на небе, есть священные места и на земле: “Среди высоких гор есть неизвестные, защищенные со всех сторон долины. Горячие источники питают богатую растительность. Многие редкие растения и лекарственные травы могут расти на этой необычной вулканической почве” [Там же, с. 44]. Иногда на земле могут появляться и люди Шамбалы; они приходят в мир через узкие пещерные проходы (подобные были показаны Рерихам ламами в Турфане и Туркестане), чтобы предостеречь людей или наставить их на верный путь. Большое место в Учении о Шамбале занимают предсказания о наступлении Новой Эры: “Приближается великая эпоха... Правитель Мира готов для битвы... Планеты предвещают новую эру. Но много катастроф произойдет до наступления новой эры процветания. Снова человечество будет испытано, чтобы определить, достаточно ли развился его дух. Рассказывают, как благословенный Ригден-Джапо появляется, чтобы дать поручения своим вестникам... И со всех сторон конные вестники приближаются в глубоком почтении, чтобы слушать Его; и на полной скорости они мчатся исполнять приказы великой мудрости” [Там же, с. 43].

Таким образом, и легенда о Беловодье, и учение о Шамбале отражали футурологические представления населения Азии о земле, согласно которым восторжествуют идеалы справедливости и добра, будут неизбежно уничтожены всевозможные проявления зла, и в новом, очищенном мире будут жить просветленные и искренние люди. В этих представлениях прослеживается общность человеческих устремлений, что, по мнению Н.К. Рериха, объясняется тем, что “каждое Учение истины, каждое Учение о высоких принципах жизни исходит из одного и того же источника” [Там же, с. 52].

Во время путешествия Н.К. и Ю.Н. Рерихи знакомятся с религией бон-по - сложной доктриной, корнями своими уходящей в древность. В ней, как отмечает Ю.Н. Рерих, “...древние формы шаманских идей верхней Азии смешаны с верованиями и культурами религии природы первобытного населения Северо-Западной Индии” [1995, с. 327]. Исследователи выявили две формы данной религии: одна - примитивного поклонения природе, “... полная шаманистских и некромангических ритуалов, а иногда и кровавых жертвоприношений” [Там же], другая - приспособленная к буддизму. Пытаясь решить проблему зарождения религии бон, Юрий Николаевич отмечает, что древность ее восходит либо к индо-европейской, либо к доарийской эпохе.

Участники экспедиции интересовались и современным состоянием буддизма. Этой теме Н.К. Рерих посвятил отдельный очерк “Буддизм в Тибете” (1928 г.), в котором описал отношение местного населения к некогда одной из самых мощных религий мира. Неуте-

шителю картину увидели участники путешествия. Н.К. Рерих с горестью отмечает упадок духовности в Тибетском нагорье: "принципы жизни разрушены", заветы, данные Буддой, искажаются до неузнаваемости его последователями - ламами. "Давайте посмотрим несколько картин из современной тибетской действительности... - предлагает читателям Рерих. - Я буду фотографом, а вы - судьями... Вот некоторые ламы на святых четках подсчитывают коммерческие доходы и полностью погружены в мысли о прибылях. Разве Будда предписывал такое использование святых предметов? ...Некоторые ламы осуждают убийство животных, но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков, заколотых на потребу монахам. Ну как убивать животных и оставаться безгрешным? ...Храмы чаще всего грязные и зловонные, и у самых их стен идет торговля и даются взятки... Никогда мы не видели такого осквернения ступ и мандангов... Камни со священными надписями, разбросанные на полях, валяются как ненужные" [1994г, с. 51 - 54]. Однако Рерих все же убежден, что в Тибете живут два сознания - одно просветленное, эволюционирующее; другое - темное, враждебное свету, и желает, чтобы "первое восторжествовало и чтобы этот свет повел страну к ступеням прекрасных заповедей, улучшающих духовную жизнь" [Там же, с. 59].

Во время экспедиции Рерихи приняли участие в буддийских мистериях и праздниках. Впечатляющую картину обряда празднования одного из них - Дня Почитания Канченджанги, проходившего в княжестве Сикким, Николай Константинович описывает довольно подробно: "Трубы режут. Барабаны бьют... Выходит Хранитель Сиккима в огромной красно-золотой маске с коротким копьём в руке. Вокруг источника, из которого каждое утро струится святая вода, впечатляющий Хранитель поворачивается в медленном благоговящем танце, совершая свои магические круги... Затем из храма появляется Хранительница... черепа украшают ее голову, на ней темное одеяние, божество очерчивает тот же круг; совершив заклинания, она садится рядом с Хранителем... Один за другим появляются Хранители Пяти Сокровищ Канченджанги... Они вооружены мечами и защищены круглыми щитами. Начинается Танец Воинов, напоминающий танцы команчей Аризоны; мечи рассекают воздух, ружья стреляют. Жители Сиккима могут радоваться, глядя, как охраняются сокровища Канченджанги!" [Там же, с. 43 - 44]. На Дне Почитания Канченджанги Рерихи увидели "множество людей в удивительных и разнообразных одеждах. Вот сиккимцы в своих коротких красных одеяниях, в конических, украшенных перьями шляпах; вот... бутанцы, поразительно похожие на басков и венгров; здесь же стоят жители Кама в красных тюрбанах; вы можете увидеть маленькие круглые шапки храбрых непальских гуркхов; тут и люди из Лхасы в их длинных,

похожих на китайские одеждах, застенчивые тихие лепча, много шерпов; все типы горцев из всех уголков" [Там же, с. 43].

Огромный вклад в изучение духовного наследия Азии внесла Елена Ивановна Рерих. В течение многих лет она записывала так называемые апокрифические легенды о Великих Учителях Вселенной, опубликовав их под псевдонимом Ж. Сент-Илер в книге "Криптограммы Востока" в Париже в 1929 г. В предисловии к текстам "криптограмм" она пишет: "В этих неожиданных рассказах и притчах, раскинутых среди народов Азии, узнаем, какие именно облики живут в народном сознании. От Алтая до Цейлона народы мечтают о Великих Учителях, припоминая из древности черты их жизни и приближая изложение к характеру своей страны. Собирайте эти криптограммы великих дум - значит заглянуть в душу народа" [Сент-Илер, 1993, с. 12].

Н.К. Рерих отмечал, что и в письменных источниках, найденных в тайниках Азии, "сохранились... голоса стран дальних" [1995в, с. 18]. Путешественникам посчастливилось прикоснуться к обветшалым пожелтевшим рукописям Турфана, со страниц которых "звучат гимны Богу Света, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся мольбы о покое, о восхождении, о мире" [Там же], к китайским, манихейским, несторианским, тибетским, иранским и среднеазиатским рукописям, в которых Тибет предстает хранилищем и сосредоточением "всей мудрости азиатской". "Эти прерывчатые, изъеденные свитки напоминают, что и в пустынных, затемненных развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах" [Там же].

Таким образом, сведения о культуре и быте народов и племен, собранные Центрально-Азиатской экспедицией в 1924 - 1928 гг., расширили научные знания об Азиатском континенте. И археологические, и этнографические данные свидетельствовали о древних связях Азии с Европой и Америкой: "...И оказалось опять, что те же самые символы прошли через различные сознания... На каждое упоминание с Востока следовал и пример с Запада. Вспомним Великого Кришну, благостного пастуха, и невольно сравним с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом... Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи. И сопоставили их с венками, опускаемыми на реке под Троицын день - обычаем, милым всем славянским арийцам. Вспомним заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов" [Там же, с. 76].

Этнографические источники, с которыми Н.К. Рерих познакомился во время экспедиций, еще раз под-

твердили сделанный им вывод об общности и переплетенности корней евразийских культур, о давности и прочности контактов людей, разделенных огромными

пространствами и, возможно, этническом родстве народов Азии с представителями аборигенного населения других континентов.

§ 3. Деятельность Н.К. Рериха в Институте “Урусвати”

Идея глубокого духовного синтеза Востока и Запада была тесно связана с концепцией комплексного подхода к изучению региона Азии, которая нашла конкретное воплощение в деятельности основанного по инициативе Н.К. Рериха 12 июля 1928 г. в Дарджилинге (Индия) Гималайского института научных исследований “Урусвати” (“Свет Утренней Звезды”). Мысль об организации подобного учреждения давно зрела в среде ученых, исследовавших материальную и духовную культуру народов Азии. Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха 1924 - 1928 гг. показала, что “один человек не может справиться со всеми проблемами, возникающими в ходе исследований”, что “нужен новый тип организации экспедиций, отвечающий требованиям современных исследований” [Annual Report..., 1930, p. 67]. Необходимость систематизации, анализа и дальнейшего использования собранного Центрально-Азиатской экспедицией огромного археологического, этнографического, лингвистического, фольклорного, эпического и других материалов также требовала создания подобного научно-исследовательского комплекса. Кроме того, Индия всегда привлекала Н.К. Рериха своей культурой. Ученый был убежден, что эта прекрасная страна всегда была непосредственным образом связана с его Родиной – Россией: “обычай, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи - все это было так близко нашим истокам” [1991б, с. 178]. В этом всеобъемлющем сходстве “чувствовалось единство начального пути” [Там же].

Главной задачей института было исследование Среднего Востока. Под этим термином основатели “Урусвати” понимали “Индию, а также пустыни и горы Азии, протянувшиеся от Иранского плато на запад до границ с Китаем на востоке, включая Китайский и Русский Туркестан, Монголию и Тибет” [Annual Report..., 1930, p. 67].

В декабре 1928 г. Гималайский институт научных исследований был перенесен в долину Кулу, расположенную в Западных Гималаях. По словам Е.И. Рерих, это место было выбрано неслучайно. “Долина Кулу... является исключительной местностью, научная ценность которой только начинает выявляться, но и в начале своем поражает богатейшим материалом. Как и в

историческом, археологическом, филологическом, так и в ботаническом, геологическом и физическом отношении Институту предстоит... плодотворнейшая работа” [Рерих, 1991д, с. 211].

Мультидисциплинарный подход к изучению Среднего Востока был отражен, прежде всего, в принципах и методах организации исследований. “...Экспедиции включают в себя группу специалистов, каждый из которых занимался своим узким видом деятельности, более того создавались передвижные исследовательские станции - группы ученых, работающих длительное время в одном регионе, но оставляющие исследовательские базы в разных его точках” [Annual Report..., 1930, p. 67]. По мнению основателей института, такой метод позволял не только собрать большое количество данных о регионе, но и всесторонне изучить его с позиций различных наук.

Комплексный подход определил и набор отделений института “Урусвати”: 1) департамент археологии и сопутствующих наук и искусств, 2) департамент естественных наук, 3) научная библиотека, 4) музей для хранения экспедиционных находок.

Отделения состояли из узкоспециализированных секций. Например, при археологическом отделении существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. В 1929 г. был основан Русский отдел, находившийся в ведении Сибирского Общества. Первоначально в фонды отдела входило собрание русских икон. “...Тогда же в 29-м и 30-м, - вспоминает Н.К. Рерих, - мы планировали Отдел итальянского искусства... Тогда же зародились мысли об отделах Французском, Испанском, Шведском, Финском и целом ряде выявлений Южной Америки” [Рерих, 1991д, с. 203].

Деятельность института “Урусвати” началась в июне 1929 г. с установления контактов с научной общественностью различных стран. Президенту и директору института удалось заинтересовать университеты и другие учреждения Америки и Европы в сотрудничестве, которое выразилось не только в обмене информацией, но и в совместной организации экспедиций в Азию.

Постепенно шла обработка материалов, собранных экспедицией под руководством Рериха в 1924 - 1928 гг., благодаря чему в течение зимних месяцев 1929 - 1930 гг.

он смог выступить в США с лекциями о Центрально-Азиатской экспедиции и организовать выставку тибетской коллекции. В рамках работы выставки Ю.Н. Рерих провел несколько бесед о тибетском искусстве.

Несмотря на то что деятельность в "Урусвати" отнимала много сил и времени у Николая Константиновича, он продолжал заниматься археологией. Четвертого ноября 1930 г. профессор Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли во Французскую Индию, в Пондишерри, где исследовали древнее поселение с захоронениями в глиняных урнах. Юрий Николаевич писал матери: "...Вчера мы посетили древнее поселение и раскопали несколько глиняных урн с остатками костей. Вся коллекция будет передана нашему Институту. В ней также есть глиняные изделия и каменные полированные топоры..." [Рерих Ю.Н., 1992б, с. 98].

Памятник располагался на большом поле с захоронениями в восьми милях от Пондишерри, на дороге Гранд Этан. Большинство могил было раскопано полковником Ляфитте и его помощником Фоше. Полученную коллекцию и фотоматериалы раскопок они любезно продемонстрировали Н.К. и Ю.Н. Рерихам. Изучение неисследованной части дало хорошие материалы: несколько фрагментов керамики, части кинжалов и хорошо сохранившееся железное лезвие меча, лежащее вне захоронения, а в слое глинистого песчаника были обнаружены остатки скелета человека. Кроме того, учеными были вскрыты саркофаги, в которых оказались фрагменты глиняной посуды. Возле одного из саркофагов лежал плоский железный кельт. Все раскопки были сняты на пленку, а находки переданы в Музей Института "Урусвати". Говоря о возрасте данного памятника, Рерихи замечают, что определить его довольно сложно, поскольку местное население хинду до недавнего времени продолжало хоронить здесь умерших. Вместе с тем характер захоронений и наличие каменных орудий позволяют отнести памятник к наиболее ранним периодам истории.

Научная программа института на 1931 - 1932 гг. предполагала археологическое, этнографическое, лингвистическое исследование Лахуля на северо-западе Гималаев, работу над тибетско-английским словарем и серией изданий "Tibetica", в которых предполагалось публиковать результаты исследования древностей Тибета и его культуры.

Н.К. Рерих приступает к организации новой экспедиции в Лахуль через перевал Ротанг. "Перевалы Западных Гималаев, да и весь Кашмир, представляли для него исключительный интерес, так как через них шли пути к Средней Азии, пески которой скрывали остатки древних культур народов, обдававшихся на востоке и юге с Китаем и Индией, а на западе и севере с европейскими странами и Сибирью" [Шапошникова, Беликов, 1993, с. 9]. Археологическое изучение данного региона началось с исследования захоронений в долинах рек

Бханга и Чандра. Обнаруженные могилы можно разделить на три типа:

I тип. К нему относятся могилы глубиной 2 - 3 фута, перекрытые большим камнем. Средняя длина каменной плиты примерно 5 футов, толщина около 3 футов. Большинство могил ориентировано с севера на юг. Внешних признаков памятник не имеет, большинство из них были обнаружены при сельскохозяйственных работах, закладке фундаментов и строительстве дорог. Могилы этого типа обнаружены в окрестностях Кейланга, но погребальный инвентарь очень плохой сохранности.

II тип. Погребения этого типа встречаются редко и являются, по мнению ученых, самыми древними среди захоронений, когда-либо обнаруженных в Лахуле. К тому времени была известна только одна подобная могила, обнаруженная в 2 милях от Кейланга. Она представляет собой круглое отверстие, перекрытое большой плитой. Формой она напоминает урну. Обнаруженные экспедицией могилы были расположены внутри небольшого кургана высотой 1 - 2 фута, длиной 7 футов, шириной 4 фута. По словам местных жителей, в могиле ничего не было, кроме полуразложившихся остатков человеческих костей и фрагментов утвари. Ю.Н. Рерих относит эти могилы к типу захоронений добуддийского периода истории Тибета, подобных памятникам, обнаруженным миссионерами в Те-сер-по неподалеку от Леха в Ладаке.

III тип представлен группой больших курганов, видимо, оставленных монголо-тибетскими войсками, нападавшими на равнины Бханги и Чандры во время похода на Ладак примерно в 1640 - 1680 гг. В окрестностях Коксара обнаружен большой курган, в котором погребено от 5 до 10 воинов. По местной легенде, жители вынуждены были покинуть свои селения во время монголо-тибетского нашествия и уйти в ближайшие горы, ища убежища в пещерах и хорошо защищенных местах.

Во время экспедиции был собран интересный материал по истории буддийского монастыря в долине Бханги: монастырские записи, биографии основателей монастырей, который проливает свет на историю распространения буддизма в Лахуле и в окрестных районах Западного Тибета.

Этнографические экспедиции Института "Урусвати" изучали местный фольклор и быт. В 1931 г. в результате поездки по Лахулю была собрана великолепная коллекция резной деревянной мебели Тибета. По своему орнаменту она напомнила Рерихам изделия с резьбой у народов российского Севера.

Н.К. Рерих постоянно выезжал в археологические разведки, интересовался жизнью и бытом местного населения, а его энциклопедические знания помогали классифицировать и типологизировать находки.

Сотрудники Института "Урусвати" принимали участие в международных конференциях и конгрессах, проходивших в разных странах, выступая с докладами об исследованиях в области археологии, этнографии, лингвистики, биологии и медицины.

В течение двух лет работы института было организовано пять экспедиций в долину Кулу, в Лахуль, Кангру, Лахор, Ладак, Занскар. Его сотрудники собрали научную библиотеку, в которую вошли книги, памфлеты, древние манускрипты, а также публикации ведущих ученых Европы и Америки; систематизировали находки Центрально-Азиатской экспедиции 1924 - 1928 гг.; организовали филиалы института и выездные исследовательские базы для наиболее полного изучения региона; выпускали "Журнал Института Гималайских исследований "Урусвати", на страницах которого публиковались материалы проведенных экспедиций и монографии сотрудников. Деятельность сотрудников института пробудила большой интерес научной общественности к Азии: "Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты устремляются к этим древним наследиям" [Рерих, 1992в, с. 77].

Высоко оценивая вклад Н.К. Рериха в изучение культуры Азии, П.Ф. Беликов писал в статье "Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К. Рериха": "Н.К. Рерих - единственный русский ученый, который со всех сторон исследовал подходы к ней (Центральной Азии. - *Авт.*): с юго-запада через Хотан и Синьцзян, с северо-запада через Алтай, с севера через Монголию, с юга сквозь Гималаи... и с запада с территории Суйюаня" [1976, с. 96].

Обладая широкими взглядами на мировую историю и культуру, Рерих еще в процессе изучения древнейшей истории России приходит к выводу о существовании взаимосвязей между различными племенами и народами. Подтверждение этому он нашел, исследуя памятники Азиатского континента: курганные могильники, плиточные могилы, мегалитические сооружения, пещеры, древние наскальные рисунки и каменные изваяния.

Открытие Н.К. Рерихом менгироподобных сооружений на территории Центральной Азии засвидетельствовало бытование у древних кочевников не только обряда поминания умерших сородичей, но и друидических культов.

Поиск аналогов буддийскому погребальному обряду - трупосожжению приводит Н.К. Рериха к очи-

щающим ритуалам, связанным с огнем, которые имели широкое распространение в археологических культурах практически по всему миру. Ученый делает вывод о том, что корни многих мировых культур нужно искать именно в Азии.

Научные интересы Н.К. Рериха, переключаясь с художественными пристрастиями, были обращены и к фресковой живописи древних храмов. Ученый первым разрабатывает ее классификацию. Большое внимание Н.К. Рерих как археолог и искусствовед уделял наскальным изображениям региона, которые ему удалось не только датировать, но и типологизировать, положив в основу деления хронологический принцип, а также различия в сюжетах и технике изготовления. Усатривая стилистическое единство петроглифов Европы и Азии, Рерих на основе изученного пласта культуры ушедших народов делает важные выводы и о культурных взаимосвязях и взаимовлиянии кочевых племен этих территорий.

Немалый вклад был внесен Рерихом в разработку проблемы антропоморфных каменных изваяний Центральной Азии, которые, по его мнению, являлись надгробными памятниками умершим вождям и предметами культа предков. Ученый особо отмечал общность семантики орнаментальных композиций таких памятников в различных районах самой Центральной Азии и несомненное сходство ее с символикой памятников других регионов мира.

Одним из первых среди археологов Н.К. Рерих обратился к изучению искусства древних кочевников Азии и, прежде всего, памятников "звериного стиля" и выделенной им разновидности, - "тибетского звериного стиля": он определил границы его распространения, отметил длительность существования данного вида искусства на азиатской территории.

Рассмотрев множество типов памятников, оставленных кочевниками, и проанализировав глубинные основы кочевой культуры на огромной территории, Рерих сделал важный вывод о принципиальном единстве культуры кочевников, несмотря на существование ее локальных вариантов.

Идея комплексного подхода при исследовании культуры нашла воплощение в деятельности основанного Н.К. Рерихом Института "Урусвати". Его сотрудники внесли существенный вклад не только в изучение археологии и этнографии Азии, но и в развитие системы гуманитарных наук в целом. Отметим, что мультидисциплинарный подход лежит в основе деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне - Российской Академии наук).

Глава III

Археология и художественное творчество Н.К. Рериха

Занятие археологией оказало очень сильное влияние на творчество Н.К. Рериха. “Многие стороны археологии до того поэтичны, что археолог не может не быть художником, хотя бы в душе” [Рерих, 1898/1899а, с. 186].

В художественных произведениях Н.К. Рериха нашли отражение его философские представления, а также проявился всесторонний (“синтетический”) подход к осмыслению той или иной темы. Обладая поистине энциклопедическими знаниями в различных областях, он одним из первых среди ученых и художников установил глубинную взаимосвязь между наукой и искусством. Во вступительной лекции “Искусство и археология” к курсу “Художественная техника в применении к археологии”, прочитанной для слушателей Императорского Санкт-Петербургского Археологического института 28 сентября 1898 г., он отметил: “Насколько мне известно, ни в каких наших, ни в соответственных иностранных учреждениях, подобного предмета пока еще не имеется, и это обстоятельство накладывает на нас особую ответственность” [Там же, с. 185].

Философы и культурологи, говоря о значении науки и о месте искусства в жизни общества, утверждали, что художник остается до некоторой степени изолированным от интересов общества вообще и науки, в частности. С развитием науки, с тех пор как она начала охватывать все больше областей человеческой деятельности, стало складываться убеждение, что “придет время, и великий художник станет чем-то ветхим, почти бесполезным; наоборот, ученый будет господствовать больше и больше” (Ренан) (Цит. по: [Там же, с. 186]). Н.К. Рерих, размышляя над этой проблемой и вспоминая “уже посеянные споры об искусстве для искусства, утилитарном направлении, несогласимости законной науки с незаконным искусством, несовместимости деятельности художника и ученого” [Там же], высказал мнение о том, что “если между факторами науки и искусства проводится обыкновенно столь рез-

кая, исключительная грань, то сами понятия выдерживают несравненно большее сопоставление” [Там же, с. 187]. Ему были близки взгляды известного ученого-гуманиста Джона Рескина, который писал: “наука - познает, искусство - воспроизводит; наука знакомит нас с явлениями, искусство же - с их влиянием на душу. Признавая факты, открываемые наукою, искусство проникает в сущность и раскрывает нам их духовное значение. Оно не только познает внешнюю истину, но стремится открыть и внутренний смысл явления, и насколько мир духовный обширнее мира материального, настолько и область искусства обширнее области науки” [121, с. 188]. Рерих утверждал, что истинными учеными “область искусства не только не игнорируется, напротив, она их интересует сильно. Кроме энциклопедистов, такие мыслители, как: Спенсер, Карлейль, Лейбниц, Кант, Гартман, Шопенгауэр и мн[огие] другие, не проходили равнодушно понятия искусства, чувствуя, сколь важную роль оно играло” [Там же, с. 187 - 188].

Ученый отмечает особую роль искусства, считая его “первым двигателем всей жизни” [Рерих, 1991б, с. 89], ибо привнося в нее радость осознания красоты, оно способствует формированию в человеческом обществе духовности – залога его развития. Обращаясь к истории, Рерих отмечает, что “среди достижений выдвигается одно счастливое явление. С особенной остротой вырастает сознание о настоящей украшаемости “декоративности”, о декоративности, как единственном пути и начале настоящего искусства. Таким образом опять очищается мысль о назначении искусства - *украшать*. Украшать жизнь так, чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединились экстазом творчества и хоть на мгновение ликовали чистой радостью искусства” [Там же]. “Всякая отрасль искусства велика, хороша, истинна только как явное проявление работы человечества в высшем и совершеннейшем виде” [Рерих, 1898/1899а, с. 188]. Основным критерием истинного искусства, по мнению

Рериха, является работа "не руки и не пальцев, а души" [Там же, с. 188].

Н.К. Рерих считал необходимым найти точки соприкосновения искусства и археологии. "Чем больше будем всматриваться во взаимоотношения археологии и искусства, тем ясней и рельефней... выступают значительные узлы, их связующие. Трудно сказать, какая из этих областей является объектом эксплуатации со стороны другой, - обе они необходимы друг другу" [Там же, с. 189]. О влиянии истории и археологии на искусство он писал: "При современном реальном направлении искусства значение археологии для исторического изображения растет... Для того чтобы историческая картина производила впечатление, необходимо, чтобы она переносила зрителя в минувшую эпоху; для этого же, художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а... надо изучать древнюю жизнь... проникаться ею, пропитываться насквозь" [Там же, с. 182]. Каждое художественное произведение, по его мнению, только тогда может оставить след в человеческой душе, когда будет проникнуто поэзией, очарованием романтики, будет хранить в себе некую неразгаданную тайну. А "где же искать художнику большей поэзии, как не в минувшем, полном очарования тайны? Куда же направлять ему свое воображение, как не в давно прошедшие века, подернутые седым туманом? Сколько не всматриваться в этот туман... все же тайна минувшего никогда вполне не раскроется; ...поэзия исторического творчества будет нерушима" [Там же, с. 191]. Об этой тайне и попытке разгадать ее Н.К. Рерих написал в одном из своих стихотворений:

"Череп мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен
был стрелой. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
сложие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лица их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землею" [Рерих, 1997, с. 86].

Н.К. Рерих считал, что обращение к образцам древнего искусства может дать живописцу импульс к созданию высокохудожественного произведения. Однако, ознакомившись с современными "декоративными сочинениями", Рерих сетует на то, что "прибегать к самой естественной помощи в исканиях орнаментаций - к помощи природы - у нас не принято, точно так же, как мало принято искать мотивы в области древно-

стей. Между тем... памятники старины дают вполне готовый материал" [Рерих, 1999а, с. 385]. Жанр исторической живописи "требует от автора специальной исторической подготовки, заставляет художника стать до некоторой степени археологом" [Рерих, 1898/1899а, с. 193].

Богатейший материал археология предоставляет и прикладному искусству. Предметы повседневной утвари, оружие, великолепные образцы костяной и глиняной пластики, с великой любовью и тщанием сделанные древним умельцем, "развивая вкус общества, будут ему всегда понятны и, оживляемые современным творчеством, дадут произведение неотразимого обаяния и несказанной прелести" [Рерих, 1898/1899б, с. 254]. Знакомство с древними образцами художественного творчества позволяет создавать вещи действительно "стильно-художественные", не производящие "впечатление чего-то подделанного" [Там же, с. 254].

В свою очередь, археолог сталкивается с понятием "художественность" в процессе изучения древних произведений искусства, дошедших до наших времен в виде пещерных фресок, наскальных рисунков, каменных статуй и многого другого. "Археолог неминуемо задается вопросом о древней технике. Ему необходимо знать: как эти предметы производились, как получались краски, как накладывалась эмаль" [Там же, с. 254 - 255].

Имея огромный опыт публичных выступлений на археологические темы, Н.К. Рерих большое значение придавал демонстративному материалу. "Всякому ученому легче и приятнее воспринимать какое угодно положение, когда оно изложено живым, образным языком с примерами, и, если надо, иллюстрациями... Какую разницу и какие огромные преимущества... имеет археологическая статья, снабженная елико возможно частыми чертежами и рисунками. На каждом шагу встречаются случаи, где одно слово бессильно, где без рисунка ни за что не понять, что именно хочет сказать автор" [Там же, с. 256]. Рерих был убежден, что без иллюстраций археологическая статья не в состоянии вполне достигнуть своей цели. При подготовке наглядного материала он советовал соблюдать три главных принципа, "а именно: художественности, точности и простоты" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 48. Л. 11).

По мнению Н.К. Рериха, археолог должен владеть и ремеслом художника, поскольку "как бы хорош ни был художник, как бы ни был он впечатлителен, каким бы сильным воображением он ни обладал, - все же он не может вполне заменить археолога... Естественно, что многие требования и принципы археолога должны показаться художнику странными и педантичными" [Рерих, 1898/1899, с. 257]. Между тем их соблюдение совершенно необходимо, ибо каждый археологический памятник несет в себе уникальную информацию и любая ее потеря невосполнима. При этом "четкое вы-

полнение деталей, на которых, может быть, построится целая важная гипотеза, представляет для художника скучное стеснение, тогда как археологу - это веселая работа, ибо он осязает ее целесообразность" [Там же, с. 257 - 258]. Поэтому Рерих был глубоко убежден, что именно археолог может "одухотворить" такое изображение. При этом ему совершенно необязательно быть художником в полном смысле этого слова, то есть обладать творческой натурой; вполне достаточно быть добротным копистом, "знать художественное рукоделие, а произметчателность ему не нужна" [Там же, с. 258]. Прекрасно владея обеими специальностями, Н.К. Рерих разработал методику полевых исследований археолога-художника: "Отправляется археолог на работу. Прежде всего ему придется набросать план и местности и самого исследуемого памятника. Подобные наброски не худо подкрепить и моментальными снимочками - себе для памяти. Затем потребуется чертеж профиля, снятие кальки или даже копия красками и слепок. В этих предварительных художественных работах могут оставаться некоторые художественные прорехи - ведь и художнику не требуется заносить свои данные в окончательном виде; эти заметки - своего рода записная книжка, разбираться в которой кроме самого автора, никому не предстоит" [Там же, с. 264]. После завершения раскопок, в процессе камеральной обработки материала, составления отчета рисунки, сделанные в поле необходимо "перерисовать, облечь в удобопонятную форму" [Там же]. Незаменимым помощником археологу в этих работах, по мнению Н.К. Рериха, выступает и прикладное искусство и, прежде всего, скульптура. "О чем бы ни шла речь - об изваянии ли, о городище, о кургане, о катакомбе, во всех случаях никакое полное описание, снабженное всевозможными чертежами и рисунками, не может дать такого полного, наглядного представления, как лепная модель" [Там же]. Данный способ представления археологического материала, был впервые в российской археологической науке предложен Н.К. Рерихом. Скульптурным изображениям памятников был посвящен один из докладов, сделанных ученым на заседании Русского Археологического Общества 16 января 1898 г. под названием "Демонстрация опыта скульптурных изображений погребений", в котором он предложил "прибавить к существующему схематично-идеально-научному началу в подобных изображениях еще элемент реально-художественный" (РАИИМК. Ф. 1. Д. 744/1894. Л. 50).

Вопреки расхожему обывательскому суждению о том, что художник-профессионал, занявшийся научной деятельностью, является бесталанным живописцем, многогранное творчество Н.К. Рериха стало доказательством того, что он глубоко разбирался в обеих областях и умело сочетал занятия археологией с написанием картин.

Художественное творчество Рериха, как уже отмечалось выше, разнообразно. Однако предметом нашего исследования будет, прежде всего, живопись историческая. Не вдаваясь в область искусствоведческую, а ей посвящена значительная литература [Алехин, 1978; Антонов, 1991; Балтрушайтис, 1994; Голлербах, 1994; Дювернуа, 1994; Макаров, 1995; Маковский, 1994; Маточкин, 1985; и др.], мы рассмотрим влияние научной деятельности Н.К. Рериха на его художественное творчество.

Все живописные и скульптурные изображения, в основе которых лежит тема историческая, Н.К. Рерих разделил на четыре основных типа: "изображения религиозные; собственно исторические, то есть представляющие известное историческое событие, достоверность которого основана на определенном источнике, напр[имер] летописи; изображения историко-культурные или, так называемый, исторический жанр; изображения мифологические или сказочные" [Рерих, 1898/1899а, с. 189 - 190].

Для создания произведений подобного рода настоящий художник обязан не только глубоко проникнуть в тайны древности и в совершенстве овладеть техникой живописи. "Картина, - пишет Рерих, - лишь тогда может произвести полное впечатление, если в ней удачно будут разрешены три задачи: художественного эффекта (настроения), задача обще-психологическая и специально-историческая задача... Только гармоничное соответствие этих трех требований произведет впечатление и вызовет желательную эстетическую эмоцию" [Там же, с. 190]. Ученый считал живопись историческую самым высоким жанром.

Тесно связана с отношением Н.К. Рериха к реально-историческому направлению в живописи и его позиция по поводу роли вещественных археологических источников в искусстве. Будучи скрупулезным исследователем и человеком, глубоко знавшим и ценившим древности, Николай Константинович с трепетом и благоговением относился к обнаруженным им при раскопках памятников находкам. Это и определило взгляд художника на их значение при написании художественных произведений. Вместе с тем он старался не допускать загромождения "картины лишними подробностями... ненужными деталями", так как это "делу вовсе не помогает" и "никуда, кроме археологического музея, зрителя не переносит" [Там же, с. 192]. "Многие картины, - замечает Рерих, - написаны с замечательною выработкою археологических мелочей, впечатления же вовсе не производят" [Там же]. Основную задачу исторической живописи художник видел в передаче средствами искусства общего духа времени, в отображении эпохи.

Н.К. Рериха интересовала и проблема истоков искусства. Он был убежден, что начала современного искусства также следует искать в седой старине, ибо

уже древний мастер осознавал красоту окружающего мира и отображал ее в своих произведениях. "Судьба обращает нас к началам искусства. - Пишет Рерих в статье "Радость искусству". - Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканием истинных украшений. Украшений, повторенных много раз в разные времена, то роскошных, то скромных и великих только чистотой мысли, их создавшей" [1991б, с. 89 - 90]. Ученый призывает "не останавливаясь на обычных исторических станциях", пройти "поступью любителя... не к позднейшим отражениям, а туда - к действительным началам" и посмотреть "насколько эти начала близки нашей душе" [Там же, с. 90]. И основным помощником в этом деле Николай Константинович считал археологию, которая позволяет ученому "брать одни первоисточники", не искаженные позднейшими перетолкованиями [Там же].

"Я мертвых искал. Мне хотелось

Жизнь в смерти далекой найти..." [Рерих, 1999д, с. 184].

Археологические источники помогали Рериху наиболее полно воссоздавать картины жизни далеких предков.

Эпоха палеолита уже была, по мнению Рериха, "близка искусству" [Рерих, 1991б, с. 106]. "Уверенными... ударами высекает он свое первое орудие - клин, заостренный, оббитый с двух сторон. В широких ударах поделки человек символизирует победу свою; мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры. Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Находим изображения: рисунки и скульптуру из кости. Пещеры... доставили прекраснейшие образцы несомненной художественности. Плафоны разрисованы изображениями животных. В рисунках поражают наблюдательность и верная передача движений" [Там же]. Человек оставался частью Природы, и "сама природа была единственным началом искусства", которое тогда было "следствием потребностей естественных" [Рерих, 1899в, с. 7]. В переходный период от палеолита к неолиту "интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одинокими предшественниками, ведут к новым достижениям" [Рерих, 1991б, с. 107]. Многообразие природных материалов (камень, глина, кость, дерево) расширяло сферу приложения творческих способностей человека. Сначала изделия носили характер утилитарный. Однако потребность в красоте побуждала людей украшать повседневные бытовые предметы орнаментом, которые спустя тысячелетия стали восприниматься и как художественные произведения. Рериха восхищала красота оружия древних. "Прежде всего говорим об оружии; в нем - все соревнование, в нем - все щегольство; на него вся надежда. Чудесные тона красок укра-

шали древки первых людей: кварцы, агаты, яшмы, обсидианы, хлоромеланиты, нефриты; от темно-зеленого ядента до сверкающего горного хрусталя отвечивало древнее оружие" [Там же, с. 110]. Н.К. Рерих пришел к выводу, что "человек каменного века... родил начала всех блестящих культур" [Там же, с. 103]. Лучшие узоры, красивейшие орнаменты, самые великолепные инкрустации берут начало там, в первобытной древности. "На вышивках тверских, - замечает художник, - мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию Северу, а к древнему распространению оленя, кости которого находим с кремнями, ведет этот узор. На орнаменте и Коломцев (Новгород) человекообразные фигуры явно напоминают ритуальные фигуры вышивок новгородских и тверских" [Там же, с. 108]. Искусство служит доказательством единства устремлений человечества в каменном веке. Сколь бы огромными расстояниями не были разделены народы, отмечает Рерих, "сущность украшений одинакова у самых разъединенных существ" [Там же, с. 109], ибо все это вышло из одной колыбели - эпохи камня.

В процессе изучения археологических источников Н.К. Рерих замечает, что в искусстве переходного периода от каменного века к эпохе металла наступает своего рода стагнация, которая выразилась в однообразии форм: "чувствуется обесценивание ювелирных каменных вещей - перед неуклюжим куском металла" [Там же, с. 107], когда "неумелое пользование новым сокровищем... отодвигало настоящую художественность" [Там же, с. 101]. Однако в области орнамента творчество шло безостановочно и "культ священных узоров благодатной паутиной окутывал человечество" [Там же]. "Мы завидуем ясности мысли обобщения исчезнувших народов. - Пишет художник. - Твердо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутник металла - штамп - не мог погубить врожденных исканий искусства" [Там же, с. 100].

Особое внимание Н.К. Рериха как художника и искусствоведа привлекало русское средневековое искусство, впитавшее все достижения мировой человеческой культуры. "Как у народа языческого, у нас влияние предшествовало живописи. Следовательно, первые наши художники должны быть строителями и ваятелями" [Рерих, 1899в, с. 8]. Изучая церковную архитектуру различных частей России, Рерих приходит к выводу, что на севере русское церковное искусство получило развитие значительно раньше, чем в областях южно-русских, в которых влияние иноземное сохранялось довольно долгое время.

Рассматривая произведения иконописи, Рерих замечает, что ученые "только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистой красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображе-

ния, а великое декоративное чутье..." [Рерих, 1991б, с. 92]. Восхищаясь образцами древнерусской иконописи, художник с радостью отмечает: "Как магически декоративны Чудотворные лики! - Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стесненных фонах. Лик - грозный, Лик - благостный, Лик - радостный, Лик - печальный, Лик - милостивый, Лик - всемогущий. Все то же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, великий впечатлениями, - Чудотворный" [Там же, с. 92]. Сам процесс создания иконы был великим таинством. С глубоким почтением подходили к ее написанию: "Писали Иверскую икону, обливали доску святою водою, с великим дерзновением служили Божественную литургию, мешали св. воду и св. мощи с красками; живописец только по субботам и воскресеньям получал пищу; велик экстаз создания древней иконы..." [Там же, с. 93]. Основное требование к написанию икон состояло в том, чтобы работа делалась "лепо, честно, с достойным украшением, приличным разбором художества", чтобы "предстоящим мнети бы на небеси стояти пред лица самих первообразных" [Там же].

С наступлением эры христианства на Руси искусство и церковь становятся неотделимы друг от друга. Всякое художественное проявление почти всегда могло быть создано только под сенью церкви. В эту эпоху понятие творчества в высшем смысле этого слова как бы отодвигается на задний план, ибо весь процесс живописания икон был строго регламентирован законами церковными: "Нет различия свободного художества от служебного ремесла. При таком взгляде ремесленники-художники не могли называться художниками в теперешнем смысле" [Рерих, 1899в, с. 20]. Однако все богатство художественной техники подчинено одной цели - созданию общего впечатления, духа иконы. И "вы верите, - пишет Рерих, - что это так должно было быть, что сделалось это не случайно; и кажется вам, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий и что это красота еще много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни" [Рерих, 1991б, с. 93].

Вместе с тем в это время создавались произведения, не ограниченные церковными рамками. Одним из примеров подобного искусства является лубок. Лубочные картинки получили широкое распространение около XVII в. и поначалу имели такое религиозное содержание, однако позже оно было вытеснено изображениями "гражданскими", отражавшими окружающую жизнь простого люда. Безусловно, они не были шедеврами живописи, но передавали дух этой части общества, и, исходя из определения искусства, принятого Рерихом, являлись произведениями художественными.

С появлением и развитием книгопечатания зарождается еще одна художественная профессия - гравёр. Как отмечает Рерих, специальных гравёров наша исто-

рия не знает, по большей части гравёрами были знаменщики государя, однако они, несомненно, внесли большой вклад в процесс усовершенствования художественной изобразительной техники.

Кроме строительства церковного развивается и гражданское зодчество, строятся деревянные дома, каменные терема и палаты для знати, городские укрепления - башни и вежи, растут и расширяются города. В летописях Рерих находит упоминания о целом ряде строительных профессий: "плотники, древодельцы, кораблетворящие, мостники, деревянные здатели, городники и т.д." [Рерих, 1899в, с. 22].

Помимо летописей основным источником для Н.К. Рериха, в котором он черпал сведения об архитектуре средневековой Руси, являлись археологические находки. Раскопки Новгорода дали ему богатый материал для творчества. Исследование новгородских стен и археологических слоев древнего города, обнаружение огромного количества мелких деталей, раскрывавших неизвестные доселе ученым тайны древнерусской городской архитектуры, - все эти знания нашли свое отражение в картинах художника.

Будучи русским человеком, глубоко любящим историю и культуру своей страны, Н.К. Рерих, тем не менее, рассуждая об истоках и содержании русского искусства с позиций "неонационализма", стремясь увидеть и оценить положительное влияние, которое оказали на нашу культуру в ходе исторического процесса иные народы. Широко распространенное в науке мнение о том, что татарское иго затормозило развитие русской культуры, Николай Константинович предлагал рассмотреть под другим углом зрения. "О татарядине, - пишет он в статье "Радость искусству", - остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого пути в греки" [Рерих, 1991б, с. 94]. Непостижимо, считал автор, "смещение суровости и утонченности у великих кочевников... Татары оставили... татарские признаки власти - шапки и пояса, и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и также невольно... разнесли их по русской равнине" [Там же]. По мнению Н.К. Рериха, величие русской культуры состоит именно в том, что, сохраняя свою самобытность, она сумела впитать в себя все лучшее, что несли с собой мировые цивилизации.

Мы уже упоминали о том, какую роль отводил Н.К. Рерих письменным источникам и устному народному творчеству в своих научных изысканиях. Подобное же значение имели они и для его художественного творчества. Изучая летописи, древние грамоты и юри-

дические документы, Рерих прежде всего обращал внимание на дух эпохи, воспроизведенный в них, ауру отраженного в них исторического периода. Приукрашивание реальной жизни, которое можно зачастую проследить и в письменных, и в устных источниках, не мешало, а, скорее, помогало Н.К. Рериху при создании своих произведений, ибо, всегда придерживаясь исторической правды, он, будучи истинным художником, был далек от рабского подчинения строгой наукообразности и мелкой детализации. Именно поэтому большое значение Рерих придавал устным источникам, так как ничто не могло бы заменить художнику ярких впечатлений, оставленных живым рассказом местных жителей о поверьях, легендах, преданиях, бытовавших в данной местности, из которых постепенно и складывалась картина жизни их предков.

Обратимся непосредственно к художественному творчеству Н.К. Рериха и рассмотрим на конкретных примерах, какое влияние оказал археологический, этнографический и эпический материал на произведения художника. Анализируя живописное творчество Рериха, Е.П. Маточкин отмечает, что "у Рериха сложился своеобразный метод использования в своем творчестве произведений самого широкого круга мирового искусства" [1999, с. 729], основанный на знании древних источников. Используя в своих картинах их фрагменты, "автор желал быть понятым... в контексте сравнительно-сопоставительного анализа, более активного творческого осмысления" [Там же].

Исходя из сюжетов, использованных Н.К. Рерихом, все его художественное творчество можно разделить на два основных периода: русский и азиатский. Такое деление весьма условно, ибо, постоянно обнаруживая глубокие взаимосвязи между культурами различных народов на протяжении всей истории человечества, он создавал свои произведения на основе этого синтеза. В каждом произведении мастера прослеживается переплетение культур Востока и Запада.

Особый интерес Рерих как археолог и художник проявлял к каменному веку. Этой таинственной, неразгаданной эпохе он посвятил три произведения: "Каменный век. Север" (1904 г.; открытка) (табл. 1), "Задумывают одежду" (1908 г.) и "Каменный век" (1910 г.; США). На открытке "Каменный век. Север" изображение композиционно включает три плана и построено горизонтальными полосами. Такую художественную манеру Н.К. Рерих заимствовал у народов Севера, которые создавали предметы из кости и моржового клыка удлинённых, вытянутых форм. На верхнем плане художник изобразил древних людей в одеждах из шкур, исполняющих ритуальный танец. Посередине - олени, идущие след в след друг за другом. Археологические находки подтверждают, что подобный прием характерен для изображений животных на наскальных рисунках, на одежде, предметах утвари различных эпох - от

каменного века до эры металлов. Нижний план открытки представляет собой сцену охоты на моржей - одно из основных занятий населения Севера.

На полотне "Каменный век" Н.К. Рерих изобразил древнее поселение, расположенное на берегу озера. Жилища из шкур - на деревянных помостах. Мужчины исполняют танец божествам Природы, от которых зависела жизнь племени.

Герой произведений Рериха - древний человек - "не дикарь, не полузверь, а человек тонкой душевной организации, которому были присущи удивительные способности, ныне почти утраченные" [Маточкин, 1994, с. 7]. Изготовление каменных орудий, оружия для охоты, создание произведений искусства - все это свидетельствует о творческом мышлении человека.

Процесс изготовления одежды Н.К. Рерих отразил в картине "Задумывают одежду". Ученого увлекают не столько мелкие археологические детали, сколько психология людей каменного века, их мысли и чувства, "типу для осмысления которых лавали и его собственные археологические изыскания и накопленный к тому времени материал о... жизни людей каменного века" [Там же, с. 8].

Ряд картин Н.К. Рериха посвящен верованиям древних. Шаманизм, древние мистерии, поклонение силам Природы легли в основу картины "Колдуны" (1905 г., Киев, Музей русского искусства) и серии полотен разных лет под общим названием "Идолы" (1901-1910 гг., Частное собрание, США; ГРМ; ГТГ и др.) (табл. II). Вера людей во всемогущество природы, в силу духов заставляла человека выбирать определенные места для поклонения этим силам, совершать обряды почитания богов. Колдуны, шаманы, волхвы обеспечивали им связь с этим необъятным миром духов, защищая от немилости и прося о помощи. На картине "Колдуны" изображены шаманы в волчьих шкурах, готовящиеся к камланию. В землю воткнуты копыта - древний символ защиты и силы. Место для совершения обряда выбрано не случайно. Простор неохватный расстилается перед этим священным местом, символизируя, как и на многих картинах Рериха, необъятность и, в то же время, единство мира. В целом картина наполнена ощущением ожидания: отзовутся ли высшие силы на просьбы человеческие?

На картинах серии "Идолы" изображены культовые места. Заботливо обнесены они частоколом. В центре стоят идолы - покровители рода, разрисованные яркими, радостными красками: идолы добрые, идолы-защитники. Род охраняется идолами. При этом и люди лекутся о заступниках своих. Обильно политы они маслом, черепа животных на частоколе свидетельствуют об обряде жертвоприношения. Создатели идолов, по мнению Н.К. Рериха, были первыми вытеями, то есть первыми людьми уже по-настоящему близкими искусству. "В этих полотнах, - пишет С. Эрнст в статье

“Н.К. Рерих”, - выискано построена композиция и так же певуч и спокоен пейзаж - языческое капище на берегу синей реки с быстро плывущими краснопарусными ладьями” [1994, с. 16].

История родной страны, овеянная легендами и сказками, вдохновляет художника еще на заре творчества на создание цикла работ под названием “Начало Руси. Славяне”. Он включает картины “Гонец. Восстал род на род” (1897 г., ГПГ), “Поход” (1899 г.) и “Сходятся старцы” (1898 г.). “Проповедью родного прошлого” называли критики-искусствоведы эти произведения. Вот мы видим посланцев, плывущих по реке в небольшом челноке, чтобы сообщить сородичам важную весть (табл. III). Река и дома на холме покрыты глубокими тенями, и только месяц освещает путь. Тема вестника, гонца проходит красной нитью сквозь все творчество художника и писателя. Вестник - это тот, кто призван донести до людей не просто известие, но высшую истину, тот, кто указывает путь в будущее.

Нетрадиционной для исторической живописи XIX в. стала работа Н.К. Рериха “Поход”: “по холмистой русской равнине, еще крытой снегом, поздним вечером медленно движется крестьянская рать, движется нестройной “разбившейся” толпой, поднимаясь ленивым потоком на холм” [Там же, с. 13]. На картине изображены усталые воины, возможно, проигравшие битву. Подобна ей по настрою картина “Александр Невский” (1942 г.). Поле битвы усеяно поверженными врагами, но и дружинников князя polegло немало. Едет князь, понутив голову. Печаль его - об убитых соратниках.

Археологический материал лег в основу картины “Сходятся старцы”. Моленные места, где когда-то собирались мудрейшие люди, чтобы решать судьбы своих сородичей, Рерих посещал во время разведок. Художник старался передать в картине атмосферу этих сходок. В ней нашла воплощение вековая мудрость человечества.

Славянский цикл полотен Н.К. Рериха продолжает картина “Заморские гости” (1901 г.) (табл. IV), отличающаяся от предыдущих богатой палитрой. Поездка 1899 г. по “пути из Варяг в Греки”, во время которой художник почерпнул огромное количество материала, свидетельствующего о наличии и широком распространении торговых и культурных связей Руси с другими странами, вдохновила его на написание этой картины. “Глубока и студена синь широкой реки, привольно окаймленной зелеными цветущими берегами, весело рассекают прозрачную воду пурпурно-желтые острогрудые ладьи, трепещут паруса, млечным жемчугом реют длиннокрылые чайки и над всем этим праздником - высокое солнечное небо” [Там же, с. 16].

Истории Древней Руси посвящены картины “Утро богатейства Киевского”, “Вечер богатейства Киевского” (1896 г.), “Плач Ярославны”, “Волокит волоком”

(1915 г.), “Собирают дань” (1908 г.). Навеванные письменными источниками образы этих произведений воплощены Рерихом с глубоким знанием материала. Величие Рериха как художника проявлялось, прежде всего, в том, что даже за изображением на картинах сцен повседневного быта зритель видит общее настроение героев, общий дух эпохи. На большинстве картин Н.К. Рериха у людей не видны лица. “Они (герои произведений. - *Авт.*), - пишет С. Маковский, - безликие привидения столетий. Как деревья и звери... как чудовища старины народной, они слиты со стихией жизни в туманах прошлого. Они - без имени... Их нет отдельно, и как будто не было никогда: словно и прежде... они жили общей думой и общим чувством, вместе с деревьями и камнями и чудовищами старины” [1994, с. 39].

Увлечение архитектурой русских городов оказало сильное влияние на творчество художника. Большое значение для Рериха имела поездка по старинным городам России, совершенная по заданию Русского Археологического общества. Эскизы различных элементов архитектуры Смоленска, Печор, Изборска, Нижнего Новгорода, Ростова Великого, Риги, Костромы, Ярославля и Углича - башен, стен, княжеских палат, кремлей, церквей - выполненные Николаем Константиновичем во время этой поездки, были использованы им при написании произведений, посвященных древнерусскому городу. В картине “Город строят” художник показывает процесс строительства деревянного города: возводятся стены и башни, с любовью и знанием дела занимаются строители сооружением городских укреплений. Вся картина пронизана светлым духом единства людей. На основе археологических наблюдений художником были созданы произведения “Город. Утро” (Саратовский художественный музей) и “Древнее городище (славянская деревня)” (1896 г., Тверская картинная галерея). На крутом яру раскинулось городище, окутанное синей дымкой утреннего тумана. С холма открывается великолепный вид на речную долину, расположенную у его подножия. Выбор местности для поселения, по мнению Н.К. Рериха, определялась не столько соображениями безопасности, сколько извечным стремлением к красоте и гармонии с окружающим пространством, близостью к Природе. Именно на таких местах, какое изображено на этих картинах, и селились наши предки с древнейших времен.

В творчестве художника немалое место занимает тема белокаменной Руси. Древнерусская средневековая архитектура, так восхищавшая прибывающих на нашу Родину иноземцев и многократно описанная в различных письменных источниках - дневниках посольств, торговцев и путешественников, вдохновила Рериха на написание таких картин, как “Псков” (1935-1936 гг., Новосибирская областная картинная галерея) (табл. V) и “Монастырь” (1903 г., Государственная Третьяковская галерея). В картине “Псков” стройность ли-

ний стен, залитых лунным светом, округлость арок, с прячущимися в их глубине синеватыми тенями, четко выделяющиеся на небе купола с крестами и колокола звонницы, и одинокая фигурка стражника в характерной для того времени одежде передают красоту древней архитектуры и самой жизни.

Большое место в творчестве Н.К. Рериха занимает тема суровой северной природы и жизни населения Севера. Посетив выставку нового русского искусства в Париже в 1907 г., на которой Рерих экспонировал 89 полотен, Н.С. Гумилев отмечает духовное родство Н.К. Рериха с П. Гогеном, которое проявлялось, по его мнению, в том, что "оба они полюбили мир первобытных людей с его несложными, но могучими красками, линиями... и сюжетами дикими и величественными" [Гумилев, 1999, с. 218]. В двух произведениях, "Поморяне. Вечер" и "Поморяне. Утро", случайно имеющих схожие названия, воплощено единство двух культур – финской и славянской. Очарование сурового Севера отражено в них: "...На фоне северного закатного неба и чернеющих слей (картина "Поморяне. Вечер" – *Авт.*) застывши сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы – очевидно, финны, Белоглазая Чудь. Эта картина параллельна другой ("Поморяне. Утро", – *Авт.*)... Там тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов – славяне" [Там же, с. 219]. "Великая сказка истории, смена двух рас, – отмечает поэт в своем письме-отзыве о выставке, – рассказана Рерихом так же просто и задумчиво, как она совершилась" [Там же].

В 1906–1910 гг. Н.К. Рерих пишет сюиту "Викинг", состоящую из полотен "Песня о викинге" (1907 г.), "Песня о викинге белой ночью" (1909 г.), "Варяжское море" (1909–1910 гг.), "Бой" (1906 г.) и "Триумф викинга" (1908 г.). "В этих полотнах, словно гонимых суровым, северным напевом Балтийских волн... мастерство Рериха приобретает... черты северной замкнутости и молчания... Глубокой печалью звучат серые, синие и бледно-оранжевые тона "Песни о викинге" – тусклыми тенями залегли в сумерки шхеры... и безнадежна грусть девушки, скандинавской Ярославны, тоскующей у этих тихих вод... Грандиозная сумрачная гармония полнит "Варяжское море" – сурово играют глубоко-синие, красно-коричневые тона, грозной дугой стоят готовые к отплытию ладьи... Вечный, великий покой почует на голубом кургане спокойного серого моря в "Триумфе викинга" [Эрст, 1994, с. 30].

На картинах "На чужом берегу" (1897 г.) и "Могила великана" (1915 г.) изображены каменные курганы. В них вдали от родины похоронены витязи и богатыри. Преклонение перед их ратным подвигом вдохновляло художника на создание подобных картин. Волновала Рериха и скифская тема. В одном из писем к жене он пишет: "Из новых моих сюжетов сообщу тебе следующую:

...3. "Скифы" в засаде в степи наготове ждут врага, лошади лежат" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 203. Л. 3).

Н.К. Рерих стремился использовать образцы древнего творчества и в прикладном искусстве. Великолепные произведения пермского звериного стиля нашли отражение в проектах мебели, изложенных художником в статье "Нехудожественность наших художественных магазинов" [Рерих, 1999а, с. 384–389] и предложенных для мастерских, организованных княгиней М.К. Тенишевой в Талашкине [Маточкин, Мельников, 2000, с. 262–270]. Обращаясь к древности в поисках прообразов для собственных произведений, он использует искусство камской чуди. Аллегорические звери и птицы, стилизованные антропоморфные фигурки VIII–IX вв. (периода расцвета шаманских изображений на Урале – так называемого пермского звериного стиля [Оборин, Чагин, 1988]), символические изображенные жители подземного и подводного миров, органично влитенные в канву созданных воображением художника произведений, служили украшением бытовых предметов.

Глубокий знаток русского средневекового иконописного творчества Н.К. Рерих посвящает серию картин и эскизов житию святых, образам Спаса, Христа и Богородицы, придерживаясь канонов данного жанра. Эскизы росписи церквей в селах Пархомовка и Талашкино легли в основу мозаичных панно ("Эскиз росписи церкви в селе Пархомовка" (1906 г.) (табл. VI); "Мозаика церкви в Талашкино" (1912), а также более поздние произведения – "Знак Троицы" (1932 г.) и "Святой Сергий" (1932 г.). Вместе с тем большинство его произведений на библейские темы написано в произвольной манере, без строгого соблюдения церковных канонов. Изменив стиль изображения, художник сумел передать главное содержание образов. На известной картине "Борис и Глеб", сюжет которой был навеян, очевидно, летописными источниками, святые плывут на лодке по реке (табл. VII). Рерих отходит от общепринятых канонов иконописи, однако дух картины целиком пронизан христианской сущностью. Художник умело показал величие и возвышенность древнерусских святых Бориса и Глеба, и картина оставляет впечатление света и чистоты, созвучное восприятию древнерусских икон. Полотно "Мадонна-Защитница" (1933 г.) – произведение также неканоническое. Божья Матерь изображена в центре картины как бы возвышающейся над миром, осеняя его своей благодатью, охраняя и защищая его от зла и несчастий.

Воспроизведением в живописи старинной русской религиозной музыкальной драмы является полотно Н.К. Рериха "Пещное действо" (1905 г., ГТГ). В "Действе" воплощен библейский рассказ о трех святых отроках – Анании, Азарии и Мисаиле, погибших от руки вавилонского царя Навуходоносора. На картине изображен тот момент "пещного действия", когда отроков,

не пожелавших покориться богам вавилонским и власти царя, сжигают в печи. "На отроках одеты стихари с оплечьями бархатейными, на голове – опущенные зайцем венцы деревянные, покрытые кожей, золоченные и расцвеченные красками" [Рерих..., 1999д, с. 483]. Белокрылый, сияющий неземным светом ангел, посланный во спасение Господом, спустившись к отрокам, отъял "пламень огненный от печи, и сотвори среде печи яко дух хладен и шумящ" [Там же, с. 487]. Основная идея картины – глубокое упование человечества на волю и силу Отца Небесного.

В тесной связи с "христианским" направлением в творчестве художника стоит тема добра и зла, одна из основных в мировой живописи. Прекрасным примером является работа Н.К. Рериха "Сокровище ангелов": на одном камне, художник изобразил дракона и распятого человека, символизировавших многовековую борьбу темного и светлого начал. Соимы ангелов – "прелестных ангелов XIII века монастырской России" [Гумилев, 1999, с. 220], служба добру, окружают и ревниво охраняют этот камень.

Воспевая величие Руси, Н.К. Рерих обращается в процессе художественного творчества к русским легендам, преданиям, сказкам, фольклору. Художник Л.М. Антокольский – сокурсник и непосредственный свидетель становления Рериха как живописца – писал Николаю Константиновичу: "Недаром я... назвал тебя симфонистом, а самый жанр, который тебе наиболее подходит – народный эпос – уже давно признан тебе бесспорно свойственным" [Рерих..., 1999д, с. 157]. Из ранних работ Рериха по данной тематике можно отметить эскиз картины "Иван Царевич наезжает на убогую избушку" (1896 г.), основной замысел которого развивался под впечатлением народных преданий и сказок, собранных А.Н. Афанасьевым. "Познакомился я тут с народными представлениями о Иване Царевиче и о сказках. – Пишет Рерих в 1895 г. Л.М. Антокольскому. – Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу – лето. Чудная это вещь – эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала" [Там же, с. 159]. Этой же тематике посвящены полотна "Змиевна" (1906 г.), "Чудь подземная" (1913 г.), "Кришна-Лель" (1935 - 1936 гг.) (табл. VIII), и наконец, "Настасья Микулична" (1943 г.) (табл. IX).

С. Маковский писал о тематическом разнообразии произведений Н.К. Рериха: "Чередуются замыслы. Сколько их! В длинном ряде картин, этюдов, рисунков, декоративных эскизов воскресает забытая жизнь древней земли: каменный век, кровавые тризны, обряды далекого язычества, сумраки жутко-таинственных верований, времена норманнских набегов; удельная и московская Русь... "Человек" Рериха – не русский, не славянин и не варяг. Он – древний человек, первобытный варвар земли" [1994, с. 39 - 40].

Огромное влияние на творчество Н.К. Рериха оказала Центрально-Азиатская экспедиция 1924 - 1928 гг. и жизнь в Индии, в долине Кулу. Во время экспедиции Николаем Константиновичем было написано множество эскизов, рисунков и картин, в которых художник передал неповторимое величие закатов и восходов Востока, бурных рек и лежащих на вершинах снегов, величие гор и прелесть долин жизни [Каталог..., 1974]. Рерих запечатлевал в своих картинах и следы ушедших эпох, в великом множестве встречавшиеся на пути (табл. X): строгие менданги и буддийские ступы, изображения Будды и Майтреи на горных перевалах, древние святилища языческой религии бон-по и заброшенные монастыри, напоминающие ласточкины гнезда ("Менданг. Лахуль" (1924 г.); "Дугкар" (1924 г.), "Субурган Ташидинга" (табл. XI); "Тибетский путь. Святилище."; "Майтрея-победитель" (1926 г.); "Майтрея" (1932 г.) (табл. XII), "Твердыня Бон-по" (1933 г.)). Великое множество народов прошло по этой земле, тесно переплелись их культуры. Менгиры и кромлехи, каменные изваяния и стелы, обо, ряды балбалов, протянувшиеся к могилам, и сами погребальные памятники изображал художник на своих полотнах ("Киргизские мазары" (1925 - 1926 гг.); "Могила в пустыне" (1928 г.)). В основе произведений лежала не просто "сухая археология", он передавал дух эпохи, дух культуры, наполняя глубоким смыслом символы далекого времени. На полотне "Черная Гоби" изображена культовая каменная стела с рисунками, полными загадочного смысла.

Проявляя особый интерес к образцам древнего искусства, Рерих стремился уловить мысли и чувства мастера. В своих работах "Камни Ладака" (табл. XIII), "Три меча" (табл. XIV), художник воспроизводит древние петроглифы, подчеркивая единство художественных замыслов народов, разделенных огромными расстояниями.

На картине "Страж чаши" изображен в виде каменной статуи, держащей в руках кинжал и чашу (знаки силы и очищения), строгий хранитель священного огня жизни. О почитании людьми великого животворного пламени, спасающего мир от зла, свидетельствуют и два ряда балбалов, протянувшихся к стражу.

Идея очищающего огня, несущего людям свет добра и истины, воплощена на многих картинах Н.К. Рериха. Легендарный основатель религии огнепоклонников – зороастризма – воплощен на полотне "Зороастр" (1931 г.). "... На высокой скале, перед гаснущим закатом выливает он Чаши на землю живительный пламень", - описывает картину Ж. Дювернуа [1994, с. 40]. У Рериха он – мудрец, ведущий мир к избавлению от пут невежества и косности, к источнику живительному Правды и Красоты.

Символом добра и света в картинах Рериха выступает образ белого коня. Ему посвящены полотна

“Чинтамани” (1924 г.), “Белые кони” (1925 г.), и “Белый камень” (1933 г.), “Конь счастья (Знаки Чинтамани)” (табл. XV), “Бум-Эрдени” (1947 г.). С белым цветом во все времена ассоциировалась чистота помыслов и намерений. В картинах “Чинтамани” и “Белый камень” объединены два светлых начала - белый конь и огонь.

В произведениях “Белые кони” и “Бум-Эрдени” Н.К. Рерих выразил идею борьбы добра и зла. Не на земле происходит извечное противостояние, но в небе идет битва двух противоположных основ мироздания. Всадник на белом коне вступает в схватку с многоголовым чудовищем на драконе. Сильны обе стороны. Однако картина пронизана оптимизмом, верой в победу добра.

Сказочно-мифологический персонаж восточного эпоса Гесэр-хан изображен художником в картинах “Гесэр-хан” (1942 г.) и “Воинство Гессар-хана”. Древние воины-защитники во главе с Гесэром вступают в состязание с духами и оборотнями. Для многих поколений азиатских кочевников этот персонаж - идеал силы и храбрости, на примере этого образа воспитывались их дети и внуки. Гесэр-хан на картинах Рериха - мужественный охранитель рубежей, такой, каким его представляли древние насельники. В творчестве Рериха этот герой очень схож с древнерусскими богатырями.

В основе ряда произведений Рериха лежит легенда о священной стране добра и справедливости - Шамбале (“Песнь о Шамбале”, 1943 г.; “Весть Шамбалы”, 1946 г.) (табл. XVI). Красота Шамбалы не раскрыта на картинах Николая Константиновича, ибо она до сих пор еще остается тайной для человечества. Художник стремится чуть приоткрыть завесу загадочности, чтобы в душе людей жила вера в существование прекрасного мира Света.

Е.П. Маточкин отмечает, что использование мастеров в художественном творчестве мотивов древнего искусства, всесторонним исследованием которого Рерих занимался на протяжении всей своей жизни, шло по двум основным направлениям: “В одних случаях он цитирует какой-нибудь археологический памятник... для создания собственного образа... В других он как бы подключается к тому эстетическому полю культуры, к тем мировоззренческим идеям, которые породили то или иное художественное явление” [1999, с. 729]. Точное воспроизведение научного материала в живописных произведениях “всегда органично входило в художественную ткань рериховских образов и проводилось им так тактично, с той мерой... “координации”” [Там же], что никогда не давало повода говорить о механическом соединении, об эклектике. Именно поэтому “картины Николая Рериха являются не сухой, более или менее удачной реконструкцией”, а “по сей день поражают жизненной правдой, ощущением подлинной историчности” [Там же, с. 744]. Мысли Рериха о

глубоком взаимопроникновении культур различных народов, о их всеобъемлющем единстве определили основные направления творчества художника. “Благодаря своему удивительному проникновению, - отзывается о творчестве Рериха современник художника И.И. Лазаревский, - Рерих создает картины целой эпохи, а не эпизоды той или иной страницы истории... В его работах лишнее искать частных: в них важна только общность” [1999, с. 657].

Образы, навеянные произведениями древнего искусства, нашли воплощение и в театрально-декорационной живописи Н.К. Рериха. Художник создавал эскизы декораций к постановкам только тех театральных произведений, в основе которых лежал миф, легенда, сказка, определенный исторический сюжет: “Снегурочка” (табл. XVII), “Валькирия”, “Кикимора”, “Пер Гюнт”, “Весна священная” (табл. XVIII), “Князь Игорь”. Вот видим кончака и половчанина из “Князя Игоря”. Эскизы костюмов, созданные Рерихом, всегда строго соответствуют эпохе. Художником достоверно переданы детали одежды и вооружения. На костюме Изольды - орнамент, мотив которого был навеян художнику образами древних финских фантастических животных: крылатых львов, хищных птиц. Те же образы на поясных пряжках и фибулах, скрепляющих одежду.

На эскизе “Великая жертва” к “Весне священной” изображен обряд поминания предков: старейшины племени у жертвенного огня разговаривают с богами.

Увлекала Рериха-художника работа над декорациями к сюжете А.К. Лядова “Кикимора”. Монументальность изображений, выполненных в пермском зверином стиле, “позволила преобразовать миниатюрные персонажи металлопластики в крупные, соразмерные человеку фигуры. Весь эскиз буквально насыщен популярными образами искусства Прикамья” [Маточкин, Мельников, 2000б, с. 272]. Положив в основу декорации терема кикиморы чудские древности, Николай Константинович, окунул зрителя в сказочный мир, в котором господствуют силы природы [Там же].

Говоря о роли Н.К. Рериха в театральной жизни России, М. Фокин отмечает, что “театр многим обязан Рериху. Его работы для русской оперы, балета, драмы всегда создавали атмосферу высокой художественности... Написанные широким приемом его декорации не развлекали зрителя ненужными подробностями и не идущими к делу красочными эффектами, а помогали ему сосредоточиться и почувствовать смысл, дух, характер действия и музыки” (Цит. по: [Яковлева, 1996, с. 8]).

Самобытность живописных произведений Рериха была отмечена исследователями его творчества. Живопись Рериха по своему составу и методу “есть искусство Символа” [Балтрушайтис, 1994, с. 51], и расшифровка этих тайных символов - дело будущих поколений.

Глава IV

Деятельность Н.К. Рериха, направленная на сохранение историко-культурного наследия

Одной из основных сфер приложения неиссякаемой энергии Н.К. Рериха была деятельность по охране историко-культурного наследия. "Не знающий прошлого, - писал он, - не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще нетронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное" [1993, с. 32]. Будучи "провидцем Прошлого" и при этом думая о Будущем, он считал уцелевшие следы древних культур фундаментом для развития культуры грядущих поколений: "...прекрасные памятники прошлого нужны не только как музейные редкости, но как самые прочные ступени грядущей культуры страны" [Там же]. "Будущее в прошлом" всегда должно быть не парадоксом, но глубоким девизом" [Там же, с. 31].

Начальным этапом деятельности по сохранению сокровищ культуры Н.К. Рерих считал составление реестра имеющихся в России памятников археологии и архитектуры. Каталогизация памятников древности, по мнению ученого, должна была идти по нескольким направлениям: сбор сведений о древних памятниках,

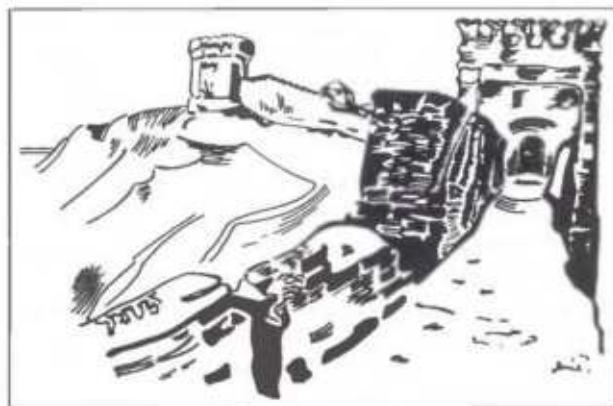

Рис. 35. Смоленск. Кремлевские стены.
Рисунок Н.К. Рериха.

осмотр их на местности, описание и фиксация в виде фотографий или рисунков с тем, чтобы запечатлеть не только внешний вид объекта, но и его современное техническое состояние.

С этой целью Николай Константинович предпринял несколько широкомасштабных обследований археологических и архитектурных памятников. В 1899 г. по поручению Императорского Русского Археологического общества он совершил поездку для осмотра состояния памятников археологии, расположенных вдоль "великого Водного Пути", в результате которой зафиксирован и описан целый ряд объектов. В 1903 г. Рерих с этой же целью объезжает множество старинных русских городов. Вспоминая эту поездку, он писал: "Последовательно прошла передо мною Московщина, Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми" [Рерих, 1991б, с. 54].

Интерьер и внешний вид церквей, стены и башни кремлей древнерусских городов Смоленска, Печор, Костромы, Ярославля, Углича, Изборска, остатки готических соборов и замков Риги и Вильно художник изобразил в этюдах и зарисовках, которые стали своеобразным рисованным дневником поездки (рис. 35; 36).

Обследование памятников показало, что они находятся в чрезвычайно бедственном положении, под угрозой уничтожения природными факторами и антропогенным воздействием. И если с природными явлениями в силу их объективности Рерих готов был примириться, то отношение людей к памятникам своей истории не могло оставить его равнодушным. "Стыдно, - сетует он, - в каменном веке лучше понимали значение украшений, их оригинальность, бесконечное разнообразие... Обеднели мы красотой. Из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло все красивое. Крупницы красоты прежних времен странно остаются в нашей жизни и ничто не преобразуют собою" [Там же, с. 80]. Многочисленные факты разрушений и

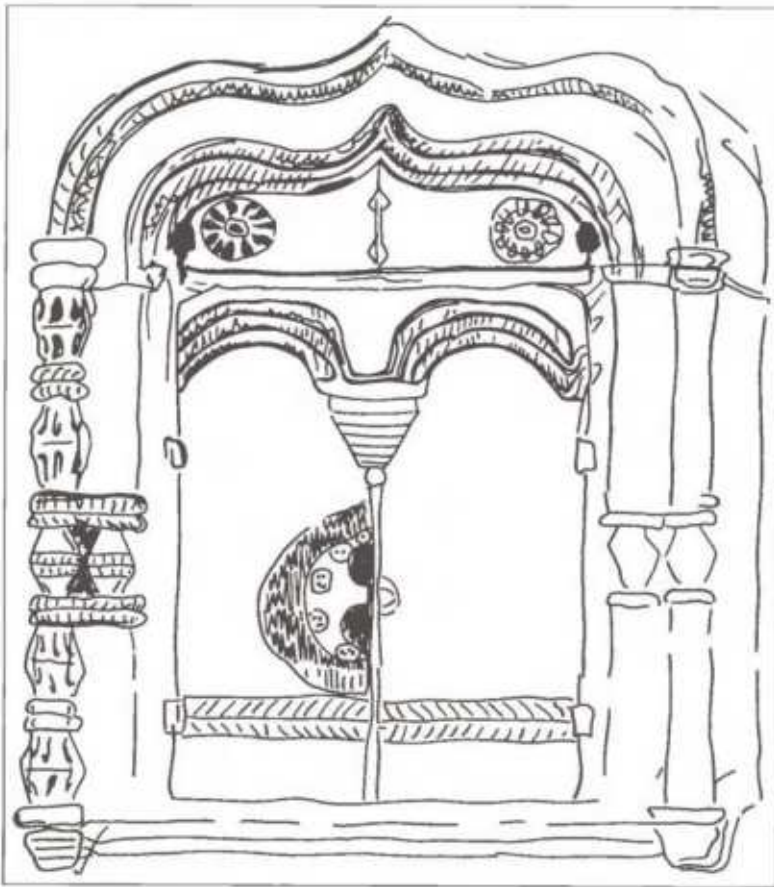

Рис. 36. Окно старого замка в Пскове.
Рисунок Н.К. Рериха.

разграблений памятников старины не только в военное, но и в мирное время, болью отзывались в душе ученого. "Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадаешь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадежных фундаментах. Кроме того, еще и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги" [Там же, с. 54]. Неутешительные результаты поездки 1903 г. Николай Константинович описал в статье "По старине": "Грозные башни и стены заросли... Величавые, полные романтического блеска соборы задавлены ужасными домишками. Седые иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношениями... И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев, кому мешают стены проложить конку, кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора" [Там же].

Страстно желая донести свою тревогу за судьбу исторических памятников до сограждан, он в том же

1903 г. демонстрирует свои этюды и картины на выставке в помещении Общества Поощрения художеств. Газета "Петербургский листок" писала об этом: "Художник Н.К. Рерих, прекрасно знакомый с русской археологией, в течение минувшего лета объездил все места севера и запада России, в которых сохранились археологические памятники. Произведения Н.К. Рериха наглядно знакомят зрителя с современным состоянием знаменитого Костромского Ипатьевского монастыря, с громадными стенами и величественными башнями кремля Нижнего Новгорода и характерными деталями росписи в старинном храме святого Иоанна Предтечи в городе Ярославле" [Рерих, 1999д, с. 429].

В то время Н.К. Рерих одним из первых поставил перед обществом проблему охраны историко-культурного наследия от уничтожения и "поновлений" при реставрации древних памятников. Этот вопрос (в основном в отношении памятников живописи) был включен и в программу, подготовленную к Всероссийскому съезду художников: "Сильная страна не порывает связей со своим прошлым, но прошлое это еще недостаточно изучено, а художественные памятники его пропадают с каждым днем. Обязанность тех, кто глядит вперед, пока еще не поздно и время не стерло всех его

следов, сберечь русское народное художественное достояние, направив в эту сторону внимание наших художественных сил" [Рерих, 1991б, с. 131].

"Тихими погромами" называл Рерих преступную халатность так называемых "охранителей старины", поставленных у важнейшего дела - смотреть за древностями, по причине которой гибли великоленные творения ушедших эпох: "По всей России идет тихий мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно... Погром страшен не только в шуме и свисте резни и пожаров, но еще хуже погром тихий, проходящий незаметно, уносящий с собою все то, чем люди живы" [Там же, с. 125, 127]. Несмотря на то что "дело местной древности находится в руках архивных комиссий, отделов "Общества памятников старины" и прочих археологических и художественных учреждений" [Рерих, 1993, с. 47], российские культурные ценности вывозились за границу, рассенываясь по всему миру. "В каждом преступлении, - писал Н.К. Рерих, - обычно крадывается элемент недосмотра... Но уже недосмотр как таковой является несомненным преступлением так, где вверена судьба государственных национальных сокровищ. Никакие политические, экономические, классовые или расовые соображения не могут понизить ответственность за сохранность великих национальных творений" [1995а, с. 192]. И виной тому, считает Рерих, "некультурность" общества, невежество чиновников городских управлений. "Незаметно рушится красота нашей старины. Разрушится среди "попечений" и "забот" о ней. Разрушится под кровом новых охранительных постановлений, под защитой "науки". Окончательно запишутся, поновятся остатки фресок. Будут разобраны многие стены; будет надстроено, перекрашено, изменено все, что ненавистно духу искажителей" [Рерих, 1993, с. 22]. Рерих с горечью отмечает, что теперь "редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариной" [1991б, с. 55]. Особенной болью в его сердце отзывались сведения о том, что среди разрушителей часто упоминается и Императорская Археологическая комиссия, призванная всемерно помогать делу охраны. "Неблагополучности" в деле сохранения культурных сокровищ видны везде, поэтому Н.К. Рерих неустанно призывал общество проникнуться судьбой народных сокровищ, поскольку нельзя "в обывательской суете отречься от того, чем жив дух человеческий" [Рерих, 1995а, с. 194]. Но мнению Николая Константиновича, необходимо, чтобы люди, отвечающие за сохранение древностей, всей душой болели за порученное им дело, ибо отношение к культурным ценностям он считал мериллом человеческой духовности. "Все поймут, - писал он, - что нельзя говорить о здоровье тела без оздоровления духовных начал. А для этого... охрана культурных ценностей прежде всего будет мериллом" [Рерих, 1991в, с. 337].

В результате обследований памятников археологии и архитектуры, предпринятых ученым, были выявлено и осмотрено великое множество объектов, что позволило начать работу над созданием их реестра. "Наше предложение (по охране культурных сокровищ. - Авт.), - писал Рерих, - откроет возможность просмотреть и каталогизировать истинные сокровища и поставить их под защиту всего человечества" [1992а, с. 71]. С целью пропаганды идей сохранения памятников прошлого Н.К. Рерих планировал издание специального печатного органа, в котором можно было бы публиковать информацию о "всемирной каталогизации культурных сокровищ" [Там же, с. 78] и материалы, связанные с произведениями и памятниками мировой культуры.

Одной из основных целей задуманной Н.К. Рерихом каталогизации культурных ценностей было картографирование археологических памятников и составление археологических карт отдельных территорий. В 1899 - 1912 гг. Н.К. Рерих принимал активное участие в деятельности комиссий, созданных для составления карты археологических древностей Санкт-Петербургской губернии. Большие надежды в этом деле он возлагал на своих сограждан. В "Письме в редакцию" Николая Константиновича писал: "Всякий знающий что-либо о малоизвестных памятниках старины, не стесняясь изложением, должен считать своим долгом сообщить о них в одно из установленных, работающих над сохранением древностей... Комиссия музея Допетровского искусства и быта... примет... всякие указания (описания, снимки, слепки, изображения и предметы) о старине" [Рерих, 1993, с. 32]. Ученый призывал население оказывать всемерное содействие составителю подобной карты по Новгородской губернии И.С. Романцеву. И люди откликнулись на этот призыв, о чем свидетельствуют приходившие на имя Рериха письма от местного населения, содержавшие сведения о древних памятниках (РАИМК. Ф. 37).

Н.К. Рериха беспокоило не только постепенное умирание великоленных творений ушедших эпох, но "еще страшнее, когда старина остается обезображенной, фальшивой, поддельной. Это... больше всего подлежит наказанию" [Рерих, 1991б, с. 126]. Разумеется, он никогда не был противником реставрации, однако считал, что облик памятника должен быть сохранен в первоначальном виде в соответствии с "духом прошлого" [Лазаревич, 1997, с. 238], ибо "в силу уважения к красоте древности нельзя думать о подделках" [Рерих, 1993, с. 31]. Ученый был убежден, что разрушение памятников проявляется не только в их физическом уничтожении, но и в бездарных "поновлениях", навсегда скрывающих подлинное лицо памятника. С болью отзывался художник на каждый обнаруженный им факт подобной "реставрации": "Наложили мертвую маску на Нередицкого Спаса. Испортили живопись Ивана Предтечи в Ярославле..." [Там же, с. 22]. "Таким спо-

собом временно "спасено" многое в искусстве; негодными красками и черными лаками "оживлено" великое число картин... Сколько тщательно расписанных мумий! Сколько мертвых останков! По искривленным, засохшим губам угадайте улыбку; в темной бесформенной массе - движение; в сломанных суставах - мягкость и гибкость" [Там же, с. 20]. За этими, так называемыми "заботами" о памятниках часто скрывалось равнодушие, желание сэкономить на порученном благородном и нужном деле: "Сколько фресок самых лучших художников, сколько картин и статуй превращено в мумии... Бесчисленны погибшие линии архитектуры. Пропали формы; очерствели, потухли настоящие краски" [Там же, с. 21]. Отлично понимая, что "против разрушений нельзя бороться одними запрещениями", Н.К. Рерих призывал использовать в деле охраны культурных сокровищ весь комплекс мер, "какими следует бороться против одичалости", имея в виду прежде всего пропаганду идеи сохранения памятников среди населения [Рерих, 1995а, с. 237].

Наблюдая удручающую картину гибели культурных сокровищ России и страстно желая изменить отношение к древностям в обществе, Н.К. Рерих часть своей лекции "Художественная техника в применении к археологии" посвящает проблемам восстановления художественных произведений, давая конкретные советы по вопросам консервации, оживления картин и "возобновления" масляной живописи. Вопросы эти, по мнению ученого, касаются не только профессиональных художников, но и являются частью специальности археолога, поскольку "часто приходится археологу иметь дело с памятниками живописи и гравюры, помимо всякой специальности окружающих его в обиходе" [Рерих, 1899б, с. 2].

Заботы Н.К. Рериха по охране древностей касались не только архитектурных сооружений, но и памятников археологии. Издавна целые артели "бутровщиков" занимались разграблением курганов, уничтожая культурные ценности. Особенно сильно пострадали сибирские царские курганы кочевников раннего железного века и эпохи переселения народов. Эти драгоценности продавались на ярмарках, где "охотно покупались русскими и инородцами" [Рерих, 1926, с. 18]. Погребальные вещи из курганов продавались часто по стоимости самого золота, без учета художественной ценности предмета. Повсеместно процветало варварское отношение к культуре предков: "Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, "каменные бабы" и надгробные камни, нередко покрытые любопытнейшими надписями и изображениями, "писанды", до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, ко-

нечно, без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников... Сколько пещерных росписей и ваяний уничтожено рукою фанатизма" [Там же, с. 18 - 19]. При этом не стоит успокаивать себя тем, что "кто-то и когда-то давно разрушал" и обвинять "давно истлевших вандалов" [Там же, с. 19]. Зачастую такие же варвары находятся рядом с нами и губят красоту древних памятников грубыми пристройками, приделками, замазываниями и квази-реставрацией.

Рерих рассчитывал на поддержку народа в деле воссоздания разрушающихся археологических памятников. "С этой целью, - писал он, - надо создать комитеты для сбора средств на изыскание древностей... По мелочам, по копейкам создадутся миллионы" [Рерих, 1993, с. 32].

По мнению Николая Константиновича, охрана археологического наследия должна заключаться и в строгой регламентации археологических раскопок, которой обязан заниматься специальный орган, основной целью которого будет контроль за проведением раскопочных работ (выдача разрешения на археологические исследования, проверка правильности ведения полевой документации, борьба с незаконно осуществляемыми раскопками, расхищением и вывозом предметов, являющихся историко-культурными ценностями, предотвращение ущерба, наносимого объектам археологии).

Н.К. Рерих одним из первых поднимает проблему выведения территории полностью исследованных курганных могильников из государственной собственности. "Если вся сущность их (курганов. - *Авт.*) давно вырыта и вывезена, на месте же остаются ни на что непригодные бутры, которые постепенно зарастая и сравниваясь, кроме праздного соблазна для будущих археологов ничего дать не могут и только портят лишние десятины невеликих крестьянских ухожин и покоса. А между тем позволение распорядиться этими остатками реликвий по своему усмотрению, думается хорошо бы отзывалось на прилежании и указании древних мест крестьянами при раскопке... Бояться же, что наряду с исследованными уже курганными полями таким образом исчезнут и нетронутые, - нечего. При некоторой тактичности подобный прием, наоборот может способствовать лучшему охранению неизвестных еще памятников" (ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 85. Л. 30).

Тема консервации и реставрации памятников древности звучит во многих очерках и обращениях Н.К. Рериха. "По отношению ко всякому значительному памятнику старины нельзя понятие реставрации понимать иначе, как поддержание" [Рерих, 1993, с. 24]. "Каждая реставрация, - продолжает Н.К. Рерих эту мысль в очерке "Восстановления", - есть своего рода художественное произведение. Каждая реставрация требует кроме научной подготовки чисто творческого подъяема и высокой художественной работы" [Там же, с. 26]. Рерих

призывает каждый объект, подвергающийся реконструкции, обсуждать особо, поскольку не существует универсальных правил для реставрации. Такая деятельность должна определяться критерием не так называемым "вкусом", а тонким художественным чутьем, которое удержит реставратора от искажения первоначального облика древности. "Художественность, - писал Рерих, - неприкосновенна, и там, где виден еще след художника-украшателя, там всякая достройка может лишь портить заветы времени" [Там же, с. 24]. Человек, занимающийся реставрацией, должен, по мнению ученого, четко видеть "границы, отделяющие инженерный остов сооружения от остатков его художественности, хотя бы проявленной мастером вполне безотчетно" [Там же].

Основную роль в заботах об историческом соответствии Рерих отводил Императорской Археологической комиссии, которая являлась в то время единственным учреждением, профессионально занимающимся учетом памятников и регламентацией работ на них. Однако "около старины нужны чуткие люди. Кроме учреждений "археологических", должны появляться общества друзей старины" [Там же].

Большое значение Н.К. Рерих придавал музеефикации археологических находок и приданию архитектурным и археологическим объектам статуса музея, ибо только "оживленные по всем правилам" старинные предметы и архитектурные сооружения, перестанут казаться человеку "страшной необходимостью... которую требуют знать... со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни" [Рерих, 1993, с. 9].

В 1897 г. он реконструирует в виде скульптурных изображений наиболее типичные разрезы древних курганов Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии, раскопанных им во время полевого сезона. Эта работа вошла в фонды Императорского Российского исторического музея (РАИИМК. Ф. 3. Д. 268) [Рерих, 1999д, с. 162, 164].

Раскапывая древний Новгород, Рерих первым среди ученых выдвигает идею создания музея под открытым небом. Раскопанные им траншеи он законсервировал таким образом, чтобы в дальнейшем их использовать для экскурсионного обзора: "Является мысль сохранить этот разрез всех новгородских наслоений... Стоит лишь над траншеей поставить навес с достаточными водостоками, и для посетителей Новгорода останется прекрасное вещественное доказательство, как насаивались старинные города" [Рерих, 1991б, с. 145]. Однако эту идею городские власти не поддержали, и в конечном итоге траншея была засыпана.

Впоследствии, когда мировые события не раз напомнили всему человечеству о необходимости ох-

раны культурных ценностей, Н.К. Рерих призывал присвоить ряду городов, имеющих мировое историко-культурное значение, статуса города-музея и тем самым обеспечить их сохранность и неприкосновенность в военное и мирное время. "Мы давно указывали, - писал он ученый в очерке "Договор", - на идею городов-музеев, которые, лишённые всяких военных условий, признаются неприкосновенными" [Рерих, 1995б, с. 366 - 367]. По замыслу Н.К. Рериха, в мирное время деятельность по охране городов-музеев должна предполагать восстановление и поддержание в должном состоянии старинных произведений и объектов.

Музеефикация, реставрация и консервация памятников мыслились Рериху как еще один способ пропаганды охраны историко-культурного достояния, так как конечной целью этого процесса он считал организацию различных выставок, демонстрирующих археологические и исторические богатства русского народа. "Чем больше будет открыта, утверждена и разъяснена необходимость неотложных воздействий для охраны культурных сокровищ, тем больше народных взаимопониманий и достижений возможно" [Рерих, 1995а, с. 153].

Работа Н.К. Рериха в области охраны памятников никогда не ограничивалась одними только призывами и обращениями. С группой единомышленников он организовал Музей Дюплетовского искусства и быта. Вместе с тем художник выступал против тех музеев, которые становились "темницей искусства", где не чувствовалось "ни любви, ни заботы... ни порядка" [Рерих, 1991б, с. 78].

Неоднозначно отношение Н.К. Рериха к коллекционированию. Часто сталкиваясь с владельцами различного рода коллекций, Н.К. Рерих с горечью отмечал в своем "записном листке", что "во всех городах и углах идет темное собирательство", "больное собирательство, прячущее свои сокровища, забывающее для чего эти сокровища созданы" [Рерих, 1999д, с. 493]. Однако он был знаком и с примерами "собирательства высокого, широко открывающего доступ к восхищению и изучению собраний... собирательства, публикующего о собранных ценностях для пользы всеобщей..." [Там же]. Он приветствовал тех "собирателей", которые не только "открывали сокровища для изучающих, но и несли собрания туда, где сейчас они нужнее всего" [Там же]. Многие годы Рерих сам коллекционировал древности. Это занятие не было для него самоцелью, он всегда стремился ознакомить со своей коллекцией коллег-археологов и широкую общественность. В 1910 г. артефакты из собрания Н.К. Рериха демонстрировались на выставке в России, организованной директором Музея антропологии и этнографии В.В. Радловым, а также выставлялись на международном археологическом конгрессе во Франции.

Смысл реставрации, музеефикации и коллекционирования Н.К. Рерих видел не в пассивном хранении старинных предметов, а в том, чтобы всякий желающий мог их увидеть, обогатив свои знания по истории и культуре. "Пусть памятники стоят не страшными покойниками, точно иссохшие останки, никому не нужные, сваленные по углам соборных подземелий. Пусть памятники не пугают нас, но живут и вносят в жизнь лучшие стороны прошлых эпох... Не в сумерке темниц должны памятники доживать свой век; они должны светить праздничной жизни народа... Привлеките к памятнику целые поезда любопытствующих... извлекайте из памятников выгоду, продавайте их зрелища, сделайте доступ к ним оплаченным. Кормите пришедших во имя древности, пойте их во имя старины, зазывайте небыльцами красивыми, украшайте каждое место легендами..." [Рерих, 1993, с. 26 - 27].

Н.К. Рерих протестовал против изменения первоначального облика прилегающего к памятникам архитектуры ландшафта, считая его частью архитектурного ансамбля: "Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, тот ансамбль, в котором он красовался в былое время..." [Рерих, 1993, с. 8 - 9]. Он призывал "не застраивать памятники доходными домами; не заслонять их казармами и сараями; не допускать в них современные предметы...", ибо только тогда будут стремиться люди "из тисков современности к древнему" [Там же, с. 9].

Деятельность Н.К. Рериха, направленную на сохранение и восстановление памятников старины, всесторонне поддерживали и разделяли многие живописцы и археологи. Известный историк античности, археолог М.И. Ростовцев в статье "Гибель памятников" писал: "Охраны большинства памятников у нас нет. Но она должна быть, и русское культурное общество должно ее требовать... Напоминать и предостерегать — обязанность каждого..., и от этой обязанности не освобождает никакая самая бурная эпоха в жизни государства... Культурные интересы страны не замирают и не могут замереть... всегда найдутся люди, которые скажут: *caveant consules!* ("Будьте бдительны!")" [1999, с. 474]. Содействие, которое оказывали Рериху многие деятели культуры, свидетельствует о том, что его зов был услышан, а проблема признана насущной для государства и общества.

С большим одобрением Н.К. Рерих отнесся к созданию при министерстве внутренних дел комиссии по выработке основных положений охраны культурных сокровищ. "Трудное и высокое дело, - писал он, - найти формулу защиты лучших слоев бывшей культуры" [Рерих, 1993, с. 25]. Вместе с тем, глубоко зная проблему, Н.К. Рерих предостерегал членов комиссии от того, чтобы эти положения не остались лишь мертвыми циркулярами: "Результатом трудов комиссии могут быть точные списки памятников старины, прекрас-

но отредактированные правила... Но в чем заожется в сердцах толпы горячее стремление оградить красивые останки от разрушения? Каким пунктом правил может быть разъяснено всем народным массам, всем городским хозяйствам, что в разрушении памятников понижается культура страны? Разойдется комиссия; в чьих же руках останутся прекрасные правила...? В каких шкафах будут погребены точные и длинные списки старины?" [Там же, с. 25]. Таким образом, основной целью работы этого органа, по мнению ученого, должна была стать не столько регламентация процесса охраны сокровищ старины, сколько воспитание в обществе почтительного, бережного отношения к древностям.

В связи с работой комиссии Рерих вновь поднимает важнейший вопрос об ответственности за сохранность наследия прошлого. "Слов нет, - пишет он, - на предмет обсуждений очень хороша коллегия. Но главное несчастье коллегии в том, что она безответственна... Вся ответственность тонет в многоликое существо, и коллегия расходится, пожимая плечами и разводя руками...". Нередки случаи, когда "в коллегияльных решениях отсутствует... ответственность личная... с явными несмыслимыми последствиями", но "можно найти таких людей, которые имеют силы и мужество принять высокую ответственность охраны заветов культуры, памятников старины" [Рерих, 1993, с. 26].

Немалую роль в сохранении историко-культурного наследия, по мнению ученого, "кроме правительственных распоряжений" должно играть общественное мнение, которое Рерих называл "тщевым охранителем национальных сокровищ" [1991в, с. 151]. Он был уверен, что "никакие указы не создадут культуру и не защитят ее, если общественность будет безразлична и бездеятельна" [Там же, с. 159].

Н.К. Рерих предлагал создать "при ведомствах путей сообщения, внутренних дел и землеустройства" специальные органы по охране памятников, основными функциями которых будут присмотр "за красотой и историческим значением нарастающего строительства" [Рерих, 1993, с. 52]. Помимо этих специальных учреждений в программу по сохранению культурных ценностей Н.К. Рерих включает и пункт, предусматривающий создание ассоциаций по охране памятников, ставящих своей целью кроме пропаганды идеи сохранения наследия также обмен "художественными выявлениями всех отраслей и научными проявлениями, взаимно знакомясь с духовными ценностями всех народов" [Рерих, 1994б, с. 46]. Работа ассоциаций, по мнению Николая Константиновича, должна быть вполне конкретной: "Пусть это будет не сомнительное пожимание плечами. Пусть это будут не холодные некрологи, но мы, как бы почетная стража, будем охранять ростки Света" [Там же, с. 45]. С целью всестороннего ознакомления общественности с

историко-культурным наследием Н.К. Рерихом предполагал развернуть в рамках деятельности Музея Дюпетровского искусства и быта публикацию серии брошюр о старинных городах под общим названием "Лики древности" с тем, чтобы "выявлялись... в красивой и понятной форме исторические лица городов" [Ростиславов, 1999, с. 543].

Задуманная Рерихом система организации органов по охране памятников включала создание всемирных обществ, основными функциями которых должны были стать "две работы - просветительская и охранительная". А члены этих обществ - "не охранники, но просвещенные воины Культуры" - должны "собираться и поддерживать друг друга, цементировать пространство самым высоким, самым прекрасным, проталкивая эти действительные ценности в жизнь" [Рерих, 1994б, с. 117]. Чтобы научить народ "уважать мировые сокровища культуры, - писал Н.К. Рерих, - нужна широкая общественная организация, которая бы в сердечном сотрудничестве внесла свою лепту в дело охранения культуры" [1992а, с. 228].

В 1904 - 1905 гг. во время русско-японской войны Н.К. Рерих, потрясенный гибелью произведений искусства и исторических памятников, которая приняла в военное время массовые масштабы, обращается к общественности стран мира с предложением обеспечить охрану памятников в международном масштабе. Он призывает сберечь хрупкую чашу культуры от посягательств вандалов, гонимых жаждой разрушений: "Когда вы в повторности читаете ужасные известия (о разрушении памятников культуры - авт.), то пусть попробует кто-нибудь уверять вас, что Пакт для охраны культурных сокровищ человечества не нужен или не своевременен... Если с одной стороны мы видим такую поспешность в разрушениях и обезображиваниях, то можно ли... откладывать решения, которые помогут охранить все самое высокое" [Рерих, 1995а, с. 128 - 129].

Итогом выступления Н.К. Рериха в 1911 г. с докладом на IV съезде русских зодчих, где он еще раз излагает все пункты своей программы по сохранению и воссозданию русской старины, стало резюме участников съезда, предусматривающее меры для ее осуществления:

"I. Меры немедленного характера. Обращение к законодательным учреждениям с просьбой об издании закона, воспрепятствующего реставрации без участия компетентных лиц. Обращение к городским общественным управлениям и земским управам. Обращение к Святейшему синоду, в заведовании которого большинство памятников старины. Обращение к министерству внутренних дел с просьбой о проведении положения об охране древних памятников, выработанного комиссией этого министерства под председательством Н.В. Султанова.

II. Меры длительного характера. Популяризация археологических знаний. Повышение художественного развития вообще путем преподавания в школах. Повышение художественных знаний среди спархиальных архитекторов и улучшение их материального положения. Воспитание в обществе самодеятельности в деле защиты народных памятников" [Петербургский Рериховский сборник, 1999, с. 571].

Первая мировая война еще более обострила проблему. С болью пишет Рерих о страшном вандализме германских войск, сжегших знаменитую Лувенскую библиотеку и разрушивших Реймский собор во Франции. В 1915 г. Н.К. Рерих представляет доклад императору Николаю I и Великому Князю Николаю Николаевичу, в котором также пытается донести идею сохранения культурного наследия, ибо Россия, как участник войны, также причастна к разрушениям памятников. С аналогичным предложением он обращается и к другим воюющим сторонам: посылает телеграмму президенту Франции и письмо правительству Америки. Однако заглушенный громами войны голос ученого не был услышан. Несмотря на это, в своих очерках, эссе, письмах Рерих продолжает настойчиво пропагандировать идею охраны мировых культурных ценностей.

В 1929 г. он публикует проект международного договора по охране памятников истории и культуры. О целях договора ученый писал: "Мы помним множество сокровищ..., погибших во время мировых смутений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто - "Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою". Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут опять быть разрушены. Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры... С этой целью проект Международного Мирного Договора, охраняющего все сокровища Искусства и Науки..., представлен нашим Музеем иностранным правительствам" [Рерих, 1992а, с. 68]. Сын Рериха Юрий Николаевич писал впоследствии: "Он думал, что Пакт может оградить людей воспитанием, то есть дать людям понятие, что есть нечто такое, что является их общим, священным достоянием" [Рерих, 1991, с. 8].

Н.К. Рерих обращается к юристу-международнику, профессору Сорбоннского университета Г.Г. Шкляверу с просьбой составить договор. "Когда мы просили наших почетных советников д-ра Шклявера и проф. Жоффри де ла Прадель, - вспоминал Рерих позже, - уложить этот проект в международные формулы, мы вскоре получили прекрасно оформленный Международный Договор, который сопровождался горячими общечеловеческими симпатиями" [Рерих, 1992а, с. 69].

Пакт состоял из преамбулы и четырех статей. В первой статье приводился перечень памятников, подлежащих всемирной охране в военное и мирное время: прежде всего, "исторические памятники, образовательные, художественные и научные учреждения, художественные и научные миссии", имущество и коллекции которых, а также персонал, обслуживающий их, рассматриваются "как нейтральные" и "подлежат охране и уважаемы воюющими" [Знамя мира, 1995, с. 26]. М.М. Богуславский, исследователь международных правовых норм в области охраны памятников истории и культуры, под нейтралитетом в данном случае понимал принятие воюющими сторонами обязанности обеспечения неприкосновенности объектов [1979, с. 87]. Во второй статье Пакта оговаривалась необходимость регистрации в международных органах "списка памятников, учреждений, коллекций и миссий... , которым желательно обеспечить специальную защиту, предоставленную настоящим Пактом" [Знамя мира, 1995, с. 26]. Эта статья предусматривала установление над названными выше памятниками культуры особого Знамени, которое, по мысли Н.К. Рериха, должно развеваться, давая "специальную защиту и уважение со стороны воюющих государств и народов договаривающихся сторон" [Там же]. Знамя это должно было сыграть особую роль в деле охраны исторического наследия, ибо, как считал Рерих, "если оно не всегда спасет драгоценные памятники, то все же оно постоянно напомнит о нашей ответственности и необходимости забот о сокровищах человеческого гения. Это Знамя внесет в сознание еще один стимул, стимул Культуры, стимул уважения ко всему, что создает эволюцию человечества" [1992а, с. 71]. Флаг, поднятый над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами, должен был означать: международная нейтральная территория [Там же, с. 68]. Н.К. Рерих предполагал нанести на полотнище Знамени Мира особый знак, символизирующий цели и задачи Пакта. Таким своеобразным "маяком Культуры" стал выбранный Николаем Константиновичем древний знак, "прошедший через многие века" [1995б, с. 206]: три окружности, заключенные в круг, что означает - Прошлое, Настоящее и Будущее в кольце Вечности. Е.Г. Дэвлет в статье "Рерих и использование культурного наследия" пишет о том, что вся деятельность Н.К. Рериха связана с провидением. "Замечательно, что трехточечные личины в наскальном искусстве Центральной Азии и Америки являются своего рода иллюстрацией того провидения, предвосхищения будущего, которое характеризует творчество Н.К. Рериха. Известны случаи, когда художник прозорливо создавал в своих произведениях образы, с конкретными прототипами которых он сталкивался в реальной жизни лишь впоследствии. В данном случае элемент древней знаковой системы, так называемая трехточечная личина,

был использован Николаем Константиновичем не только в картине 1907 года "Заключение земное", но и в символике Знамени Мира" [2000, с. 374].

В третьей статье Пакта Рериха говорится о том, что в случае совершения акта вандализма в отношении объектов, пользующихся защитой данного международного договора, пострадавшая сторона имеет право обратиться в Международное учреждение, которое может решить вопрос через созываемый в таких случаях Международный Следственный Комитет [Знамя мира, 1995, с. 26 - 27]. Авторы Пакта не исключали использования различных способов разрешения возникающих споров вплоть до обращения к нормам о международно-правовой ответственности.

Статья четвертая Пакта предусматривала обязательство сторон о принятии мер по защите указанных в статье первой объектов культуры без разделения их на национальные и иностранные. Таким образом иностранным культурным ценностям, находящимся на территории той или иной страны, обеспечивалась такая же степень охраны, как и национальным памятникам [Там же, с. 27]. Тем самым в документе признавалось, что великие творения являются достоянием общемировым, межнациональным.

Характеризуя договор в целом, исследователи отмечают, что он носит ярко выраженный универсальный характер. Содержащиеся в нем общие положения об охране культурных ценностей представляют собой основу как для "общего договора, участниками которого могли бы стать все государства мира, так и регионального..." [Богуславский, 1979, с. 89]. По замыслу Н.К. Рериха, Пакт - это и официальный орган, и "...образовательный закон, который с первых школьных дней будет воспитывать молодое поколение благородными идеями о сохранении истинных ценностей всего человечества" [Рерих, 1995б, с. 85].

Воплощая в жизнь идеи всемирной охраны историко-культурного наследия, Рерих впервые вводит понятие "Красный Крест Культуры", проводя параллели между Пактом и Уставом всемирно известной организацией Красный Крест. "Знамя Красного Креста тоже началось для военного времени, но чтобы приучить к этому знаку человеческое сознание, это знамя было сделано постоянным и... внесло в историю человечества поистине прекрасную страницу" [Знамя мира, 1995, с. 210]. Ученый неоднократно подчеркивал, "...что если Красный Крест прекрасно заботится о физическом здоровье человечества, то Пакт по охране культурных сокровищ должен быть как бы целителем и покровителем духовного здоровья человечества" [Рерих, 1992а, с. 258].

Призыв ученого, выраженный в Пакте и в бесчисленном количестве обращений, писем, воззваний был услышан во всем мире. После издания Пакта развернулось широкое международное общественное дви-

жение его сторонников. Во многих странах мира начали работать Общества и Комитеты "Пакта Рериха", с которыми Николай Константинович постоянно поддерживал связь. Комитеты вели обширную деятельность: "...Среди разнообразных соответствующих мероприятий уже существующих комитетов нужно указать устройство многочисленных лекций, опубликование различных разъясняющих статей, устройству в школах дней Культуры, а также загородных детских праздников, на которых выясняется значение культурных сокровищ... В целом ряде стран, как, например, в Америке, в Японии, во Франции, в Бельгии, в Латвии, в Индии..., знамя Пакта уже поднято или выставлено в целом ряде общественных и учебных заведений" [Рерих, 1992а, с. 258 - 259]. Рерих ставил перед комитетами и обществами Пакта задачу многогранную: с одной стороны, комитеты должны были всемерно способствовать процессу ратификации Пакта правительствами своих стран, а с другой, "распространять культурную задачу Пакта, привлекая новых сочувствующих и развивая в молодых поколениях осознание великой ценности творчества, выразившегося в бессмертных созданиях человечества" [Там же, с. 258].

Наряду с обществами и комитетами, Н.К. Рерих учреждает еще одну всемирную организацию, призванную содействовать охране культурных сокровищ, - так называемую Всемирную Лигу Культуры - "кооперативное объединение научных, художественных, промышленных, финансовых и прочих учреждений, обществ, личностей, работающих в пределах культурных путей" [Рерих, 1996, с. 14]. В каждой стране предполагалось создать Совет Лиги. Для обсуждения насущных вопросов планировался созыв общих или местных конвенций. Всемирная Лига Культуры задумывалась Рерихом как координирующий орган, не стесняющий деятельность входящих в него членов.

Идеи Пакта быстро распространялись в самых различных слоях общества многих стран мира, ибо были по сути своей гуманистическими и миротворческими. Уже в 1931 г. удалось организовать первую конференцию Пакта Рериха, на которой представители различных государств высказывались в поддержку содержащихся в документе положений и обсудили конкретные меры по его воплощению. В 1932 - 1933 гг. проводятся еще две конференции, на которых рассматривались результаты деятельности организаций Пакта. Их участники вновь обратились с призывом к правительствам стран подписать Пакт.

Предваряя окончательное подписание Пакта, Седьмая конференция Панамериканского союза в Монтевидео в 1933 г. единогласно утвердила резолюцию о его принятии. Пятнадцатого апреля 1935 г. этот документ, который имел теперь название "Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха)" был подписан

представителями 21 американской республики. Сохранив в целом основные идеи проекта, разработанного Г.Г. Шклявером, договор расширили до семи статей, оговаривающих, помимо упомянутого выше, условия присоединения к договору, его ратификации и денонсации. Подписание международного документа состоялось при участии президента Рузвельта, что придавало особое значение данному событию, ибо президент был официальным гарантом его реализации. В этой связи Н.К. Рерих отметил: "по степени участия глав государств в культурных делах познается и будущий расцвет самой страны... Если глава государства среди всяких неотложных дел признает существенным свое личное участие подписания Пакта о Сохранении Культурных ценностей, значит, страна ведется по истинно Культурному курсу" [1995а, с. 329 - 330].

По оценке Н.К. Рериха, президент увидел в Пакте возможность широкого осуществления одного из жизненных принципов - сохранения современной цивилизации. "Не забудем слова президента Рузвельта: "Этот договор заключает в себе духовное значение гораздо более глубокое, нежели выражено в самом тексте"" [Там же, с. 453].

Несмотря на признание Пакта высокопоставленными особами, Н.К. Рерих отдавал отчет в том, что "дело культуры не может быть только делом правительства страны..., поэтому народное общественное сотрудничество в деле культуры необходимо для настоящего преуспевания" [Рерих, 1991а, с. 55].

Несмотря на усилия и активную деятельность комитетов Пакта в разных странах, идеи, заложенные в нем, в те годы не удалось реализовать полностью. Только после Второй мировой войны, в результате которой мировая культура понесла колоссальный урон, в 1954 г. была заключена Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, подписанная 80 государствами. В основу данного документа легли положения "Пакта Рериха". И хотя Николай Константинович гораздо шире понимал проблему охраны памятников истории и культуры, которую, по его мнению, необходимо осуществлять и в мирное время, конвенция стала весомым результатом его почти сорокалетней неутомимой деятельности по воплощению в жизнь идеи охраны мирового историко-культурного наследия.

Николай Константинович Рерих по праву считается пионером дела охраны культурных сокровищ. Своей деятельностью он не только положил начало всемирному общественному движению по сохранению историко-культурного наследия, но и заложил основы юридического оформления данного процесса в мировом масштабе. Многие положения, высказанные Н.К. Рерихом, легли в основу принципов последующей работы органов по охране памятников истории и культуры.

Заключение

Н.К. Рерих внес поистине огромный вклад в археологическую науку как в сфере накопления археологических и этнографических источников, так и в области разработки методов исследования археологических объектов что, безусловно, ставит его в один ряд с выдающимися деятелями отечественной и мировой науки. Занятия археологией оказали большое влияние на тематику художественного творчества Н.К. Рериха и определили основное направление его общественной деятельности, связанной с пропагандой охраны историко-культурного наследия.

Стремясь отыскать корни человеческой культуры, Н.К. Рерих одним из первых в России занялся изучением местонахождений каменного века. Исследования последующих лет, проводившиеся учеными на памятниках археологии в районах, где работал Н.К. Рерих, полностью подтвердили правомерность сделанных им выводов. М.П. Зимина, изучая стоянки эпохи неолита в бассейне р. Мсты, обнаружила множество вещественных источников, сходных с теми, которые в свое время ввел в научный оборот Н.К. Рерих [Зимина, 1981]. Облик каменной индустрии и керамических комплексов памятников, обследованных П.А. Путятиним, Н.К. Рерихом и М.П. Зиминной, свидетельствует о существовании на данной территории в период каменного века единой культуры. Обнаруженные Рерихом янтарные бляшки-привески и антропоморфные каменные фигурки стали доказательством зарождения в недрах каменного века искусства. Кроме того, "фигурные камни" были отражением существовавшей в эпоху неолита культовой практики. Увидев сходство керамики эпохи неолита со стоянок на оз. Пирос и керамики фатьяновской культуры, Н.К. Рерих впервые среди археологов установил, что на данной территории в основе культуры эпохи бронзы лежали местные неолитические компоненты. Изучая материалы неолитических стоянок Севера России, Рерих предположил, что уже в то время существовали многообразные связи между племенами, разделенными большими расстояниями. Выво-

ды, сделанные ученым в результате раскопок памятников каменного века России, и разработанная им методика исследований, заключающаяся в поиске культурного слоя, использовании приема его просеивания, широком применении сравнительной типологии, а также обращение к данным естественных наук, несомненно, обогатили теорию и практику археологии.

Изучение археологических памятников славянских племен северо-западных территорий России позволило Рериху сделать ряд определяющих выводов о быте и культуре славян в эпоху средневековья. Прежде всего, речь идет о длительном сохранении архаических форм в погребальной обрядности славянских племен, что объяснялось освоением региона разными по происхождению группами древнерусских переселенцев, их смешением с местным финским населением [Рябинин, 1998, с. 88]. Н.К. Рерих устанавливает зависимость между формой надмогильных сооружений и погребальным обрядом, обнаруживает связь между ориентацией погребенного и временем года, в которое он был похоронен, делает вывод об эволюционном развитии погребальной обрядности: от погребений с захоронением в основании насыпи до погребений-жальников.

По замечанию Е.А. Рябинина, "в процессе раскопок курганно-жальничных могильников Н.К. Рерихом был сделан ряд важных наблюдений и заключений о развитии культуры и похоронного ритуала на Ижорской возвышенности. В течение более семидесяти лет материалы его исследований оставались по существу единственным источником для изучения погребального обряда этого региона" [Там же, с. 86 - 87].

Обращаясь к проблеме финно-угорских элементов в погребальных памятниках славян, Н.К. Рерих вплотную подошел к решению "норманнского вопроса". Он одним из первых нашел научное подтверждение гипотезы о том, что приглашение Рюрику исходило от местных финских племен, и отводил им особую роль в культурогенезе славянских племен северо-запада России.

Н.К. Рерих доказал, что финские и славянские племена жили в тесной взаимосвязи, и подчеркивал мирный характер их взаимоотношений.

Н.К. Рерих первым среди археологов определил научную значимость такого уникального памятника как древний Новгород и, по существу, оказался на пороге блистательных открытий, совершенных позже член-корреспондентом АН СССР А.В. Арциховским и академиком В.Я. Яниним. Именно Н.К. Рерих впервые установил этапы заселения города.

Н.К. Рерих - один из пионеров научного исследования Азиатского региона. На основе изучения курганных могильников, металлических сооружений, пещер, древних наскальных рисунков и каменных изваяний ученый делает вывод о существовании у древних кочевников обряда поминания предков, друидических культов, очищающих обрядов, связанных с огнем, приходит к мысли о глубокой общности культур Востока и Запада. Рерих выделяет памятники "тибетского звериного стиля", определяет границы и период его распространения. Не менее важны и интересны сделанные им выводы о принципиальном единстве кочевнической культуры, о существовании в ее недрах локальных вариантов, а также о том, что прародина человечества - Азия.

Стремясь к всестороннему, максимально полному изучению интересующей его проблемы, Н.К. Рерих одним из первых среди археологов применил комплексный подход к исследованию культуры отдельного региона. Конкретное воплощение этот подход, называемый сегодня мультидисциплинарным, нашел в деятельности основанного Н.К. Рерихом Института "Урусвати".

Научная деятельность Н.К. Рериха оказала огромное влияние на его художественное творчество. Практически все живописные произведения художника в основе своей имели сюжеты исторические, что требовало от него специальных знаний.

Огромный вклад внес Н.К. Рерих в дело сохранения историко-культурного наследия России и других стран. Основные идеи и принципы охраны памятников истории и культуры, выработанные им, - каталогизация, научное обследование с целью фиксации современного состояния памятника, недопущение разрушений и отказ от "поновлений" при реставрациях, сохранение окружающего памятника ландшафта, - легли в основу работы современных служб по охране исторического наследия, о необходимости создания которых на государственном уровне постоянно говорил ученый. Благодаря активной общественной деятельности, развернутой Н.К. Рерихом в большинстве стран мира, было спасено от полной гибели множе-

ство исторических памятников и произведений искусства. Идея охраны памятников культуры не только в военное, но и в мирное время, впервые высказанная Н.К. Рерихом и отраженная в "Пакте Рериха", актуальна и по сей день.

Научная и общественная деятельность Н.К. Рериха была столь многогранна и результативна, что получила заслуженное мировое признание еще при жизни ученого. Он состоял членом более чем сорока научных и культурных учреждений мира, в том числе: Французского общества доисторических исследований, Югославской академии наук и искусства, Академии международного института науки и литературы в Болонье (Италия), Бенгальского королевского азиатского общества, был избран вице-президентом общества Марка Твена (США), членом Парижского общества антикваров, являлся почетным протектором исторического общества Парижской академии, членом-основателем Этнографического общества в Париже, почетным членом Нью-Йоркского общества охраны исторических памятников, почетным членом института им. Д. Босе в Калькутте, почетным президентом и доктором литературы Международного буддийского института в Сан-Франциско, членом Ассоциации международных исследований в Париже, вице-президентом Американского института археологии, членом-корреспондентом многих других научных учреждений в Азии, Европе и Америке [Беликов, Князева, 1972, с. 208]. Н.К. Рерих был награжден российскими орденами Святого Станислава, Святой Анны, Святого Владимира, югославским орденом Святого Саввы. В 1929 г. Парижский университет выдвинул кандидатуру Рериха на звание лауреата Нобелевской премии Мира [Юшкова, Юшков, 2000, с. 479].

Е.А. Рябинин в статье "Н.К. Рерих и археология Ижорского плато (ретроспективные заметки)" дал высокую оценку научной деятельности Н.К. Рериха в области археологии: "Н.К. Рерих с полным правом может быть назван начинателем и первопроходцем основных направлений исследовательской тематики... Им был внесен значительный вклад в накопление базы источников и особенно в расширении информативного содержания последних. Не потеряли своей актуальности многие высказанные Н.К. Рерихом столетие назад заключения интерпретационного, теоретического и методического характера. Археологические изыскания настоящего времени - это закономерное продолжение историко-культурного изучения края, у истоков которого стоял Николай Константинович" [Рябинин, с. 99]. На наш взгляд, это относится не только к исследованиям, проводившимся Рерихом на территории северо-запада России, но и ко всем его научным разработкам.

Послесловие*

Занятия Н.К. Рериха археологией, как и все его блестящие деяния, нельзя отделить от общефилософской жизненной концепции этого замечательного ученого и человека. Поэтому вполне уместно, на наш взгляд, в заключении сказать немного о жизненном кредо великого Мастера. "Чтобы рассказать о гении, - писал С. Булгаков, - который ведь есть некоторое чудо природы, надо самому быть им, по крайней мере, иметь способность вообразить его образ силою вчувствования. Будем надеяться, что найдутся те, которые соберут драгоценные крупинцы воспоминаний о нем" [1993, с. 546].

Полностью разделяя мнение философа о трудностях, связанных с характеристикой образа гения и реально оценивая собственные возможности, ограничимся упоминанием об отдельных фрагментах его деятельности, не просто дополняющих, но объясняющих глубинную суть личности Рериха-ученого.

В своей совокупности эти крупинцы-фрагменты складываются в мозаику образа. При этом неважно, с какой точки картины начнет двигаться взгляд зрителя. Если сама мозаика цельна, а фрагменты ее гармоничны, то неизбежно увидишь в частном целое и наоборот. Примечательно, что Рерих считал мозаику одним из лучших материалов. Он также говорил, что сама жизнь является своего рода мозаикой: "... Иногда скажут: вы мыслите слишком мозаично, а разве все, чем мы живем, не мозаично? Каждый день состоит из бесчисленного ряда самых разнообразных фрагментов. Они будут на всех уровнях и физического и мыслительного напряжения. И чем больше их будет, тем лучше" [1994в, с. 114].

Известно, что строго оформленной системы миропонимания, в которой все было бы разложено "по полочкам", у Рериха нет. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Н.К. Рерих в статье "Стру-

ны Земли" писал о том, что намеренно избегал систематического подхода при изложении своего мировоззрения: "Отчего вы не пишете подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или веши расставляете? По вехам сами весь путь пройдете. Сами ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Руками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. Отладите, излучите из своих пальцев. Иначе материя и дух опять не согласятся в песне труда немолчного. Таким путем отделится пустое любопытство от истинного стремления" [1924, с. 109].

Творчество Н.К. Рериха отмечено путеводными вехами, по которым изучающему предлагается направление поиска истины. На пути от одной вехи к другой интуицией находит те факты, из которых складывается полная и убедительная картина, подтверждающая правильность избранного направления. Принцип "руками и ногами человеческими" является основным законом эволюционного развития, предполагающим свободу выбора того единственно верного пути, пройдя который, человек обретает ощущение равновесия Духа и Материи. Учение Н.К. Рериха можно также уподобить расставленным факелам, привлекающим нас своим светом. Этот свет дает возможность "достроить" мозаичную картину мировоззрения недостающими фрагментами. Н.К. Рерих считал, что людское познание должно подобно пчелам отовсюду собирать сведения, чтобы свободно и добровольно сложить из них свое мировоззрение. Другими словами, путем расширения сознания сделаться из "поденщика жизни" "сотрудником Природы".

Форму, в которой Н.К. Рерих изложил свои философские размышления, он называл, следуя принципу мозаики, "листами дневника". Его ясное и определенное в своей принципиальности отношение к жизни сочеталось с этической позицией, отрицающей навязывание своего мнения другим людям. Об этом размышляет биограф и ближайший сотрудник ученого П.Ф. Беликов: "То, что на другого можно воздейство-

* Публикуется в редакции П.П. Лабеевского.

вать не своим убеждением, а таким же по силе убеждением собеседника, не принимается во внимание. Убедительное для нас может оказаться неубедительным для другого. Спросим же себя, много ли диалогов мы начинали с того, чтобы узнать о том, что ближе всего, что доказательнее для собеседника. Не слишком ли пренебрежительно мы отнеслись к его Господу, то есть к убеждениям ближнего своего, и какое право мы имеем, чтобы он вообще в таком случае прислушался к нам? Человек привык считаться и уважать только свою правду, не задумываясь над тем, что уже одним этим он унижает правду других, часто правду выстраданную, кровную правду, давшуюся нелегко для ближнего нашего" [1980а, с. 278].

Каким же был Н.К. Рерих? Как творил? Чем увлекался? Какие черты характера в людях его привлекали? Коротко на это не ответишь. Поэтому вслед за биографом П.Ф. Беликовым перечислим те черты характера, которые и составляют феномен Рериха, предоставив читателю возможность сложить свою мозаику образа Мастера.

"...Характер Николая Константиновича: неутомимая энергия сочеталась с выдержкой и спокойствием. Никакой суетливости при очень высоких темпах жизни. Четкость и точность во всем, но отнюдь не педантичность. Очень рациональное мышление при самых широких замыслах. Очень общительный, но не мог терпеть пустословия, "салонных" разговоров, беспластных "застольных". Обладал точным и мягким юмором, чуждался всякой грубости, в том числе и словесной распушенности. Сказать по отношению к Н.К. "веселый" - было бы неправильно. Он всегда был очень серьезен, но вместе с тем всегда ощущал радость самого человеческого существования и именно радостно смотрел на окружающую жизнь. Это качество Н.К., пожалуй, лучше всего характеризуется его собственными словами: "Радость есть особая мудрость". Отсюда и неистребимый оптимизм Рериха, его способность отбирать и опираться на все лучшее в жизни" [Беликов, 1997, с. 186 - 187].

"...Какова его основная человеческая особенность? Благожелательность при полном отсутствии "поблажек". Считал унижительным для человеческого достоинства чувство "жалости", хотя и указывал на необходимость "сострадания". Мог быть очень суров с человеком, ставившим личное благо выше общественного. Охотно общался даже со своими самыми яркими противниками, если координация деятельности с ними приносила реальную пользу делу культуры, науки, искусства.

Кроме того, конечно, Николай Константинович отличался необыкновенной творческой многогранностью и каким-то особо повышенным чувством "соизмеримости", то есть безошибочно определял - где, когда, что и в какой мере уместно и общепольно. Высоко

ставя человеческую способность "держаться", порицал всякую безответственность. Для самых высоких полетов требовал прочного, "земного" трамплина...

Его увлечения. Собираательство. Был страстным собирателем старинной живописи и вообще старины. При этом не путем покупок широкоизвестных и дорогостоящих предметов искусства, а путем их розыска, "второго" появления на свет божий... Очень любил музыку. Собирал пластинки любимых композиторов. Других "хобби" не было. Вернее, может быть, все его "хобби" (живопись, археология, путешествия и т.д.) на совершенно равных правах входили и заполняли его творческую жизнь...

Какие черты человека, какие характеры привлекали Н.К. в людях? Активное творческое начало. Умение сотрудничать с людьми разных мировоззрений. Сознательное и ответственное отношение ко всему окружающему. Готовность к действиям. Николай Константинович не любил сетовать, но в его письмах мелькало: "соглашающихся много, действующих - маловато"...

Какие человеческие черты он считал неприятными? Индифферентность. Ограниченность. Фанатизм. Безответственность. Конечно, самодовольную невежественность, которую считал главным препятствием развития человеческого общества...

Были ли у Рериха какие-нибудь мелкие житейские или бытовые предрассудки? Как в творчестве Николая Константиновича "быт" всегда перерастал в "бытие", так и в его жизни "бытовые мелочи" поглощались деятельностью большого масштаба. Именно таких "мелочей", до которых так охочи биографы, мне не удалось обнаружить. Это характерно для всех членов семейства Рериха. Николай Константинович всегда считал борьбу с предрассудками очень важной. Он уважал национальные традиции. На Востоке, конечно, и религиозные традиции, но никогда не связывал себя ими. В незнакомых для себя условиях он всегда спрашивал: "А как у вас принято это делать?" Другой пример. Убеденный вегетарианец Николай Константинович, будучи приглашенным на какой-то прием, где по местным обычаям нельзя было отказать от обязательного мясного блюда, предпочитал нарушить свое вегетарианское правило, чтобы соблюсти местный обычай. И это означало не отсутствие принципиальности, а именно чувство "соизмеримости", о котором я уже упоминал. Остаться непонятым, оскорбить кого-либо, помешать успеху дела из-за бутерброда с колбасой он счел бы просто нецелесообразным. Целесообразность и складывала бытовую сторону жизни Николая Константиновича" [Там же, с. 187 - 188].

В XX в. борьба приоритетов духовных и материальных обострилась до предела в своем накале. Преобладание материалистической цивилизации, не уравновешенной духовностью культуры, сказывается в от-

существовании основательного гуманитарного образования. Приведем современный пример такого столкновения: вполне серьезно современный академик РАН, по специальности математик, на основе своих астрономических вычислений отменяет монголов, считает, что Иисус Христос родился в 1054 г. и был римским папой и т.д. и т.п. Таким образом исчезают и переназначаются целые пласты истории, что совершенно не согласуется с данными не только гуманитарных, но и естественных наук! Куда уж дальше... И книги этих "изысканий" – коих издано уже десятки томов (!), находят своего читателя. Вспоминаются пророческие слова, сказанные несколько лет назад академиком Д.С. Лихачевым: "Мы не выживем физически, если погибнем духовно!".

Несмотря на то что сейчас идет активная борьба с лженаукой и авторам этих "сенсаций" дана спокойная, профессиональная оценка, показывающая "на чудовищные по своей безграмотности и недобросовестности ошибки... при использовании данных астрономических наблюдений", равно как и летописных, археологических и других источников, стоит особо рельефно прописать то, о чем так много говорил Николай Константинович в свое время и что не потеряло актуальности в наше, а именно, понятия: КУЛЬТУРА - ЦИВИЛИЗАЦИЯ, НАУКА - ИСКУССТВО, КРАСОТА, ИНТУИЦИЯ, а также о соотношении этих понятий, о всем том непреложном, способность к вмещению которого и составляет генетическое богатство народа.

В раннем стихотворении Николая Константиновича "Не убить?" показана ступенчатость морального компромисса. Если оправдано, для "знания", убийство насекомого, то таким образом можно, постепенно приучая человека к более низкой этической планке, оправдать и смерть культуры. Примером тому служат пресловутое высказывание о культуре министра пропаганды нацистской Германии Йозефа Геббельса: "Когда я слышу слово "культура" моя рука тянется к пистолету".

Не убить?

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил
только для знания.
Мальчик спросил:
может ли он для добра и для знания
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

[Рерих, 1991в]

Степень духовности не может умалиться бесконечно. Духовность опускается ниже определенной моральной планки и высокое звание "человек - чело идущее

в веках", заменяется определением - "двуногий". Следующая ступень - звероподобие. По свидетельству духовного ученика Н.К. Рериха известного русского писателя Г.Д. Гребенщикова, Рерих любил говорить: "Хоть в печную трубу, но о красоте трубите". Такая метафора своей необычностью подчеркивает насущную важность понятия "красота". Здесь, на наш взгляд, чрезвычайно уместно привести высказывание о миссии Мастера, данное в замечательной статье Теодора Хеллина "Голос Эпохи": "Никто из тех, кто знакомился с мыслями, целями, идеалами и трудами Рериха, не может сомневаться в том, что... Божественным Поручением его было нести мир через культуру. Искусство, во всей разновидности его форм, было главным средством выражения, и красота, в ее очищающем аспекте, являлась той силой, благодаря которой он достиг самых замечательных результатов" [Хеллин, 1993]. В этом высказывании дана полная формула предназначения деятельности Рериха. В 1920 г. Рерих пишет стихотворение "К Нему" где он определяет свое отношение к красоте, как к "силе", с помощью и благодаря которой он достигает самых замечательных результатов.

К Нему

Я нашел наконец пустыньника.
Вы знаете, как трудно найти
пустыньника здесь на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли
он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?
Самое дорогое? Я отвечал:
"Красота". - "Самое любимое
Ты должен оставить". - "Кто
Заповедал это?" - спросил я.
"Бог", - ответил пустыньник.
Пусть накажет меня Бог -
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит
к Нему.

[Рерих, 1991в]

О роли красоты, "как силе" и искусстве, как "главном средстве выражения", пророчески говорил великий Достоевский. В своей статье "Красота" из подборки "Листы Дневника", Мастер полностью предоставляет слово самому Федору Михайловичу:

"А мы верим, что у искусства собственная, цельная, органическая жизнь и, следовательно, основные и

* Такое "абсолютное цитирование" совершенно не свойственно Н.К. Рериху, и было сделано, по нашим наблюдениям, в его литературном творчестве только дважды. Полагая, что в этом случае уместно говорить о полном или почти полном согласии Николая Константиновича с изложенным в этих фрагментах мировоззрением.

неизменные законы для этой жизни. Искусство есть такая же потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с человеком, и без нее человек может быть, не захотел бы жить на свете. Человек жаждет ее, находит и принимает красоту без всяких условий, а так, потому только, что она красота, и с благоговением преклоняется перед нею, не спрашивая, к чему она полезна и что можно на нее купить. И может быть, в этом-то и заключается величайшая тайна художественного творчества, что образ красоты, созданный им, становится тотчас кумиром без всяких условий. А почему он становится кумиром? Потому что потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в дисгармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живет, потому что человек наиболее живет именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается; тогда в нем и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония, и спокойствие.

Но все-таки искусство тогда только будет верно человеку, когда не будет стеснять его свободу развития.

И потому первое дело: не стеснять искусство разными целями, не приписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений, неразлучных с исторической жизнью человека. Чем свободнее будет оно развиваться, тем нормальнее разовьется, тем скорее найдет настоящий и полезный свой путь. А так как интерес и цель его одна с целями человека, которому оно служит и с которым соединено нераздельно, то чем свободнее будет его развитие, тем более пользы принесет оно человечеству.

...Идеал красоты, нормальности у здорового общества не может погибнуть; и потому оставьте искусство на своей дороге и доверьтесь тому, что оно с нее не сойдет. Если и сойдет, то тотчас же воротится назад, откликнется на первую же потребность человека. Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве - вседневная потребность красоты и высшего идеала ее. Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит, есть и потребность здоровья, нормы, а следовательно, тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа" [Рерих, 1996].

Здесь нам необходимо обратить внимание читателя на время написания "записного листка", а было это в конце марта 1942 г., когда борьба нашего Отечества и всего мира против тьмы фашизма приобрела наибольший накал, до размышлений ли о культуре в этот критический геополитический момент было Н.К. Рериху? Напомним читателю слова Рериха: "Гибель России есть гибель всего мира". Возможно ли в этот кризисный момент говорить о красоте, о прекрасном? "И можно, и должно," - отвечает художник. "Через все бури чело-

вечество пристанет к этому берегу. В грозе и молнии оно научится почитать прекрасное. Без красоты не построятся новые оплоты и твердыни". И добавляет: "Красота спасет мир" [Там же].

Попытаемся понять, какое место и в какой взаимосвязи "красота", как реальная сила занимает в отношениях Человек - Природа.

Пророческое, философское высказывание Достоевского: "красота спасет мир", его размышления о значении красоты в жизни человека получают практическое подтверждение в археологии. Всем имевшим дело с археологической разведкой древних стоянок человека известно, что искать, в первую очередь, нужно в самом красивом месте района исследования, этот метод почти всегда работает безошибочно. Это может значить, что окружающая среда: ландшафты - горы и долины помимо хозяйственной привязки, как-то: река, охотничьи угодья, сырье для изготовления орудий труда и оружия - должны были содержать элементы гармонии и можно предположить с большой долей вероятности, что чувство красоты у древнего человека было не на последнем по важности месте и буквально питало его душу, создавая настроение к дальнейшему совершенствованию себя в окружающем мире.

Искусство и красота, знание и мудрость - так парно можно соединить эти понятия. Рерих называет их молитвой духа и предупреждает, коль есть Держава Света, то может быть и царство пошлости. И в царстве пошлости Искусство и Знание эта "Молитва Духа" может казаться несвоевременной и даже ненужной. Прилагая этот критерий можем определять в каком "духовном пространстве" мы находимся в настоящее время.

"...Откуда же придет познание сущности вещей? - Пишет Рерих. - Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придет единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твердых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства. Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания [Рерих, 1924].

Рерих буквально заклинает: "Искусство и знание не безделье, но молитва духа, единственная опора жизни", и начаться "молитва духа" может скорее всего только тогда, когда "Бич Божий" свистит всюду, когда трудно, а может быть, даже невыносимо трудно. Революции, войны, бедствия природы заставляют по новому посмотреть на мироздание и вспомнить непреложное, то что едино на потребу всем - "Знание и искусство". И победа будет заслуженной, если внутренне будут преодолены "колебания духа", что есть та "невидимая брань", о которой так много говорили и писали Духовные Подвижники.

“Именно в наши трудные дни, в наше тяжелое время будем твердо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа. Вы говорите: “Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела”. Отвечаю: “Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепою? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда все существо потрясено и нуждается в твердой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора тверже? А чем же дух зажжется светлее?”

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия” [Рерих, 1924].

Думается что в обобщении наших размышлений об отношении Н.К. Рериха к таким философским понятиям как *красота, искусство, культура* и их корреляции в *науке и религии*, нам поможет статья Теодора Хеллина “Голос Эпохи”, в которой в сжатом виде дан глубокий анализ миссии Н.К. Рериха. В статье автор называет Николая Константиновича “мастером синтеза”, взявшим на себя титаническую задачу вернуть в науку искусство и религию, так как в древности, по словам автора статьи, они представляли собой “троицу в единстве” и подчеркивает, что для выполнения

этой задачи прежде всего мастер знакомится с наукой, искусством и религией... и способами, как свести их опять воедино в их индивидуальной и совместной службе человечеству.

Ранние годы Н.К. Рерих посвятил искусству и науке. И не случайно такой наукой была выбрана археология, включающая в себя поиски материальных свидетельств всесторонней деятельности древнего человека. Раннее знакомство с археологией, ее основательное освоение несомненно помогли в его дальнейшей деятельности по решению рано осознанных Рерихом синтетических задач Культуры. На ците этого воина Света начертан девиз: “Мир через культуру”. Он считает и пытается провести всеми возможными средствами идею, что культура заключает в себе искусство, науку и религию, действующие в единстве. Т. Хеллин справедливо называет Красоту панацеей. “Помочь людям достичь возвращения к духовности, - пишет он [1993], - было основной задачей, для осуществления которой пришел Рерих. Важнейшими средствами для него были те, которые пронизывают через культуру. Искусства были его средствами выражения. Он их возвысил, придав им новую значимость для настоящего времени. Такова его вера: когда искусства должным образом будут восстановлены в нашей индивидуальной и коллективной жизни, тогда через их благотворное влияние и мир, и гармония, и правильный образ жизни опять возвратятся на эту землю.

Таково провозвестие Рериха”.

П.П. Лабезский

Памяти товарища

К несчастью, эта книга увидела свет уже тогда, когда мы потеряли нашего друга и соавтора Петра Петровича Лабецкого. Он скоропостижно скончался от сердечного приступа 6 сентября 2001 г. в экспедиции в Средней Азии, не дожив двух дней до полных 56 лет. Больно и горько писать эти строки.

Их автор знал Петра Петровича около тридцати лет. Мы примерно в одно время пришли в Институт, не раз бывали вместе в экспедициях, постоянно контактировали по работе (да и не только по работе) в зимнее межсезонье. Петр Петрович никогда не стремился к научным высотам, у этого человека было, безусловно, другое предназначение. Какне-то страницы его жизни я знаю лучше, какие-то хуже, каких-то совсем не знаю, но для меня несомненным всегда было одно: Петя, по большому счету, жил для людей. Он всегда готов был прийти на помощь, подставить плечо и делал это неспавязчиво, деликатно, чтобы не дай Бог обидеть или как-то задеть... Порой мне казалось (а, может быть, так оно и было), что Петя живет в каком-то другом, отличном от моего, мире, какими-то своими, понятными только ему радостями. Сначала, по молодости, это вызывало некоторое недоумение, потом пришло понимание того, что люди и не должны быть одинаковыми, не должны стандартно мыслить, чувствовать и воспринимать окружающий мир. Тем, что мне (быть может, не столь скоро, как этого бы хотелось) все-таки открылась эта важная истина, я во многом обязан ему.

Петя любил поле, любил археологию. Этот его интерес в конечном итоге вылился в увлечение фотографией, преимущественно фотографией археологической. Не случайно последние лет пятнадцать он заведовал фотолабораторией нашего Института. Многие сотрудники (и я в том числе) обязаны Петру Петровичу прекрасными фотодокументами, полученными как в полевых условиях, на раскопках, так и в лаборатории при подготовке коллекций к изданию.

Особенно памятливы для меня наши совместные работы на реке Кучерле, в самом сердце Горного Алтая,

куда Петя приезжал к нам в отряд со своей женой Ларисой и еще маленькими в ту пору детьми - Ленкой и Васькой. Уверен, что эти годы были самыми счастливыми для него и Ларисы. Оба были здоровыми, полными сил, любящими друг друга, детей, да и на нас всех эта любовь распространялась. Тепло их сердец согревало весь отряд. Каким же недолгим было их счастье! В 1996 г. от нас ушла Лариса, а через пять лет и Петя. Годы без Ларисы были безумно сложными для него. Ребяточки находились в самом трудном, переходном, возрасте. Нужно было их кормить, поить, одевать, лечить, воспитывать - и все это самому. А летом - нелегкие экспедиции. В последние годы приходилось ездить в основном в Монголию и Среднюю Азию -

места, где работать сложно не только физически, но и (после распада Советского Союза) – морально. Петр Петрович стойко переносил все испытания. Он поставил на ноги детей. Лена и Вася теперь – студенты Новосибирского университета. Он и умер-то как солдат, на боевом посту, ни разу не показав как ему порой бывало физически больно и трудно работать.

Петя не представлял себе жизни без поля, а экспедиционное братство для него было, пожалуй, одной из главных жизненных ценностей. Он всегда по-настоящему болел за общее дело, за Институт. Никогда не забуду, как он радовался нашим уюкским открытиям, с каким энтузиазмом рвался к нам на плато, где условия высокогорья вряд ли были полезны его здоровью.

Еще одна любовь была в этой жизни у Петра Петровича. Он преклонялся перед Николаем Константиновичем Рерихом, очень серьезно и глубоко изучал все многообразное творчество этой неординарной личности. Интерес к философским трудам Н.К. Рериха, Е.П. Рерих, Е.П. Блаватской и других мыслителей Востока был не просто хобби для П.П. Лабцекого – он, несомненно, был частью его жизни. Петя никогда не бравировал своими знаниями. При этом собеседник чувствовал, что они были не поверхностными, а весьма глубокими. Мы не раз спорили с Петром (особенно по молодости) на мировоззренческие темы. Причем задирался всегда я, сначала как воинствующий марксист, а с годами просто из интереса. Вряд ли мы переубеждали в чем-то друг друга, но дискуссии такие, думаю, приносили удовлетворение обоим. Безусловно, мы были близки в оценке деятельности Николая Константиновича Рериха. И именно тогда, в конце восьмидесятых, в экспедиции на Кучерле и родилась идея книги, которая лежит перед вами. Замысел был вроде бы довольно прост – написать о Н.К. Рерихе как об археологе с позиции профессионала. Я начал собирать материал, в чем мне тут же стал помогать Лабецкий, подарив, кстати, в тот памятный для меня вечер на Кучерле редкое издание путевых дневников Центрально-азиатской экспедиции Рериха. Работа, к великому моему сожалению, шла медленно и урывками. Катастрофически не хватало времени. В конце концов, уже в

середине девяностых я вдруг понял, что годы летят очень быстро и надо, наконец, “довести до ума” накопленные материалы. Поскольку самому успеть воплотить все замыслы просто нереально, решил привлечь к работе свою аспирантку Ольгу Лазаревич. И прежде чем обратиться к ней, я посоветовался с Петром Петровичем. Мне почему-то казалось, что его слово должно быть в этом вопросе решающим. Петя знал Ольгу по экспедиции и ни минуты не колебался. Более того, в дальнейшем, во время работы Ольги над диссертацией, Петр Петрович помогал ей материалами и советами. В результате диссертация состоялась. А потом мы решили ее доработать, дополнив новыми материалами и учтя те замечания, которые были высказаны при защите. Петр Петрович с огромным энтузиазмом и каким-то трепетом взялся за работу. Он написал очень крупный раздел, получившийся в значительной степени философским трудом, который тематически несколько не соответствовал основной идее монографии. Мне, тем не менее, хотелось, чтобы эта его работа увидела свет. После обсуждений было решено все-таки издать ее как Послесловие к монографии, максимально адаптировав к содержанию книги, а в полном объеме опубликовать уже отдельным очерком. Весной 2001 г. мы вместе с Петром Петровичем подбирали иллюстрации, договорились, что окончательно он подготовит блок после возвращения из экспедиции, а наш редактор тем временем закончит работу над рукописью. И как гром среди ясного неба – известие о трагедии, которое застало меня в поле...

Благодаря участию сына Петра Петровича Василия и его друга и ученика Сергея Ильина удалось отыскать в архиве Петра Петровича материалы к книге. Допускаю, что это не все что он хотел опубликовать, но восполнить пробел, к сожалению, уже невозможно. Так вот случилось, что книга о Николае Константиновиче Рерихе стала памятником не только этому замечательному ученому и человеку, но и его ученику и последователю Петру Петровичу Лабецкому.

Петр Петрович Лабецкий навсегда останется в памяти людей, которые его знали либо встречались с ним. Он был достоин своего великого учителя!

Академик Вячеслав Молодин

Таблицы

Табл. II. Н.К. Рерих. Идолы (1901 г.).

Табл. I. Н.К. Рерих. Каменный век. Север (1904 г.). Фрагмент.

Табл. III. Н.К. Рерих. Тонец. Восстал род на род (1987 г.).

Табл. IV. Н.К. Рерих. Заморские гости (1901 г.).

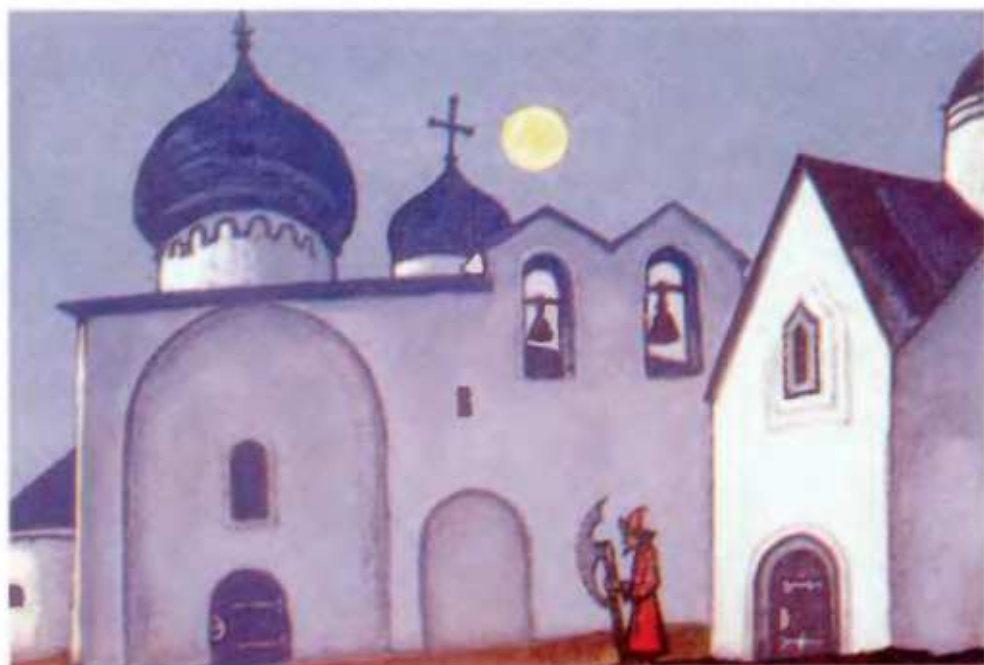

Табл. V. Н.К. Рерих. Псков.

Табл. VI. Мозаика над входом в церковь в с. Пархомовка (1906 г.).

Табл. VII. Н.К. Рерих. Борис и Глеб (1942 г.).

Табл. VIII. Н.К. Рерих. Кришна-Лель (1935 – 1936 гг.).

Табл IX. Н.К. Рерих. Настасья Микулчвна.

Табл. X. Н.К. Рерих. Дорниг.

Табл. XI. Н.К. Рерих. Субурган Ташидинга.

Табл. XII. Н.К. Рерих. Майтрейя (1932 г.).

Табл. XIII. Н.К. Рерих. Камни Ладака.

Табл. XIV. Н.К. Рерих. Три меча.

Табл. XV. Н.К. Рерих. Конь счастья (Знаки Чингамани) (1933 г.).

Табл. XVI. Н.К. Рерих. Весть Шамбалы (1933 г.).

Табл. XVII. Эскизы костюмов, написанные Н.К. Рерихом к пьесе А.Н. Островского "Снегурочка" (1912 г.).

Табл. XVIII. Сцена I действия балета "Весна священная". Эскизы костюмов написаны Н.К. Рерихом. Фото 1987 г. Нью-Йорк.

Список литературы и источников

Литература

- Акулинин В.Н. Философия всеединства. – Новосибирск: Наука, 1990. – 158 с.
- Александров Е. Пакт Рериха и международная охрана памятников истории и культуры. – София, 1978. – 34 с.
- Алехин А.Д. Творческий метод Н.К. Рериха // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. – М.: Изобразительное искусство, 1978. – С. 40 - 61.
- Андреев А.И. Материалы о Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха в востоковедных архивах Лондона // Рериховский вестник. – Извара; СПб.; М., 1992. – Вып. 5. – С. 77 - 78.
- Андреева Л.А. "Урусвати" – СО АН СССР // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. – Новосибирск, 1976. – С. 112 - 116.
- Алтай-Гималаи. Материалы международной научно-общественной конференции. Новосибирск, 1992. – 225 С.
- Анненко А.Н. Последняя экспедиция Н.К. Рериха (1934 - 1935). По воспоминаниям Н.В. Грамматчикова // Рериховские чтения. Мат-лы конф 3 - 6 ноября 1997 г. – Новосибирск, 2000. – С. 342 - 354.
- Антонов В. Милость богов. К биографии художника, археолога и писателя Н.К. Рериха // Смена. – 1991. – № 5. – С. 58 - 65.
- Аукцион собрания русских монет, принадлежащего Н.К. Рериху. – СПб., 1908.
- Бабенчиков М. 1994. – Мысли о Рерихе // Держава Рериха. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 114 - 133.
- Балтрушайтис Ю. Внутренние приметы творчества Рериха // Держава Рериха. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 47 - 53.
- Беликов П.Ф. Николай Рерих в Индии // Страны и народы Востока. – М., 1972. – Вып. 14. – С. 211 - 236.
- Беликов П.Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К. Рериха // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. – Новосибирск, 1976. – С. 94 - 97.
- Беликов П.Ф. Пакт Н.К. Рериха по охране культурных ценностей // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. – М.: Изобразительное искусство, 1978. – С. 186 - 191.
- Беликов П.Ф. Личное участие членов семьи Н.К. Рериха в работе Института "Урусвати" // Рериховские чтения. К 50-летию Института "Урусвати". – Новосибирск, 1980а. – С. 291 - 301.
- Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. – Таллин, 1980б. – 205 С.
- Беликов П.Ф. "Когда захотите посмотреть вдаль..." // Научно-художественный альманах Международного Центра Рерихов. – М.: МЦР, 1997. – № 2 - 3.
- Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 256 с. – (Жизнь замечательных людей).
- Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. – Самара: АГНИ, 1996. – 199 С.
- Бенуа А. Путь Рериха // Держава Рериха. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 54 - 60.
- Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 С.
- Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. – М.: Международные отношения, 1979. – 191 С.
- Богуславский М.М. Н.К. Рерих и международная охрана культурных ценностей // Рериховские чтения. 1979 год. К 50-летию Института "Урусвати". Мат-лы конф. – Новосибирск, 1980. – С. 183 - 187.
- Богуславский М.М. Пакт Рериха // Мир через культуру. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 10 - 16.
- Бонгард-Левин Г.М. Индийские путешествия М.И. Ростовцева // Скифский роман. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 185 - 191.

- Бондаренко В., Бондаренко Е. Н.К.** Рерих в Карелии: к 100-летию со дня рождения художника // Север. - Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1974. № 10. - С. 126 - 128.
- Булгаков С.Н.** Сочинения: В 2 т. - М.: Наука, 1993. - Т. 1. - 603 с. - (Из истории отечественной философской мысли).
- Генинг В.Ф.** Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е-первая половина 30-х гг. - Киев: Наукова думка, 1982. - 225 с.
- Генинг В.Ф., Левченко В.Н.** Археология древностей - период зарождения науки (конец XVIII - 70-е годы XIX в.). - Киев: Наукова думка, 1992. - 65 с.
- Гидони А.** В защиту искусства // Держава Рериха. - М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 81 - 90.
- Голлербах Э.** Искусство Рериха // Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 254 - 264.
- Григорьев Т.Г.** Наследие Н.К. Рериха и миротворческое движение сегодня // Пути восхождения. - М.: МЦР, 1995. - С. 310 - 314.
- Гумилев Л.Н.** Страна Шамбала в легенде и в истории // Гумилев Л.Н. Сочинения: Древний Тибет. - М.: ДИ ДИК, 1996. - С. 298 - 303. (Альманах "Мир Л.Н. Гумилева". Серия 1. Свод сочинений и документов. Вып. 5. - 557 С.).
- Гумилев Н.С.** Выставка нового русского искусства в Париже // Петербургский Рериховский Сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 218 - 220.
- Гутт И.Л.** Рерих и драматургия Метерлинка // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. - М.: Изобразительное искусство, 1978. - С. 96 - 104.
- Демин М.А.** Первооткрыватели древностей. - Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. - 120 с.
- Дико Н.** Монголия в жизни и деятельности Н.К. Рериха и его семьи // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI - нач. XX в.). - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. отд-ния Ин-та обществ. наук АН СССР, 1986. - С. 122 - 123.
- Дубов И.В.** Н.К. Рерих и его археологические изыскания в Ярославской губернии // Великий Волжский путь. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. - С. 238 - 241.
- Дэжлет Е.Г.** Н.К. Рерих и использование культурного наследия // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск: , 2000. - С. 366 - 375.
- Дювернуа Ж.** Рерих. Фрагменты биографии // Держава Рериха. - М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 134 - 156.
- Ефименко П.П.** Некоторые находки каменных орудий в Тверской и в Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский Антропологический журнал. - М., 1916. - Кн. 37 - 38, № 1, 2. - С. 66 - 82.
- Ефремов Ю.Н., Звенигин Ю.А.** О так называемой "Новой хронологии" А.Т. Фоменко // Вестник Российской Академии наук. - М., 1999. - Т. 69, № 12.
- Жервз Н.Н.** Археологическое изучение Новгородской земли местными исследователями во второй половине XIX - начале XX века // Проблемы истории отечественной археологии. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1993. - С. 45 - 47.
- Жук А.В.** Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860 - 1920-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 1995. - 29 с.
- Жук А.В.** "Художественная техника для археологов" Н.К. Рериха // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. - Омск: , 1997. - С. 78 - 102.
- Замятин С.Н.** Миниатюрные кремневые скульптуры // Советская археология. - 1948. - Вып. X. - С. 92 - 94.
- Заятуев Г.** Заметки Н.К. Рериха о бурятах. - Новосибирск, 1983. - Препр. - 6 с.
- Зелинский А.Н.** Россия, Рерих и Восток // Проблемы взаимодействия художественных культур Запада и Востока в новое и новейшее время. - М.: Изд-во Ин-та истории искусств МК СССР, 1972. - С. 23 - 29.
- Зелинский А.Н.** Экспедиция Н.К. Рериха в Центральную Азию. К 110-летию со дня рождения Н.К. Рериха // Природа. - М.: Наука, 1974. - № 10. - С. 2 - 13.
- Зелинский А.Н.** Рыцарь культуры // Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. - М.: МЦР, 1992. - С. 3 - 12.
- Зимина М.П.** Неолит бассейна р. Мсты. - М.: Наука, 1981. - 205 с.
- Знамя мира.** - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1995. - 383 с. - (Большая Рериховская библиотека).
- Иванов Вс.Н.** Рерих - художник, мыслитель // Мир через культуру. - М.: Советский писатель, 1990. - С. 195 - 246.
- Кальжанова Г.И.** "Каменная летопись" Руси Н.К. Рериха // Защитим Культуру. - М.: Мастер банк, 1996. - С. 106 - 126.
- Каталог художественных произведений Н.К. Рериха. 1885 - 1917 гг.** - Новосибирск, 1974. - 141 с.
- Кеменов В.С.** Николай Константинович Рерих // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. - М.: Изобразительное искусство, 1978. - С. 7 - 23.

- Кеннен П. Водь и Водская пятинна // Журнал министерства народного просвещения. - СПб., 1851. - Т. 70. - С. 58 - 66.
- Ключников С. Творящая легенда // Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. - М.: МЦР, 1993. - С. 3 - 11. - (Малая Рериховская библиотека).
- Князева В.П. Н.К. Рерих (1874 - 1947). - М.; Л.: 1963. - 112 с.
- Князева В.П. Н. Рерих. - М.: Искусство, 1968. - 46 с.
- Ковешникова Е.А. Историкография археологии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. - 128 с.
- Козин С.А. Гэсэриада. Сказание о милостивом Гэсер мерген-хане - искоренителе десяти зол в десяти странах света. - М.:Л., 1935.
- Кольчатов В.А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1982. - С. 62 - 63.
- Комиссаров С.А. Ю.Н. Рерих и проблема тибетского "звериного стиля" // Рериховские чтения. К 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. - Новосибирск, 1985. - С. 268 - 271.
- Комиссарова Г.В. Аспекты историзма в мировоззрении Н.К. Рериха // Рериховские чтения. К 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. - Новосибирск, 1985. - С. 53 - 56.
- Короткина Л.В. Рерих в Петербурге-Петрограде. - Л.: Лениздат, 1985. - 224 с.
- Кубарев В.Д. Н.К. Рерих и современная археология Горного Алтая // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 36 - 38.
- Курныкина Г.И. Н.К. Рерих и проблема сохранения культурного наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Мат-лы науч.-практ. конф. - Барнаул, 1997. - Вып. 8. - С. 234 - 237.
- Лазаревич О.В. Керамика как исторический источник в трудах Н.К. Рериха // Керамика как исторический источник. Тез. докл. и мат-лы конф. 16 - 18 апреля 1996 г. - Тобольск: Изд-во Тобол. пед. ин-та, 1996. - С. 3 - 5.
- Лазаревич О.В. Деятельность Н.К. Рериха по охране историко-культурного наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Мат-лы науч.-практ. конф. - Барнаул, 1997. - Вып. 8. - С. 237 - 240.
- Лазаревич О.В. Археология в жизни и творчестве Н.К. Рериха: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: - Новосибирск, 1999. - 20 с.
- Лазаревский И.И. Н.К. Рерих (К 25-летию художественной деятельности) // Петербургский Рериховский Сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 656 - 658.
- Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1969. - Ч. 1: Азия и проблема родины человека. - 390 с.
- Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1972. - Ч. 2: Азия и проблема локальных культур. - 415 с.
- Ларичев В.Е. У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири (к открытию в Кузнецком Алатау поселения Малая Сыя и скульптурного изображения черепахи) // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 14 - 26.
- Ларичев В.Е. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии. В Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения. К 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. - Новосибирск, 1985. - С. 149 - 167.
- Ларичев В.Е. Рерих и сотоварищи в Сибири // Ларичев В.Е., Маточкин Е.П. Рерих и Сибирь. - Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1993. - С. 11 - 160.
- Ларичев В.Е. Астральные боги древнекаменного века Сибири (мальгинская культура) // Рериховские чтения. Материалы конференции 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000. - С. 403 - 415.
- Ларичева И.П. Проблемы археологии в изданиях Института "Урусвати" // Рериховские чтения. К 50-летию Института "Урусвати". - Новосибирск, 1980. - С. 41 - 47.
- Лебелев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. - Л.: Лениздат, 1977. - 231 с.
- Лебелев Г.С. История отечественной археологии. - СПб.: Изд-во С-Петерб. гос. ун-та, 1992. - 464 с.
- Лебелев Г.С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. - СПб.: Изд-во Изд-во С-Петерб. гос. ун-та, 1993. - С. 2 - 4.
- Макаренко Н.Е. Доклады по вопросам искусства в русских ученых обществах // Петербургский Рериховский Сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 503.
- Макаров А.А. Место и роль Востока в художественно-философском творчестве Н.К. Рериха // Пути восхождения. - М.: МЦР, 1995. - С. 290 - 296.
- Маковский С. Поэзия ранних замыслов // Держава Рериха. - М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 39 - 43.
- Мартынов А.И. Историкография археологии Сибири. - Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1983. - 76 с.
- Маточкин Е.П. Каменный век в творчестве Н.К. Рериха // Рериховские чтения. К 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. - Новосибирск, 1985. - С. 30 - 39.

- Маточкин Е.П.** Русский космизм // Сборник мат-лов науч. конф. посвященной 120-летию со дня рождения Н.К. Рериха. - Нижний Новгород, 1994. - С. 3 - 25.
- Маточкин Е.П.** 1997. - Знак знамени Мира в искусстве Евразии и творчестве Н.К. Рериха // Мир Огненный. - М.: МЦР, 1997. - № 4. - С. 74 - 83.
- Маточкин Е.П.** Археологические мотивы в искусстве Н.К. Рериха // Петербургский Рериховский Сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 729 - 744.
- Маточкин Е.П., Мельников В.Л.** Идолы в произведениях Н.К. Рериха // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000а. - С. 165 - 184.
- Маточкин Е.П., Мельников В.Л.** Пермский звериный стиль в творчестве Н.К. Рериха // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000б. - С. 249 - 286.
- Матющенко В.И.** История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. - 138 с.
- Мельников В.Л.** Н.К. Рерих и петербургская палеоэтнологическая школа // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тез. докл. междунар. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ф.К. Волкова (Вовка). - СПб.: Изд-во Изд-во С-Петербурб. гос. ун-та, 1997а. - С. 41 - 43.
- Мельников В.Л.** Николай Рерих и Императорское Русское Археологическое Общество // Санкт-Петербургский университет. - СПб: Изд-во Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997б. - № 3 (3437). - С. 19 - 23.
- Мельников В.Л.** О культурологических идеях Н.К. Рериха (По материалам Императорской Археологической комиссии) // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 745 - 770.
- Мельников В.Л.** Н.К. Рерих и Ф.К. Волков. Из истории Санкт-Петербургской палеоэтнологической школы // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000. - С. 317 - 341.
- Молодин В.И., Лазаревич О.В.** Археологическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-Азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924 - 1928 гг. // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск, 1997а. - С. 111 - 116.
- Молодин В.И., Лазаревич О.В.** Этнографическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-Азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924 - 1928 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997б. - Т. 3. - С. 437 - 440.
- Молодин В.И., Лазаревич О.В.** Археология в жизни и творчестве Н.К. Рериха // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000 - С. 157 - 164.
- Монументальная живопись Н.К. Рериха.** Исследование и реставрация. - М.: Изобразительное искусство, 1974. - 56 с.
- Моргачев В.Б.** Пакт Рериха и современная международно-правовая охрана культурного наследия // Защита культуры. - М.: Мастер банк, 1996. - С. 78 - 86.
- Н. Рерих.** Из собрания Государственной Третьяковской галереи: Альбом. - М.: Изобразительное искусство, 1989. - 48 с.
- Николай Рерих.** Летопись жизни и творчества: Альбом. - СПб.: Изд-во О-ва Вед. культуры: СОТИС, 1994. - 158 С.
- Н.К. Рерих.** - М.: Изогиз, 1958. - 8 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль: Альбом. - Пермь: Карел. кн. изд-во, 1988. - 178 с.
- Окладников А.П.** Н.К. Рерих и его экспедиция // Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. - М.: Мысль, 1974. - С. 277 - 293.
- Окладников А.П.** Н.К. Рерих и археология // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 8 - 12.
- Окладников А.П.** Институту "Урусвати" - 50 лет // Рериховские чтения. К 50-летию Института "Урусвати". - Новосибирск, 1980. - С. 7 - 12.
- Окладников А.П., Беликов П.Ф., Маточкин Е.П.** Рерих - исследователь Азии // Сибирские огни. - Новосибирск, 1974. - № 10. - С. 166 - 172.
- Окладников А.П., Ларичев В.Е.** Предисловие // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 5 - 7.
- Петербургский Рериховский сборник.** - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - 800 с.
- Покровский Н.Н.** Социально-утопическая легенда о Беловодье и Алтайская экспедиция Н.К. Рериха // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 42 - 43.
- Полякова Е.И.** Николай Рерих. - М., 1985. - 304 с. - (Жизнь в искусстве).
- Понов Д.Н.** Хранитель // Рерих Н.К. Берегите старину. - М.: МЦР, 1993. - С. 3 - 7. - (Малая Рериховская библиотека).

Протокол заседания от 6 ноября 1899 года // ЗОРСА. Нов. сер. - СПб., 1901. - Т. 12, вып. 1 - 2. - (Тр. Отд-ния русской и славянской археологии; кн. 5). - С. 383 - 384.

Прихин А.Д. История советской археологии (1917 - середина 30-х гг.). - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. - 285 с.

Рерих в России. - М.: МЦР, 1993. - 79 с. - (Малая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Искусство и археология // Искусство и художественная промышленность. - СПб., 1898/1899а. - № 3. - С. 185 - 194.

Рерих Н.К. Искусство и археология // Искусство и художественная промышленность. - СПб., 1898/1899б. - № 4 - 6. - С. 251 - 266.

Рерих Н.К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. - СПб., 1899а. - 31 с.

Рерих Н.К. Художественная техника в применении к археологии. - СПб.: Типолитография И. Юделевица, 1899б. - 20 с.

Рерих Н.К. - Художественная техника в применении к археологии. Лекции, читанные в С.-Петербургском Археологическом Институте в 1898/1899 гг. Н.К. Рерихом. - СПб, 1899в. - 69 с.

Рерих Н.К. Экскурсия Археологического Института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. - СПб., 1900. - 14 с.

Рерих Н.К. К древностям Валдайским и Волским // Изв. Императорской Археологической комиссии. - СПб., 1901. - Вып. 1. - С. 60 - 68.

Рерих Н.К. Некоторые древности пятины Деревской и Бежецкой // ЗОРСА, - СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1903. - Т. 5, вып. 1. - С. 14 - 43.

Рерих Н.К. Каменный век на озере Пирое. - СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1905. - 11 с.

Рерих Н.К. Фигурные поделки из кремня // ЗОРСА. - СПб, 1907а. - Т. 7, вып. 2. - С. 242 - 243.

Рерих Н.К. Янтари каменного века // ЗОРСА. - СПб, 1907б. - Т. 7, вып. 2. - С. 241 - 242.

Рерих Н.К. Новгородские стены. Отдельный оттиск доклада к 4-му Съезду Русских Зодчих. - СПб, 1911. - 8 с.

Рерих Н.К. Пути Благословения. - N.Y.; P.; Riga; Harbin. Alatas., 1924. - 157 с.

Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. - М.: Мысль, 1974а. - 350 с.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. - М.: Изобразительное искусство, 1974б. - 534 с.

Рерих Н.К. Зажигайте сердца. - М.: Изобразительное искусство, 1990. - 207 с.

Рерих Н.К. Врата в будущее. - Рига: Виеда, 1991а. - 227 с.

Рерих Н.К. Глаз добрый. - М.: Художественная литература, 1991б. - 223 с.

Рерих Н.К. О вечном. Книга о воспитании. - М.: Политиздат, 1991в. - 462 с.

Рерих Н.К. Сердце Азии. - Минск: Университетское изд-во, 1991г. - 95 с.

Рерих Н.К. Твердыня пламенная. - Рига: Виеда, 1991д. - 272 с.

Рерих Н.К. Урусвати. - М.: МЦР, 1992. - (Малая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. - Рига: Виеда, 1992а. - 284 с.

Рерих Н.К. Нерушимое. - Новосибирск: Вико и др., 1992б. - 231 с.

Рерих Н.К. Цветы Морин. Пути благословения. Сердце Азии. - Рига: Виеда, 1992г. - 261 с.

Рерих Н.К. Берегите старину. - М.: МЦР, 1993. - 71 с.

Рерих Н.К. Восток-Запад. - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994а. - 103 с. - (Малая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Культура и цивилизация. - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994б. - 148 с. - (Малая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Об искусстве. - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994в. - 127 с. - (Малая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Шамбала. - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994г. - 207 с. - (Большая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Листы дневника. - М.: МЦР: Мастер банк, 1995а. - Т. 1. - 671 с. - (Большая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Листы дневника. - М.: МЦР: Мастер банк, 1995б. - Т. 2. - 511 с. - (Большая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Химават. - Самара: АГНИ, 1995в. - 255 с.

Рерих Н.К. Листы дневника. - М.: МЦР: Мастер банк, 1996. - Т. 3. - 687 с. - (Большая Рериховская библиотека).

Рерих Н.К. Цветы Морин. - Минск: Изд-во Белорусского фонда Рерихов, 1997. - 180 с.

Рерих Н.К. Нехудожественность наших художественных магазинов // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999а. - Вып. 2 - 3. - С. 384 - 389.

Рерих Н.К. Поиски древней Руси // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 561 - 562.

Рерих Н.К. Поиски старой Руси // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999в. - Вып. 2 - 3. - С. 563 - 571.

Рерих Н.К. Собираательство // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999г. - Вып. 2 - 3. - С. 493 - 494.

- Рерих Н.К.** Археология. Книга первая: Материалы Императорской археологической комиссии. 1892–1918 // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999г. - Вып. 2 - 3.
- Рерих Ю.Н.** The Epic of King Kesar of Ling // Рерих Ю.Н. Избранные труды. - М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1967. - С. 181 - 215.
- Рерих Ю.Н.** Предисловие // Рерих Н.К. О вечном. Книга о воспитании. - М.: Политиздат, 1991. - С. 8.
- Рерих Ю.Н.** Зверинный стиль у кочевников северного Тибета. - М.: МЦР, 1992а. - 38 С. - (Малая Рериховская библиотека).
- Рерих Ю.Н.** Письмо Е.И.Рерих. Из архива МЦР // Рерих Н.К. Урусвати. - М.: МЦР, 1992б. - С. 98. - (Малая Рериховская библиотека).
- Рерих Ю.Н.** По тропам Срединной Азии. - Самара: АГНИ, 1995. - 496 с.
- Рериховские чтения.** К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. Тез. докл. к конф. - Новосибирск, 1976. - 132 с.
- Рериховские чтения.** 1979 год. К 50-летию Института "Урусвати". Мат-лы конф. - Новосибирск, 1980. - 348 с.
- Рериховские чтения.** К 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. - Новосибирск, 1985. - 355 С.
- Рериховский вестник.** 1989. Январь-июнь. - Л.; Изд-во. - 38 с.
- Ростиславов А.А.** Н.К. Рерих. - Калининград: Кн. изд-во, 1995. - Репринт. - 96 с.
- Ростиславов А.А.** Издательская деятельность Музея допетровского искусства и быта // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 542 - 543.
- Ростовцев М.И.** Гибель памятников // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 474.
- Рудзите Г.Р.** Н.К. Рерих и Прибалтика // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. - М.: Изобразительное искусство, 1978. - С. 123 - 136.
- Рудзитис Р.Я.** Культура // Держава Рериха. - М.: МЦР, 1994. - С. 177-192.
- Рябинин Е.А.** Древности Воды и Ижоры в Ленинградской области (историография вопроса) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. - С. 114 - 115.
- Рябинин Е.А.** Финно-угорские племена в составе древней Руси. - СПб., 1997. - 259 с.
- Рябинин Е.А.** Н.К. Рерих и археология Ижорского плато (ретроспективные заметки) // Петербургский Рериховский сборник. - СПб: Изд-во Буковского, 1998. - С. 80 - 101.
- Рябинин Е.А.** Н.К. Рерих и Императорская Археологическая комиссия // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2-3. - С. 15 - 34.
- Рябинин К.Н.** Развенчанный Тибет: 1928. (Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха). - Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. - 730 с.
- Седов В.В.** Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. - М., 1952. - Вып. 15. - С. 202 - 204.
- Седов В.В.** Новгородские сопки. - М.: Изд-во Института археологии АН СССР, 1970. - Вып. Е-1-8. - 57 с. - (Археология СССР. Свод археологических источников).
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI-XIII вв. - М.: Наука, 1982. - 327 с.
- Седов В.В.** Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии: Док.Третьего сов.-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11-15 мая 1981 г. - М.: Наука, 1984. - С. 155 - 161.
- Седов В.В.** Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1987. - С. 34 - 42. - (Археология СССР).
- Сент-Илер Ж.** Криптограммы Востока. - М.: МЦР, 1993. - 78 с. - (Малая Рериховская библиотека).
- Сидоров А.Н.** Формирование и развитие исторических взглядов Н.К. Рериха // Сборник мат-лов науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения Н.К. Рериха. - Нижний Новгород, 1994. - С. 55 - 60.
- Сойин Е.Г.** Рерих и Север. - Петрозаводск: Карелия, 1987. - 164 с.
- Спицын А.А.** Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. - СПб., 1896. - 123 с.
- Спицын А.А.** Раскопки художника Н.К. Рериха в Петербургской губернии // ЗОРСА. Нов. сер. - СПб., 1899а. - Т. 11, вып. 1 - 2: Мат-лы по доисторической археологии России. - (Тр. Отд-ния русской и славянской археологии; кн. 4). - С. 323 - 330.
- Спицын А.А.** Сопки и жальники // ЗИРАО. - СПб., 1899б. - Т. 11, вып 1 - 2. - С. 153 - 157.
- Спицын А.А.** Бологовская стоянка каменного века. - СПб., 1903а. - 39 с.
- Спицын А.А.** Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. - СПб., 1903б. - 32 с.
- Спицын А.А.** Из собрания Н.К. Рериха // ЗОРСА. - СПб., 1907. - Т. 7, вып. 2. - С. 7 - 11.
- Сыркина Ф.Я.** Рерих и театр // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. - М.: Изобразительное искусство, 1978. - С. 78 - 95.
- Третьяков П.Н.** У истоков древнерусской народности // МИА. - Л., 1970. - № 179. - С. 146 - 147.

Трояновский С. Раскопки в Новгородском кремле. История о том, как Н.К. Рерих с новгородцами поспорил-ся. // Чело. Альманах Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 1996. – № 1 (8). – С. 5 - 7.

Тхакур М. Древняя Русь. Славянский цикл к творческому наследии Н.К. Рериха (до 1916 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: - М., 1996. - 20 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1987. - 510 с. - (Археология СССР).

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - 128 с.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. - М.: Наука, 1983. - 126 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. - М.: Наука, 1986. - 239 с.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. - М., 1995. - 111 с.

Хвоцинская Н.В. К вопросу о древних захоронениях в Води // КСИА. - М., 1983. - Вып. 175. - С. 43 - 48.

Хеллин Т. Голос эпохи // Держава Рериха. - М.: МЦР, 1993. - С. 42 - 54. - (Малая Рериховская библиотека).

Цесюлевич Л.Р. Алтай в творчестве Н.К. Рериха // Рериховские чтения. К 50-летию исследований Н.К. Рериха на Алтае. - Новосибирск, 1976. - С. 65 - 70.

Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. (Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда). - Новосибирск: Наука, 1980. - 272 с.

Шамин С.М. Клад захороненный // Петербургский Рериховский сборник. - Самара: АГНИ, 1999. - Вып. 2 - 3. - С. 723 - 728.

Шапошникова Л.В. Магический мост синтеза // Рерих Н.К. Восток-Запад. - М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994а. - С. 3 - 22. - (Малая Рериховская библиотека).

Шапошникова Л.В. Чаша Гваля космической эволюции // Рерих Н.К. Культура и цивилизация. - М.: Мастер банк, 1994б. - С. 3 - 25. - (Малая Рериховская библиотека).

Шапошникова Л.В. Пакт Рериха и эволюционное значение культуры // Защитим культуру. - М.: Мастер банк, 1996. - С. 78 - 86.

Шапошникова Л.В. Беликов П.Ф. Вместо предисловия. Институт "Урусвати" // Рерих Н.К. "Урусвати". - М.: МЦР, 1993. - С. 3 - 18. - (Малая Рериховская библиотека).

Эрист С. Н.К. Рерих // Держава Рериха. - М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 10 - 38.

Юшкова Н.С., Юшков А.П. Путь Духа. О Николае Константиновиче Рерихе // Рериховские чтения. Мат-лы конф. 3 - 6 ноября 1997 г. - Новосибирск, 2000. - С. 475 - 491.

Яковлева Е.П. Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха. - Самара: АГНИ, 1996. - 271 С.

Яремич С. У истоков творчества // Держава Рериха. - М.: Изобразительное искусство, 1994. - С. 68 - 80.

Annual Report of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum (1929 - 1930) // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum. - N.Y., - Vol. 1, № I (MCMXXXI). - P. 67 - 86.

L'Anthropologie. - 1905. - T. XVI. - P. 515.

Lichtmann M.M. Nicholas Roerich and science // Art and archaeology. - 1930. - Vol. 24, № 5. - P. 209 - 214.

Tallgren A.M. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Finska Fornminnesforeningens Tidskrift). - Helsingfors, 1911. - Vol. XXV. -

Архивные материалы

РА ИИМК

Ф. 1. № 45/1905. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Воронежской губернии.

Ф. 1 № 54/1897. - Прошение о выдаче Н.К. Рериху открытого листа.

Ф. 1. № 54/1897. Л. 15, 15об. - Рерих Н.К. Некоторые места С.-Петербургской губернии, связанные с преданиями.

Ф. 1. № 54/1897. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Петергофском уезде С.-Петербургской губернии.

Ф. 1. № 54/1897. - Рерих Н.К. Раскопки 1897 г. в курганах Петербургской губернии. Изварский могильник (Предполагаемые погребения древней Води).

Ф. 1. № 56/1896. - Прошение о выдаче Н.К. Рериху открытого листа.

Ф. 1. № 56/1896. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках 1896 года в Ямбургском и Петергофском уездах С.-Петербургской губернии, произведенных Н.К. Рерихом.

Ф. 1. № 56/1896. Л. 31 - 43. - Рерих Н.К. Прибавление к отчету о раскопках 1896 года, произведенных Н.К. Рерихом.

Ф. 1. № 62/1910. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Новгородской губернии.

Ф. 1. № 74/1894. Л. 12 - 14. - Рерих Н.К. Калитинский могильник (С.-Петербургской губернии. Сосницкой волости. в парке имени Калитино).

Ф. 1. № 74/1894. Л. 43 - 50. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в курганах Вотской пятины.

- Ф. 1. № 74/1894. Л. 51. - Рерих Н.К. Демонстрация опыта скульптурных изображений погребений.
- Ф. 1. № 86/1903. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках во Владимирской и Ярославской губерниях.
- Ф. 1. № 93/1900. - О выдаче Открытого листа Рериху Н.К. на раскопки 1900 г. в Петергофском уезде С.-Петербургской губернии (переписка).
- Ф. 1. № 99/1902. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Новгородской губернии.
- Ф. 1 № 107/1899. - Прошение о выдаче Н.К. Рериху открытого листа.
- Ф. 1. № 107/1899. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках Н.К. Рериха 1899 г. курганов Псковской губернии в деревне Булавиной и других местах.
- Ф. 1. № 107/1899.- Рерих Н.К. Отчет о раскопках Н.К. Рериха 1899 г. курганов Новгородской губернии.
- Ф. 1. № 109/1899. - Рерих Н.К. Отчет о раскопке, произведенной 16 мая 1899 г. членами и слушателями Археологического Института под руководством Профессора Н.И. Веселовского и художника Н.К. Рериха в пределах Петергофского уезда С.-Петербургской губернии близ деревни Пежовицы.
- Ф. 1 № 117/1898. - Прошение о выдаче Н.К. Рериху открытого листа.
- Ф. 1. № 117/1898. - Рерих Н.К. Раскопки Н.К. Рериха 1898 года в у д. Глуницы Царскосельского уезда и д. Торосово Петергофского уезда.
- Ф. 1. № 159/1899. Рерих Н.К. Отчет о командировке Рериха Н.К. 1899 г. для осмотра пещеры, открытой при деревне Дубня Порховского уезда Псковской губернии.
- Ф. 1. № 233/1899. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Новгородской губернии.
- Ф. 1. № 233/1899. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках Рериха Н.К. 1900 г. кургана близ станции Окуловки, в усадьбе Горы Николаевской железной дороги.
- Ф. 3. № 209. Л. 49-50; № 409. Л. 164 об. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках 1896 г. в Ямбургском и Петергофском уездах Петербургской губернии.
- Ф. 3. № 230. Л. 12 - 16. - Рерих Н.К. Отчет Н.К. Рериха о раскопках в Новгородской и Псковской губерниях.
- Ф. 3. № 268. - Пересланные в РАО из Археологической комиссии вещи из раскопок Н.К. Рериха в Крестецком и Боровичском уездах Новгородской губернии (с описью).
- Ф. 3. № 268. Л. 1 -19. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках В.Н. Глазова в Псковской губернии и Н.К. Рериха в Новгородской губернии.
- Ф. 3. № 274. - Переписка с Археологической комиссией о выдаче Открытого листа Н.К. Рериху на обследование городища Сарского близ Ростова, городища Ильинское близ Юрьева, Васильковское близ Суздаля, Добросельское близ Владимира.
- Ф. 3. № 274. Л. 13 - 14. - Рерих Н.К. Раскопки 1903 г. городища Сарского близ Ростова, городища Ильинское близ Юрьева, Васильковское близ Суздаля и Добросельское близ Владимира.
- Ф. 3. № 284. - О пересылке в дар Музею Общества древних монет и вещей: вещи из раскопок Н.К. Рериха на Сарском городище Ростовской губернии.
- Ф. 3. № 302. Л. 13об. - Рерих Н.К. Из области каменного века России.
- Ф. 3. № 302. Л. 40. - Рерих Н.К. Сообщение о каменном веке.
- Ф. 3. № 402. - Записка Н.И. Веселовского и А.А. Спицына о производстве раскопок. Протокол заседания от 22.04.1899.
- Ф. 3. № 409. Л. 1 - 176 л. - Рерих Н.К. Отчет о раскопках в Царскосельском уезде в 1897 г.
- Ф. 3. № 409. Л. 176об. - Рерих Н.К. Описание холмов Петербургской губернии.
- Ф. 3. № 409. Л. 191, 191об. - Рерих Н.К. К вопросу о типах погребения в курганах Водской пятины.
- Ф. 3. № 410. - Рерих Н.К. Доклад о раскопках близ станции Вруда.
- Ф. 3. № 413. Л. 19об. - Рерих Н.К. Находка в Новгородской губернии каменных фигурок, изображающих людей.
- Ф. 37. № 12. - Объяснительная записка к вопросному листу для собрания сведений об остатках старины в Новгородской губернии.
- Ф. 37. Л. 1 - 18. - Сведения о древностях по г. Гдову и Гдовскому уезду Петербургской губернии для составления археологической карты. - 1900 г.
- Ф. 37. Л. 1 - 18. - Сведения о памятниках Лужского уезда Петербургской губернии для составления археологической карты губернии. 1900 - 1901 гг.
- Ф. 37. Л. 1 -18. - Сведения о древностях по Гдовскому уезду Петербургской губернии, собранные С.-Петербургским Археологическим Институтом. 1900 - 1901 гг.
- Ф. 37. Л. 1 - 18. - Сведения об археологических памятниках Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии для составления археологической карты губернии. 1900 - 1902 гг.
- Ф. 37. Л. 1 - 150. - Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда Петербургской губернии. 17. IV. 1900 - 3. XI. 1902.

ОРГТТ

Ф. 44. Д. 2.

Ф. 44. Д. 22. Л. 19, 27. - Рерих Н.К. Городец на Саре близ Ростова.

Ф. 44. Д. 46.

Ф. 44. Д. 48.

Ф. 44. Д. 49.

Ф. 44. Д. 53.

Ф. 44. Д. 55.

Ф. 44. Д. 85.

Ф. 44. Д. 85. Л. 24.

Ф. 44. Д. 85. Л. 28-34, 34а, 35-40. - О материалах раскопок Л.К. Ивановского, изданных в 1896 году Императорской Археологической комиссией.

Ф. 44. Д. 203.

Список сокращений

ГРМ – Государственный Русский музей

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея

ЗИРАО – Записки Императорского Русского Археологического общества

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества

ИРАО – Императорское Русское Археологическое общество

МЦР – Международный Центр Рерихов

ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи

РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)

Содержание

Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему) (В.Е. Ларичев)	5
Введение	9
Глава I. Археологические исследования Н.К. Рериха в России	13
§ 1. Изучение памятников каменного века	16
§ 2. Изучение памятников эпохи бронзового века – средневековья	22
2.1. Изучение курганных могильников	22
2.2. Изучение жальников	33
2.3. Изучение городов, городищ и поселений	39
§ 3. Н.К. Рерих о методике изучения источников и принципах интерпретации материала	43
Глава II. Изучение Н.К. Рерихом культуры Центральной Азии	49
§ 1. Археологические исследования в Центральной Азии	49
§ 2. Этнографические исследования в Центральной Азии	61
§ 3. Деятельность Н.К. Рериха в Институте "Урусвати"	65
Глава III. Археология и художественное творчество Н.К. Рериха	68
Глава IV. Деятельность Н.К. Рериха, направленная на сохранение историко-культурного наследия	78
Заключение	87
Послесловие (П.П. Лабецкий)	89
Памяти товарища (В.И. Молодин)	94
Таблицы	96
Список литературы и источников	105
Список сокращений	114

Научное издание

**Лазаревич Ольга Вячеславовна
Молодин Вячеслав Иванович
Лабецкий Петр Петрович**

Н.К. Рерих-археолог

Редактор *И.А. Лучинская*
Технический редактор *М.М. Игнатов*
Дизайн обложки *Ю.А. Надежина*
Корректор *И.А. Абрамова*

На обложке использован слайд из архива *П.П. Лабецкого*

Подписано в печать 04.10.02. Бумага офсетная. Формат 60x84/8.
Гарнитура Times New Roman. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 13,5.
Тираж 500. Заказ № 48. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18 мая 2001 г.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Список замеченных ошибок

№ С.	Написано	Следует читать
32 (II стб., 25 стр. сверху)	удь	чудь
33 (II стб., 11 стр. сверху)	убедительными	неубедительными
44 (I стб., 5 стр. снизу)	Рериха	Рерих
45 (I стб., 17 стр. снизу)	исследовали	исследовала
54 (II стб., 24 стр. снизу)	характерных	характерными
72 (II стб., 25 стр. сверху)	рассуждая	рассуждал
75 (II стб., 17 стр. сверху)	символические	символически
80 (I стб., 9 стр. снизу)	Но	По
80 (II стб., 2 стр. сверху)	были	было
84 (II стб., 14 стр. сверху)	Николаю I	Николаю II
96	<i>Табл. II</i> Н.К. Рерих. Идолы (1901 г.).	<i>Табл. I</i> Н.К. Рерих. Каменный век. Север (1904 г.). Фрагмент.
96	<i>Табл. I</i> Н.К. Рерих. Каменный век. Север (1904 г.). Фрагмент.	<i>Табл. II</i> Н.К. Рерих. Идолы (1901 г.).

